

"Злая Кровь может быть в каждом..."

Сангреаль. Академия Избранных

Людмила Константа

Осмелюсь мне вчера кто-нибудь сказать, что в один день я потеряю любимую работу, любимого мужчину и такой привычный, родной мир, — я бы посмеялась над этим не самым умным человеком. А сейчас, оказавшись в месте, где живут маги и рыцари, мне стало совсем не до смеха... Особенно если учесть, чтобы вернуться в свое привычное русло я смогу только, если сама возьмусь за свое выживание. Сама сдам вступительные испытания в аз-Зайтун, где меня никто не ждет с распростертыми объятиями и чашечкой ароматного кофе. Сама разработаю ритуал по возвращению обратно домой, но сначала надо поверить в силы, про которые мне с восторгом талдычат со всех углов... И наконец понять, кто и зачем за мной следит, и с чего Великий Магистр Ордена Храма уверен, что во мне течет какая-то Великая Кровь?

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЙ ПРОЛОГ.

— Как же это могло случиться? — взволнованно прошептал сухонький мужчина весьма преклонных лет. Седые, но до сих пор густые волосы были аккуратно заплетены в небольшую косицу, что удивительно шло ему, открывая уставшее лицо с ясными, умными серыми глазами. Про такие принято говорить, что они способны смотреть прямо в душу и обмануть их практически невозможно.

Скорбно поджав бескровные губы, он приподнял полы свободного белого плаща, с нашитым по всей спине золотым крестом и с трудом опустился на корточки перед двумя распластанными телами.

— Кому-то очень сильно понадобилась чаша, — негромко проговорил стоящий в отдалении мужчина с суровым лицом много повидавшего в своей жизни человека. Он был намного моложе своего оппонента, и, конечно же, крепче: широкие плечи с длинными руками, силу которых не могла скрыть простая длинная туника, подпоясанная обычной бечевкой. Рельефная грудь, мощная шея, твердые линии упрямо вздернутого подбородка и открытый взгляд, — все говорило о крутом нраве обладателя столь мощной фактуры.

— Сангреаль — это один из важнейших артефактов в истории человечества, — с сожалением качал головой старик, прикрывая убитым глаза, — но я все равно никогда не смогу понять, как ради вещи можно размениваться на жизнь... Эти двое только вступили в ряды Ордена, даже еще не успели пройти все испытания, такие молодые...

— Великий Магистр, жертвами изверга стали не только эти двое наших юных братьев...

— Вернер, что ты такое говоришь? Неужели...

— В караульной на выходе из молельной, мы нашли еще троих. Всем троим так же перерезали горло, — бесцветным голосом закончил Великий Комтур Вернер фон Орзельн. — Я отдал приказ, что все входы и выходы перекрыли, но боюсь, что это уже бессмысленная мера...

— Я тоже так думаю, — едва слышно прошептал Магистр, не забывая, однако при всей своей искренней скорби осматривать тела. — Тела уже успели окоченеть, убийца ушел отсюда уже давно. Вместе с Сангреалем... Я не вижу никаких следов, Вернер, посмотри ты своим не замыленным глазом...

Вернера фон Орзельн просить дважды никогда не приходилось, он был очень дисциплинированным человеком, и любое слово своего Магистра воспринимал как указание к немедленному действию.

Он присел возле тел погибших караульных, которых в эту ночь впервые решили оставить на охране давно хранимого артефакта. Наведя руки на их тела, он прикрыл глаза и сосредоточился на тепле своих ладоней. Сначала ничего не происходило и в небольшом зале тишина начала сгущаться и давить на уши, но потом по пальцам Комтура заструилось едва заметное свечение. Сначала оно не уверенно, словно любопытный щенок, лизнуло успевающую посинеть кожу мертвого юноши. Затем резко расширившись, потекло к другому телу, а затем и по всему помещению. Сам Вернер все это время хранил стойкое молчание, но через некоторое время со смесью неудовольствия и восхищения проговорил:

— Впервые вижу, чтобы я не смог найти никаких следов. То есть вообще никаких!

— Ты известный следопыт... — задумчиво произнес Отто фон Керпен, бессменный

глава Ордена Солнца или как их называли в народе, Храмовников.

— А тут поработал кто-то более опытный, чем ты... Раньше я считал что это невозможно.

— Я тоже, но, тем не менее, кто-то спокойно зачистил за собой следы, и прихватив Сангреаль, ушел в неизвестном направлении. Мы не знаем ни кто, ни куда, ни зачем!

— Ну, зачем, это далеко не секрет... — досадливо крикнув, Магистр все-таки сумел подняться на ноги сам, отказавшись от предложенной Вернером помощи.

Комтур прекратил тратить силы на бесполезные попытки найти хоть какие-нибудь следы и уставился на Великого Магистра тяжелым немигающим взглядом. Тот ничего пояснять не спешил, только осматривал небольшой медный поднос, на котором еще совсем недавно, защищенная несколькими заклинаниями стояла золотая чаша Сангреаль.

— Великий Магистр, прошу вас пояснить, что вы имели в виду. Чем быстрее мы разберемся в причинах произошедшего, тем быстрее сможем понять, кому это понадобилось. У нас не так много тех, кто смог бы так легко пройти в Храм и уйти незамеченным. Чувствуется недюжинная подготовка... Средний маг или воин не смог бы дойти до молельни.

— В том то и дело, сын мой, в том то и дело...

Магистр устало потер лоб кончиками пальцев: было видно, что бессонная ночь дается ему с большим трудом. Трудно оставаться безучастным, когда под самым носом происходят такие вещи и особенно когда убивают молодняк, только-только поступивший на службу.

— История Сангреаля богата многими мифами и фактами, о реальных чудесах.

— Чудесах? — недоверчиво хмыкнул Верне, — что, слепые прозревают, а у безногих отрастает новая нога? Тогда почему в наши храмы не толпились паломники, жаждущие исцеления?

— Мне понятен твой скепсис, но когда-то Создатель даровал нам способности к исцелению через своих прямых потомков. Они же, не считая себя избранными, через какое-то время создали удивительный артефакт, придав ей часть собственного дара. И какое-то время чаша действительно могла помочь справиться с любым недугом. Прошло время, кровь потомков его создателей стала постепенно терять свои особенные качества. Постепенно они стали обыкновенными магами и ведьмаками, как многие среди нас. Но вот на чудо, сын мой, при всех наших возможностях, мы к сожалению, не способны.

Вернер не стал развивать эту тему, хотя ему было, что сказать старику про все эти сказки о потомках Создателя и подобных артефактах, раскиданных по всему свету и не представляющими для них, ныне живущих, никакой ценности. Если оно не приносит ни вреда, ни пользы, то зачем оно тогда вообще нужно? А теперь, из-за куска золота с камнями убили несколько молодых храмовников, которые с самого детства мечтали попасть в ряды великого Ордена и следовать их главной заповеди: помогать, защищать, исцелять. Тот, кто это сделал, должен быть наказан. Жизнь любого, кто принадлежал Ордену Храма Солнца была священна и неприкосновенна.

Великий Магистр прекрасно видел настроения, которые гуляли в душе его последователя, но ни опровергать, ни поддерживать его не стал. Есть вещи, с которыми каждый человек должен справиться сам, а потом нести за это ответственность.

— Я убежден, сын мой, что тот, кто забрал чашу, очень сильно надеется на чудо.

— На чудо бессмертия или исцеления? — тщательно скрывая насмешку, произнес Великий Комтур. — Но даже если отбросить то, что чаша уже многие века считается

потерявшей свою силу, я помню по вашим же докладам на некоторых собраниях, что одной чаши не достаточно для ритуала. И вообще, там очень много факторов должно совпасть, поэтому жажду чуда можно исключить. Может, убийца украл ее, чтобы продать? Стоит-то она целое состояние...

Магистр выслушал оппонента с участливым выражением на лице. Так себя ведут, когда разговаривают с несмышлёными детьми, познающими мир. Не будешь же ты раздражаться, если твой ребенок, только научившись ходить, говорит какую-нибудь милую чепуху?

— Здесь, в Храме, помимо чаши есть множество других артефактов и более ценных, хочу тебе отметить. И все они исправно выполняют возложенные на них функции, в отличие от Сангреалья. А потому и продать их можно за большие деньги, но ничего же не пропало?

Было видно, что Вернер только сейчас об этом подумал, но признавать свои ошибки никто не любит, и он не был исключением. Он задумчиво покачал головой:

— Я сейчас же отдам распоряжение, чтобы все хранилища были проверены на факт установления краж. Но на первый взгляд даже здесь, в молельне, все в порядке.

— Проверь, но я уверен, что ничего больше не пропало, — кротко улыбнулся старик, но серые глаза оставались холодными и напоминали застывшее зимнее озеро, — значит, ему или им был нужен именно Сангреаль. Боюсь, что мы имеем дело не с банальным желанием обогатиться.

— Ритуал бессмертия? В жизни нет ничего не возможно, мы даже можем летать без крыльев, но есть же какие-то пределы... Ведь не было еще случая, чтобы кому-нибудь удалось... — скептически скривившись, Вернер принялся мерить молельню широкими шагами. Он безуспешно старался справиться возникшим раздражением из-за чересчур бурных фантазий Великого Магистра, которого он считал выжившим из ума стариканом, никак не желающим отправляться на законный отдых. Комтур старался построить в голове картину произошедшего, но без понимания истинного мотива это становилось бессмысленно.

Выбитые прямо в стенах фрески с древними изображениями скорбящих святых, осуждающе смотрели на все, что творилось вокруг. Свечи, стихийно расположенные на всех выступах в каменных стенах, столе, полках, практически догорели, и руководство Ордена рисковало остаться в полной темноте. В силу особенностей подобных освященных мест, действие магии сильно ослаблялось, и зажечь свет просто не получиться. Пора было закругляться. Понимая это, Великий Магистр Отто фон Керпен потянул Комтура за руки и вытащил из молельни. От жженных благовоний из смеси лаванды и ветивера слегка кружилась голова.

— Сангреаль способен, не только подарить вечную молодость. По преданиям, он еще и увеличивает природный магический талант, если конечно он есть. Кто не захочет быть молодым и сильным?

— Хорошо, — с сердечным скрипом согласился Вернер, все равно пока других версий у них нет, — допустим все было сделано именно для этого. Но чаша не работает уже долгое время. С этим то что?

— О, ну здесь все гораздо проще, — тихо рассмеялся Отто, — пока бедных юношей соберут и положат со всеми прилегающими почестями в мертвецкую, мы с тобой отправимся в библиотеку, я покажу тебе кое-что любопытное...

Пройдя затемненный притвор каплицы, они вышли на улицу. Стоящие у дверного

проема солдаты, едва завидев выходящих, моментально стерли с лиц скучающее выражение, вытянулись и кажется даже перестали дышать, боясь пошевелиться. Мазнув по ним ничего не выражающим взглядом, Великий Магистр, пройдя несколько шагов по выложенной серым булыжником дороге, свернул на неприметную вытопанную тропинку. Она вела через небольшой яблоневый сад, прямо к входу в мрачное одноэтажное здание с очень маленькими и грязными окнами.

Так уж получилось, что библиотека располагалась именно в этой, отдельно стоящей от всего остального замка пристройке. Магистр не видел жизни без проведения там своих вечеров, в тишине и спокойствии.

Если бы библиотека, в которой он частенько корпел над рукописями и указами, находилась в самой цитадели Ордена, его бы давно замучил шум, производимый никогда не спящим гарнизоном. А чего стоят одни только чересчур любопытные рыцари, считающие своим долгом засвидетельствовать ему, Отто фон Керпену свое почтение и попутно узнать, чем он занимается.

Библиотека Ордена Солнца, существующая с момента, когда Создатель утвердил их особый статус и Устав, была уникальная в своем многообразии и не имела аналогов. Ни у кого из королей и даже императоров не было и доли того, что самозабвенно хранил Отто. Встречались даже такие страшные экземпляры, у которых листы были сшиты из человеческой кожи. Даже представить жутко, каким способом были добыты их материалы.

Бесчисленные слитки, древнейшие рукописи... Всего этого великолепия было не счесть, как и ее стоимость. Все, что попадало сюда, не имело своей цены. Настоящие сокровища.

Всего было так много, что казалось, будто стеллажи из мореного дуба, возвышающиеся до самого потолка, сейчас рухнут под тяжестью своей ноши. Диваны и мягкие кресла утопали в интимном полумраке, но не светильников, ни свечей нигде не было видно. Здесь Магистр в целях пожарной безопасности не держал открытого огня и для освещения пользовался исключительно магией.

И весь этот неповторимый мир знаний и безмятежного покоя, тщательно скрывался от чужих глаз.

Вернер неуверенно поднялся по крутому крыльцу и встал на пороге, не решаясь открыть слегка покосившуюся от времени дверь и войти внутрь. Сзади его начал подгонять Отто:

— Ну что ты встал-то? Я же с тобой, так что защита тебя пропустит, не бойся.

— Именно поэтому я и стою, чтобы вы подошли ко мне поближе. А то мало ли что...

— Раньше ты был менее рассудительным, — одобрительно признал Магистр и гостеприимно распахнул дверь. Она и правда была не заперта, хотя это делать и не зачем. Без Отто сюда бы все равно никто живым бы не вошел. Он всегда любил тщательно защищать свои владения и все об этом знали.

— Прощу.

Оказавшись здесь в первый раз, Вернер не скрывал, что был впечатлен. Сколько же труда вкладывают сюда старик, чтобы содержать это чудо в таком прекрасном состоянии?

— Присаживайся в кресло, сейчас я дам тебе одну любопытную вещицу, мне привезли ее совсем недавно...

Бубня под нос, Магистр не спеша проходил по полкам, видимо ища ту самую [книгу](#).

— Всего пару месяцев назад к нам прибыл безымянный гонец, он передал мне подарок от Его Величества Карла Санфорского и сказал, что в наших руках она послужит лучше, чем могла бы.

— Король Литерии? — переспросил Вернер, не веря, что эта скряга, экономивший даже на свадьбе собственной дочери, расщедриться хоть на какой-нибудь подарок. Тем более что Литерия, одно из немногих государств, с которым Орден не вел никаких дел, даже торговых.

— Я тоже тогда очень удивился этому визиту, тем более что сам гонец буквально растворился в воздухе, когда я принял от него тот сверток... Ну конечно, вот эта книга. Держи.

Отто достал с полки небольшую книжицу с красно-золотом переплете и раскрыв на нужной странице, протянул Вернеру. Тот глянул туда, и увидев, что повествование идет о Сангреале, попросил:

— Пока я буду читать, Великий Магистр, будьте добры, поясните мне, о чем идет речь. Я так лучше усваиваю информацию.

Магистр отказываться, конечно же, не стал, он любил благодарных слушателей. Покряхтев, он тяжело опустился в кресло напротив:

— Как я уже говорил, чтобы Сангреаль отдавал свою силу, нужно чтобы совпало очень много факторов. Я не зря тебе сказал, что раньше творить чудеса с его помощью удавалось только потомкам Создателя нашего мира и сейчас никого из них не осталось, а те, что есть, имеют кровь такого дурного качества, что упаси боги давать им чашу в руки...

— Потомки Создателя разбрелись не только по нашему миру, были многие, которые успели уйти от нас, прежде чем границы Перехода замкнулись.

— После того как Переход закрылся, границу можно перейти только один раз в год и для каждого время определено по-своему, — довольно закивал Отто.

— Так вот, в книге описывается ритуал, с помощью которого можно значительно увеличить свои способности и не только излечить любой недуг и увечье, но и продлить молодость на много-много лет.

Услышав это, Вернер не сразу поверил старику, но чутье опытного воина и исследователя подсказывало, что зерно здравого смысла в этом есть. Он весь подобрался, как перед прыжком:

— И что нужно для этого ритуала?

— Сама чаша, разумеется, в которую в определенный день собирается кровь семи потомков Создателя, отданная добровольно. Дальше ничего особенного, там идет описание рунической символики, которую надо использовать...

— То есть нам скоро надо ожидать еще и похищений. А там уговорить жертву дело техники...

— Похищений из внешних миров, сын мой, — заметил Отто, — те потомки, как я уже сказал, что есть у нас, не годятся для подобного ритуала.

— Но провести сюда человека из-за границы невозможно? — не поверил Вернер и замолчал. Невозможно принести в этот мир то, что ему не принадлежит. Но те, в ком течет кровь Создателя, не будут отвергнуты. Перед его глазами ком проблем вырос до неприличных размеров и грозился лопнуть.

— Вижу ты и сам понял... И теперь одним богам только известно, зачем нашему убийце такой сложный ритуал. Мы рискуем получить мага с необычайно высоким потенциалом и приобрести множество проблем. Поэтому его надо найти, сын мой и как можно быстрее.

— Или тех, кого он собирается сюда перетащить... Надо понять, как он собирается их искать?

— Или уже нашел. Это не так сложно, как кажется, надо просто дать команду следить

за Переходами, мы способны улавливать колебания границы и понять, кто уходит туда, а кто возвращается и приходит ли он один. Пока фактов переноса посторонних зафиксировано не было.

— Значит он никого еще не перенес, — задумался Великий Комтур, — и переносить может раз в год... Очень долго, наверняка есть еще варианты.

— Если предположить, что есть, то только один...

— Какой?

— Найти одного из потомков, с очень сильными показателями по крови, которые будут перевешивать тех, у кого она испорчена...

— Одна кровь из-за границы, остальные от наших потомков...

— Bravo, ты делаешь успехи Вернер.

— Спасибо, я ценю вашу поддержку, — без тени лукавства ответил Комтур. — Мы можем найти этого уникального человека первым?

— Теоритически да, — некоторое время подумав, наконец, ответил Магистр, — но мало того, что его надо найти первым, его еще надо успеть первым сюда перенести и уговорить сотрудничать с нами. Нам совсем не помешает тот, кто может творить чудеса. Без Сангреалья люди стали страдать еще больше, у них сильно пошатнулась надежда на исцеление. Магия может облегчить боль и заживить несильную рану, но не способна вытаскивать с того света, если болезнь смертельная.

— У хозяина Сангреалья таких ограничений не будет...

— У всех есть ограничения, они тоже не смогут спасти всех, такая уж у них специфика... Но они все равно могут немножечко больше, чем мы. Представляешь, какой статус приобретет Орден, когда заявит всему миру, что у нас есть истинный хозяин чаши?

— А если он не согласится пройти через Переход?

— А ты подумай, чем можно его заинтересовать. В любом случае, ему потребуется хорошая подготовка и адаптация, ему надо будет приставить охрану и отдать на обучение в одну из Академий. Он будет нам благодарен. Нет ничего лучше, чем вернуться домой и эту мысль ты должен будешь вложить ему в голову.

Вернер не был согласен со стариком по многим вопросам, но это можно будет решить по ходу действий. Главное сейчас опередить таинственного убийцу и выйти на потомка Создателя с сильной кровью. И сделать это первыми, сейчас.

— Сделаю все, что в моих силах. Я отправлюсь сразу, как только найду нужного человека.

— А тебе не надо никого искать, я сам все сделаю.

— И как же?

— Так, как ты не умеешь. Помоги мне встать, что-то совсем я устал...

Вернер с трудом подавил в себе недовольство, но покорно помог подняться старику и проводить его к столику в дальнем углу, на котором стоят странного вида прямоугольный сосуд. Он был сделан из черного матового стекла и имел обтекаемые грани, к которым руки так и тянулись потрогать. Что Комтур и попытался сделать, но получит ладонью по затылку от Магистра:

— Тебе что, жить надоело? Сосуд Желаний трогать без перчаток нельзя, он вытянет из тебя всю жизнь!

Вернер потер место удара и обиженно фыркнул:

— А перчатки, конечно же, способны защитить?

Магистр на это только хмыкнул, и открыв небольшой ящичек в столе, вытащил оттуда на свет пару черных бархатных перчаток и тут же натянул на руки.

— Обычные, конечно же, нет, эти шились специально для Сосуда. И то, взамен на то, что увидеть желаемое и путь к нему, мне придется исполнить в ответ желание Сосуда. И они не всегда приятные, скажу я тебе...

Он сделал жест рукой, объясняющий Вернеру, что тому стоит отойти и не мешаться под ногами. Потом не торопясь налил воды из рядом стоящего графина и аккуратно взялся за Сосуд Желаний двумя ладонями. Он не произносил никаких слов и не делал пассы руками, ровным счетом ничего, что говорило бы о том, что перед Вернером стоит старый и опытный маг. Но самая эффективная магия, это когда творишь невидимое искусство — незримо...

Отто долго ждал, пока через Сосуд пойдет отклик. Вода в данном случае играла роль хорошей связки, да и вообще была прекрасным проводником. С нее жизни начиналась, ею же и закончится.

Настройка шла долго и неожиданно трудно. Магистр, не ожидавший, что будет так тяжело начал хрипеть, ему было жарко, а пот ручьем стекал по спине. Великий Комтур видел, что твориться что-то не ладное, но вмешиваться не смел. Он боялся помешать в самый ответственный момент ритуала и все испортить. Тем временем Магистра начало слегка потряхивать. Не выдержав, Вернер тихонько проговорил:

— Магистр, с вами все в порядке?

С Великим Магистром было все хорошо, просто он не понимал, куда так быстро уходят силы и что именно он видит перед собой. Какие-то бесконечно высокие здания, все одинаково безликие вперемешку с настоящими дворцами. Крепость необычного красного цвета и удивительными звездами на шпилях, невероятные мосты по которым быстро движется нечто, отдаленно напоминающее повозки... Женщина, уже не первой молодости, взрослая, лет пятидесяти, в немыслимых обтягивающих синих штанах и о стыд, прозрачной тунике.

— Это еще что такое... — потрясенно выдохнул Магистр и зажмурился еще сильнее, боясь что-то упустить. Похоже, он нашел того, кого искал, только потомок оказался не мужчиной, что усложняло все в тысячу раз.

явно не догадывалась, что за ней кто-то пристально наблюдает. Она, танцуя перед зеркалом, собрала в маленький хвостик недавно остриженные темные волосы и чему-то рассмеялась, демонстрируя ряд ровных белых зубов. Потом накинула белый халатик и куда-то упорхнула.

Картинка сменилась: затемненное просторное помещение. Посередине лежит какая-то странная кровать, а на ней обнаженное тело мужчины, вокруг которого столпились люди в белых одеждах. Среди них была та самая темноволосая женщина, только сейчас она была сосредоточена и хмуро смотрела на высокого мужчину в возрасте, вещавшего у головы покойного. Вот он закончил свою речь и явно попросил ее подойти. Она сначала замялась, было видно, что ей не особо приятно находиться в этом помещении, но мужчина поторопил ее. Отбросив сомнения, женщина подошла и забрал какой-то блеснувший предмет, склонилась над телом. Секунда, и...

Не в силах справиться с омерзением, Магистр закричал и в бессилье отпустил Сосуд, успев пообещать, что за его желанием он подойдет попозже и обязательно исполнит в трехдневный срок.

Тут же оказавшись рядом, Вернер подхватил Отто под мышки и помог тому дойти до

кресла.

— Ну? Что вы молчите? Что вы видели? Вы нашли того, кто нам нужен?

Старик сморщился как от зубной боли:

— Лучше б ничего этого не случилось, нам бы не пришлось ее искать. Но координаты, как ее там найти, я получил.

— Ее? — переспросил Вернер, не поняв с первого раза, — вы сказали ее? Эту женщина?!

— Я озадачен не меньше твоего, способности крови наследуют исключительно мужчины... Но тебе все равно придется отправить туда и все проверить.

— С ума сойти... — потерянно проговорил комтур, — но что мы будем с ней делать?

— Об этом подумаем на досуге, когда она будет сидеть вот в этом самом кресле, — решительно заявил старик, — но ясно одно, в Академию Храма ей дороги нет, там учатся только одни мужчины. Когда ты сопроводишь ее сюда, я тут же возьму образец крови и предоставлю лучшим Академиям, которых отберу. А там посмотрим куда лучше ее определить или может составить индивидуальную программу...

Старик все никак не мог прийти в себя от увиденного. Как женщина могла унаследовать какие-либо способности? Дар всегда передается от отца к сыну, по-другому магами не становятся. Женщина могла его получить только пройдя через благословение от богини Лилит и то, их было достаточно мало. Лилит тщательно отбирала тех, в которых хотела видеть свое отражение и называла их ведьмами. Поэтому в Академиях на сто мужчин-курсантов была всего одна курсантка-ведьма. А по окончании часть отсеивалась, часть погибала в опасных условиях практик. А тут женщина, на которую указал Сосуд... Остается надеяться, что это была ошибка, хотя это маловероятно.

Но было еще ко-что, что пугало Великого Магистра еще больше, чем пол предполагаемого потомка Создателя. Откашлявшись, он похоронным тоном сообщил:

— Когда встретишься с ней, будь осторожен.

— Мне нужно бояться, какую-то женщину, пусть и носителя драгоценной крови? Вы сейчас это серьезно?

Старик не повышая голоса, слегка поднажал:

— А я сейчас не шучу, я видел не очень приятную картину... Она и десяток таких же, резали труп какого-то мужчины.

— Некромант? — выдохнул Вернер, не понимая, что вообще происходит, — мало того, что потомок Создателя женщина, так еще и некромант?

Было от чего впасть в дурное настроение. Многие касты магов были не просто разрешены властями многих стран и тщательно лелеемы, но вот некромантов не любили нигде. Более того, их ненавидели и если ловили, то сдавали властям под суд. Разбирательства обычно длились не долго, и всегда заканчивались прилюдной казнью, через процедуру аутодафе. И если та женщина и правда имеет какое-либо отношение к некромантии, ее придется сдать на честный суд.

— Понимаю твое смятение, — скорбно признал Магистр, — но мы сейчас ничего не можем сделать. Нам все равно нужно доставить ее сюда, а потом будем думать, с чем имеем дело. Ты понял?

Комтур резво вскочил на ноги, и, склонив голову в поклоне младшего к старшему, процедил сквозь зубы:

— Ждите, скоро она будет здесь. Я пойду, соберусь и перед Переходом зайду к вам за

координатами.

Вернер вышел стремительно, будто его подгоняла стая голодных волков. Старик же без сил облокотился на локоть и думал о том, что слишком устал для подобных переживаний. Наверное, стоит подумать о том, чтобы освободить свое место более молодому человеку, жаждущему побед. Отто уже не в силах вести Орден вверх, он стал для него обузой.

Ну, ничего, решит вопрос с потомком, разберётся с Сангреалем и уйдет в отставку в положении героя. Пусть все запомнят его как победителя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я открывала входную железную дверь трясущимися руками. Из глаз то и дело текли слезы, которые не возможно было сдержать. Сбегая по щекам, они оставляли не четкие черные дорожки от дешевой польской косметики и тяжелыми каплями падали на пол. Нос от такого издевательства тут же зачесался и протестующе чихнул. Подавляя зарождающийся приступ в самом начале, я резким движением вытерла все это безобразие рукавом. Белую блузку теперь придется долго отмачивать и то не факт, что подобная красота отстирается.

Я от души топнула ногой. Будь проклят этот Денисов, так сумел довести меня, что до сих пор не могу взять себя в руки, хотя пора бы не обращать на всяких козлов внимание.

Раздался характерный треск, и я чуть не упала с высоты собственного роста и не прокатилась по ступенькам: недавно купленные шпильки не выдержали издевательств над собой и у одной туфли отвалился каблук. Наверное, сейчас лучше не вспоминать, что эта обувь стоила мне большую часть копеечной зарплаты, из-за которой я частенько пропускала лекции в институте, потом учась по ночам, чтобы не отставать от сокурсников.

Господи, ну и день сегодня. Чувствую, что одной туфлей сегодня не закончится.

Сзади послышался тихий скрежет открываемого замка. Ну вот, еще и соседей привлекла своей возней. Сейчас с удовольствием поахают, разглядев мое припухшее лицо, начнутся расспросы и фальшивые заверения, что все будет хорошо. А ключи в замок все так и не мог вставить, глаза слезятся...

— Славущка, это ты, ну слава богу... А то слышу звуки какие-то странные и шипение непонятное, уж думала, кто это там ошивается, может украсть что хотят... Решила посмотреть.

«Посмотрели? А теперь можете быть свободны», — в сердцах, но молча воскликнула я, а потом подчеркнуто вежливым тоном (мы же все воспитанные люди) проговорила:

— Да вот Светлана Павловна, с замком что-то не то, сломался по ходу... А нет, все в порядке.

Видимо появление любопытствующей бабульки простимулировало мою мозговую деятельность и серое вещество отдало правильный сигнал: я вновь могла полностью контролировать свое тело, а главное, руки. Ключ вставился с первого раза. Повернуть два раза влево и все, готово.

Не желая в расхристанном виде показываться пожилой вездесущей Светлане Павловне, которую многие жильцы нашего тихого дворика за глаза звали Штирлицом, я шмыгнула к себе в квартиру. И уже оттуда, находясь в надежном убежище, решила попрощаться с ней. Но не тут-то было, она меня ловко опередила:

— Деточка, а ты на сегодня работу случаем не закончила?

Услышав в ее словах скрытый подтекст, я обреченно замерла, повиснув на дверной ручке:

— Да вот, Светлана Павловна, только что после смены...

— Так это же просто чудесно, ты ж моя спасительница! Может, тогда переоденешься и ко мне на чаек заглянешь? Заодно посмотришь, а то что-то с утра давление все скачет и скачет...

Бесплатная консультация — это бич всех моих соседей, что снизу, что сверху или вообще тех, кто живет тремя этажами выше или ниже. А недавно ко мне стали стекаться люди и с окрестных домов, прослышав, что я никогда никому не отказываю в помощи и не беру за это денег. Иногда у меня появлялось желание бросить четвертый курс медицинского института и работу на машине реанимации, перепрофилироваться на бухгалтера, например. Но потом я вспоминала, каких трудов мне стоило поступление на бюджетное место при невероятно большом конкурсе и меня отпускало.

— Конечно, Светлана Павловна, через полчаса я к вам подойду.

— Ах, деточка, храни тебя бог и твои золотые руки, чтобы мы без тебя делали.

А без меня сюда бы скорая помощь каталась по три-четыре раза в неделю. Пожилые люди очень щепетильны в вопросах здоровья.

— Ну что вы, Светлана Павловна, перестаньте... Скоро буду.

На этой короткой фразе мне все-таки удалось закрыть дверь и привалиться к косяку. Раздраженное напряжение схлыну так же резко, как и появилось в кабинете моего начальника Денисова Владимира, который почему-то решил, что его необъятные телеса, и постоянно блестящая от пота лысина притягивает его ко мне как мужчину. И ладно бы он просто себе нафантазировал это и тихо лелеял свои мечты, так он принялся убеждать меня, что я должна поучаствовать в этой вакханалии.

Немного отдышавшись, я вдруг вспомнила, что вообще-то живу не одна, а значит страдать в одиночку, не придется.

Скинув испорченные туфли в угол коридора, я пошла на кухню и позвала:

— Толя! Ты дома?

С направлением я угадала верно. Анатолий сидел в моем любимом белом кожаном кресле и увлеченно поглощал бутерброды с колбасой и сыром. На кухне стоял сногшибательный аромат только что сваренного арабского кофе. Увидев меня, Толя расплылся в широкой улыбке чеширского кота и показал пальцем на щеку: просьба поцеловать. Устоять перед этим не было никакой возможности, и я с удовольствием проделала эту процедуру. Сейчас он видит размазанную по щекам туш, спросит что случилось, почему я ревела как белуга в подъезде, а потом поедет разбираться с дураком, который посмел обидеть его женщину. На миг я зажмурилась от удовольствия. Нет, я совсем не хотела, чтобы он куда-то ехал, излишняя кровожадность была мне не свойственна. Но вот реакция любимого мужчины была важна. Ни одной девушке еще не помешало лишнее подтверждение того, что тебя ценят, любят и готовы от всего защищать.

— Ярочка, а что у тебя с лицом? — наконец заметив мое состояние, чуть нахмурился Анатолий.

Ярочка — это я, она же Слава, она же Ярослава. В моем детском доме воспитатели и заведующая особо не заморачивались, давая детям имена. Родилась в один день с князем Ярославом Мудрым? Значит, повезло тебе, привыкай.

Ожидая, что меня сейчас кинутся обнимать и утешать, я еле сдержала улыбку и в красках рассказала, как сдавая смену, секретарша подошла и попросила пройти в кабинет к начальнику второй реанимационной бригады, в составе которой я обычно ездила на вызовы.

Как Владимир Денисов, стоя на коленях упрашивал проявить благосклонность к нему, а когда понял, что я непреклонна, принялся проявлять настойчивость, порвал юбку, оставил синяки на руках. Как в поисках спасения я нащупала небольшую вазу и оставила врача отдыхать на полу с икебаной на голове. Била я не сильно, поэтому ничего серьезнее небольшого сотрясения мозга ему обеспеченно.

— Я не понимаю, чему ты улыбаешься? — вдруг спросил Анатолий, оставляя кружку с кофе в сторону и как-то странно глядя на меня. Не поняв его реакции, я пояснила:

— Конечно же, тому, что все хорошо закончилось, а я целая и невредимая пришла домой. Разве этого мало? Знал бы ты, как на самом деле я перепугалась!

— Зайчонок, — тщательно подбирая слова, мягко начал Толя и отчего-то мне его тон сильно не понравился, и как оказалось, не зря:

— Ну, подумай сама, ты же теперь наверняка потеряешь перспективную работу, на которой тебя очень ценили.

— В смысле?

— Ну, вряд ли Денисов разрешит тебе работать у него, после того, как ты ему отказала в такой форме.

Повисла тягучая тишина. Пока я собиралась с мыслями, видя совсем не ту реакцию, которая должна была бы быть у любящего мужчины, Анатолий встал с кресла и насильно усадил в него меня. Потом снял резинку с волос, расправил волосы и тихонько поцеловал в открытую шею: я любила стричь волосы по удлинненному каре, когда впереди волосы были длиннее, чем сзади. Странное дело, но от этого жеста, который раньше заводил меня с пол оборота, сейчас меня кинуло в дрожь и явно не от возбуждения. Заметив это, Анатолий присел рядом на корточки и заглянул в глаза:

— Тебе нужно собраться и позвонить ему. Извинишься, думаю, он забудет это недоразумение, иначе ты потеряешь работу. Моей зарплаты не хватит, чтобы снимать квартиру, на что мы будем жить?

Наверное, именно после таких случаев самая кроткая, тургеневская барышня превращается в особо злобную суку. У меня просто не было слов, чтобы высказать человеку, с которым прожила уже больше полугода, все, что о нем думаю. Да и в голове никак не укладывалось, как так можно относиться к любимой женщине?

Повернувшись к нему лицом, я тщательно контролируемым голосом, поинтересовалась:

— А если он будет согласен все забыть только с одним условием? И это не будет увеселительное чаепитие с печеньем.

Анатолий сочувственно улыбнулся и потрепал меня по щеке, словно любимую болонку, которая выслужилась, принесла хозяину домашние тапочки. Странно, я раньше думала, что со своей атлетической фигурой и улыбкой Бредда Питта, он красив как бог в самом рассвете сил. А сейчас меня вдруг затошнило от его слащавой пустоты. А эти прилизанные светлые волосы? Да на нем не меньше половины упаковки геля для укладки. Господи, где мои глаза-то были, когда я бегала на свидания, пропуская учебу и работу?

— Ты же у меня умная и взрослая девочка, сделаешь все правильно. Пойми, сейчас нельзя терять работу, мы просто не выживем.

Его голубые глаза смотрели с ласковым ожиданием. Собрав всю волю в кулак, хотя внутри все переворачивалось от обиды и страха за будущее, я улыбнулась в ответ:

— Хорошо, что ты мне напомнил про ум. Пошел вон из моего дома.

Улыбка парня скисла в одно мгновение, он переспросил, не поверив своим ушам:

— Что?

— Думаешь, если переспрашивать, то что-то поменяется? Я сейчас выйду на час из дома, а когда вернусь, чтобы твоих вещей здесь не было. Понятно?

— Но... Ярослава, почему? Что случилось?

— Что случилось? — я вскочила на ноги и вышла в коридор. Это невыносимо находиться рядом с тем, кого считала своим единственным и неповторимым, а он берет и практически продает тебя другому, чтобы ему самому жилось комфортно.

— Ты практически подкладываешь меня под Денисова, а потом спрашиваешь, что случилось?

— Ну, зачем ты так себя накручиваешь, — поморщился Толя, на секунду став похожим на крысу почуявшую сыр, — я не понимаю, почему из-за постели надо делать такую проблему. Я же знаю, что ты любишь только меня, поэтому мне не важно, если свои потребности ты удовлетворишь где-то вне дома. Главное же отношения между нами, правда?

От всего услышанного я была не просто в шоке, я была в ужасе! Когда он успел так поменяться?! И значит... Если он так спокойно все это говорит и так равнодушно относиться к подобным вещам, значит и сам частенько сбрасывал напряжение за стенами нашего с ним дома? Надо срочно выйти на свежий воздух или я все-таки не сдержусь и убью его.

— Ярослава, стой, ты куда?

— Решил меня поиграть в преследователя? Давай живо собирай свои вещи и катись отсюда.

— Но куда я пойду? Ты же знаешь, что в Москве у меня никого нет, где я буду ночевать?

— Тебе дать телефон Денисова? Извинишься за меня, заодно спросишь, не сможешь ли ты ему помочь. Дядечка он веселый, думаю, ты ему подойдешь.

С этими словами, быстро одев первые попавшиеся туфли, я схватила с зеркальной тумбочки свою походную сумку и выскочила за дверь на лестничную клетку. Эту сумку я брала всегда, когда собиралась ехать на расстояние свыше ста километров, туда помещалось очень много приятных мелочей.

Куда идти сейчас, я не знала, просто хотелось свежего воздуха, чтобы протрезветь и не наделать глупостей. Как с седьмого этажа я оказалась на улице — я даже не обратила внимания, скорее всего, бежала по лестнице.

Была ранняя весна, поэтому в десять часов вечера было уже довольно темно, но я любила такое время суток больше, чем какое-либо другое. Народ, который гулял на улицах, был уже степенен и никуда не торопился, пил уличный воздух в удовольствие, а не бежал, забывая себя на работу, в институт, школу. Приятно идти по ярко освещенным улицам, смотреть в безмятежные лица и понимать, что здесь живут, а не прозябают.

Пройдя дворами до метро Маяковская, спускаться в подземку я не стала, хотя было сильное желание покататься на железных волках. Потом я вспомнила, что давно не ходила мимо дома любимого Булгакова, Нехорошей квартиры и не сидела на Патриарших Прудах, смотря на прилетающих туда птиц. Именно это уединенное местечко мне сейчас и было нужно.

До места я добралась за десять минут, и, не смотря на достаточно быстрый шаг, сильно подмерзла. И черт дернул вместо пальто выпендриться и одеть тонкую кожаную курточку. Не смотря на не поздний час, поблизости никого не было, даже света в окнах близлежащий домов. Пожав плечами, я с удовольствием скинула сумку на одну из лавок и присела рядом.

Ужасный день, с самого утра все не заладилось. В один час потеряла работу, новые дорогие туфли и молодого человека. Больше всего жалко было туфли, они были единственные в своем роде. А с работой и личной жизнью со временем можно будет разобраться.

Погрузившись в несколько хандрические мысли, я не сразу, но заметила, как сбоку начала мелькать какая-то тень, то приближаясь, то удаляясь. Сморгнув, я повернула в сторону источника помех голову, но к своему удивлению, никого не увидела. На улице я была совсем одна, даже фонари и те отказались побыть в моей компании и отключились. Вроде ничего не обычного, но кожа на руках покрылась мелкими пупырышками. А вот своей коже я доверяла, как многие люди доверяют чувствительности пятой точки. Моя кожа меня еще ни разу не подводила. Где-то поблизости ходили мои неприятности и усиленно искали хозяйку, как будто желая добить. Плюнув на все, я встала и решила пойти в более людное место, но не успела. Прямо перед носом возник крепкий мужчина лет тридцати на вид. Он стоял на расстоянии вытянутой руки и рассматривал меня с таким же выражением, как и я: с брезгливым любопытством.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Он был очень странным, и я не говорю о внешнем виде. Как раз-таки к одежде я никогда не придиралась, хотя туника и кольчужные штаны встретить можно было не часто. Но, в конце концов, сейчас по столице бегают много сдвинутых на средневековые ролевиков, да и просто любителей истории хватает. В моем любимом музее-заповеднике Коломенском вообще каждый год устаивают потрясающие по масштабу представления. Знаменитый фестиваль Времена Эпох — в прошлом году я даже сама с удовольствием в нем участвовала...

Так вот, он очень сильно отличался от просто переодетых средне статических граждан. От него шли ощутимые волны спокойной силы, и от тяжелого взгляда начинало тихонько потряхивать. Неужели после такого ужасного дня, мне высшие силы решили преподнести встречу с маньяком? Видимо, чтобы я бедная, больше не мучилась!

Смерив его взглядом еще раз, я нарушила все правила психологии, которую с огромным интересом изучала в институте и немного нервно пробормотала:

— Молодой человек, может, вы уже пройдете? Мимо.

Мужчина моего тона явно не оценил и даже передернулся:

— Я бы с удовольствием прошел не только мимо, но и на много миль отсюда, но, к сожалению, я к вам.

— В смысле? — сморгнула я, не поняв, что он имеет в виду. Конечно, на первый взгляд он мужчина симпатичный и даже в какой-то мере был вполне в моем вкусе, но врожденная порядочность сильно давила на «стоп». И вообще, я на улице и как-то так сложилось, что принципиально в общественных местах ни с кем не знакомлюсь. Времена нынче опасные, а я люблю, когда все вокруг тихо и спокойно. Как в склепе, там уж точно никаких потрясений.

Мужчина казалось, знал ход моих мыслей наперед и, прочитав их, словно поперхнулся, и подходить ближе, чем на два шага уже опасался. Чему я несказанно обрадовалась и принялась нащупывать рукой откинутую сумку. Схватившись за ручку, я притянула ее к себе и уже готова была драпануть от странного человека через кусты, куда глаза глядят, но он снова прочитав мои мысли или просто угадав маневр, он перегородил мне дорогу.

Не понимая, что ему от меня вообще надо и начиная испытывать какой-то животный

ужас на уровне подсознания от всего происходящего, я возмущенно выдала:

— Вам что от меня надо вообще? Вы кто такой?

— Ярослава Краснословская?

В голове всплыла всего одна дилемма: он мошенник или сотрудник органов? Вроде на наивную простушку я не похожа, чтобы меня пытались как-то разводить. Но и бог отвел, на контроле у властей не находилась, а может я просто слишком мелкая для этого персона.

— А зачем она вам? — попыталась я осторожно поинтересоваться у мужчины. Он многозначительно и как-то слишком по-киношному усмехнулся, и сделал попытку приблизиться. Но я держала ситуацию на контроле и в любой момент готова была перепрыгнуть через скамейку.

— Мне совершенно не зачем, я бы сказал, не видать ее во веки веков, но ее очень желает видеть магистра моего Ордена...

Слушать его голос было приятно, но не настолько, чтобы воспринимать весь этот бред. Не сдержавшись, я выпалила первое, что пришло в голову:

— Вы из секты что ли? Так я не психиатр, я на хирурга учусь, вы немного не по адресу...

Мужчина на миг прикрыл глаза, словно размышлял о чем то, потом дернул головой:

— Ты слишком много говоришь.

Тоже мне Колумб, прямо Америку открыл. Мне всегда это говорили, и на самом деле с детства это был мой самый настоящий бич. Как то я даже всерьез задумывалась, чтобы пойти учиться на журналиста, тогда я могла бы не только болтать столько, сколько хотела, но и получать за это еще и неплохие деньги. Но в конечном итоге интерес к медицине все-таки пересилил. Правда, я до сих пор не уверена, насколько правилен сделанный когда-то выбор.

Спрятав сумку за спину, я с надеждой проговорила:

— Вот и правильно, значит я ни вам, ни вашему магистру точно не нужна. Кстати, что за Орден? Я как-нибудь потом обязательно почитаю о вас в интернете и даже может денюжку какую пожертвую...

— Женщины... Вы хоть иногда можете просто промолчать и не нести всякую чепуху? Я сказал, что ты идешь со мной!

Наверное, я бы с ним даже с удовольствием подискутировала на эту тему, но в это время как из-под земли показалась группа подвыпивших молодых людей.

Не то, чтобы они вели себя как-то откровенно агрессивно, но были слишком вызывающи. Почему-то сразу захотелось вжаться в лавочку и сделать вид, что меня здесь нет. Отчетливо повеяло неприятностями. Странный мужчина, непонятно зачем прицепившийся ко мне, при виде нетрезвой молодежи лишь слегка нахмурился.

Поравнявшись с нами, от толпы отделился угловатый парень лет двадцати с вызывающим прыщом прямо на кончике носа и заживающим желтым фингалом под глазом. Почему из всей внешности я заострила внимание именно на этом недостатке, хотя там было, на что посмотреть помимо этого.

— Папаша, сигаретой поделиться не хочешь?

Мужик с холодным взглядом потомственного аристократа недоуменно выгнул соболиную бровь:

— Вы это мне?

— Дедуля, а ты еще и глухой?

Мой преследователь и на папашу-то особо не тянул: ему лет немногим больше тридцати. Но вот с дедулей вышел явный перебор и я, не выдержав эмоционального напряжения, даже хихикнула и тут же зажала себе рот: еще не хватало, чтобы на меня обратили внимание.

Мужчина от этих слов почувствовал угрозу и подобрался. Его неторопливые и в чем-то даже грациозные движения напомнили большого сильного льва, которого умудрился разбудить слишком назойливый комар. Его защитная стойка послужила отчетом для действий шумной компании. Не сговариваясь, все пять человек бросились на успешно оборонявшегося мужчину, но я-то понимала, что долго против такого количества даже Брюс Ли не сможет долго продержаться. Самое время, пока на меня никто не смотрит, быстро отсюда слинять, как будто меня и не было. Но эта грешная мысль мелькнула и бесследно исчезла. В самом деле, как я могу бросить человека одного, пусть он и хотел что-то от меня? Сделать то он мне ничего не сделал, хотя мог.

Проклиная себя за дурость и любовь лезть в дела, которые совсем меня не касаются, я примерилась и наградила самого ближайшего ко мне нападающего точным ударом сумки по голове. Парень, одетый в забавную ветровку с микки-маусом, больше подходящий какой-нибудь девчонке, рухнул прямо на асфальт словно подкошенный. Из разбитой головы медленно потекла характерная красная жидкость. Кровь.

Я замерла с сумкой в руках и с ужасом глядя на дело рук своих. Драка тоже резко прекратилась, и все участники переводили взгляд то на меня, то на распластанное у моих ног тело. Не надо быть семь пядей во лбу, чтобы понимать, что помочь ему уже ничем было нельзя. Как же так, я ведь только хотела оглушить...

— Она его убила, — крикнул кто-то наиболее сообразительный и вся толпа, несговариваясь ринулась ко мне. Надо ли говорить, что девушка я была хрупкой и навыкам рукопашного боя не обученная?

Охнув, я попыталась перемахнуть через скамейку и юркнуть в кусты, но кто-то успел зацепить меня за ворот кожаной куртки и с силой дернуть. Не удержав вес, я повалилась на своего преследователя и весьма удачно для себя умудрилась двинуть ему локтем в нос. Послышался сдавленный крик боли и я на радостях что есть силы завозилась на поваленном парне и саданула по колену каблуком. Будет знать, как портить мои вещи, на которые я горбатилась столько времени!

Кто-то подлетел сбоку и попытался отыгаться на моей шевелюре, схватив за волосы, но тут за меня вступился мой преследователь. Вот я как-то сразу поняла, что он мне ничего плохого не сделает! Все-таки женская интуиция чудесная вещь.

Оторвав от меня драчуна, он одним коротким ударом отправил его в долгий отдых, затем приобняв за талию, подхватил на руки. Я была совсем не против, чтобы меня прямо так взяли и вынесли туда, где все тихо и спокойно. Прочитав мои мысли, он шепнул:

— Держись крепче.

Просить несколько раз меня не пришлось, я вцепилась в его тунику что есть силы, рискуя ее порвать. В глаза ударил нестерпимо яркий свет, не помогало даже то, что я зажмурилась, а потом плюнула на все приличия и зарылась лицом в складки одежды на груди нежданного спасителя. Он положил свою огромную ладонь мне на голову, словно прикрывая ее.

Это было невероятное чувство, как будто тебя сначала окатили ледяной водой, после чего тебя затрясло и покрыло огромными мурашками. Потом ослепил белый свет, бросило в

жар, словно ты попала в самое сердце печки.

Казалось, что прижаться к моему преследователю еще ближе было просто невозможно, но у меня получилось. А потом мы начали куда-то падать, резко и стремительно... Не в силах сдерживать животный ужас, потому что я очень боялась высоты и всего, что с ней было связано, я закричала во всю мощь легких. А потом все прекратилось так же резко, как и началось. Правда, увлекшись собственным криком, я не сразу это заметила.

— Между прочим, еще немного и я оглохну, — негромко проговорил... наверное все-таки его можно назвать спасителем. Поскольку я на это никак не отреагировала, он сквозь зубы выплюнул какое-то ругательство. Продолжая поддерживать меня одной рукой, второй он молча накрыл мне почти все лицо. Воздух грозил закончиться очень быстро, поэтому я тут же завозилась и протестующе замычала.

— Великий Комтур, я отправлял вас, чтобы вы привели носителя дара Сангреалья... А вместо этого вы появляетесь в вопиюще безобразном виде и обнимаете... Вернер, вы ее обнимаете?

— Простите, Великий Магистр, это просто стечение обстоятельств...

Великий Комтур или как там его называли, поступил как последний предатель: разжал руки и я, лишившись малейшей опоры, рухнула как куль к его ногам на что-то твердое, при этом умудрившись удариться всем, чем только могла.

Осторожно открыв глаза, я с сожалением увидела своего недавнего знакомца, стоящего с низко опущенной головой, как нашкодивший мальчишка. Потирая ушибленное бедро, я ненавистью прошипела:

— Что ж вы за человек-то такой! Сначала врываетесь в мою жизнь, доводите меня чуть ли не до обморока, теперь еще и удержать девушку не в состоянии? Могли же просто поставить на ноги!

— Девушку? — мужчина позволил себе легкую усмешку и смерил меня весьма красноречивым взглядом, — меньше всего ты похожа на девушку.

Ах ты, гаденьш...

Было понятно, что если меня этот странный человек не убил еще там, на Патриарших прудах, то это ему просто не выгодно и в ближайшее время мне никто ничего не сделает. А поэтому исходя из этого, я прищурилась на говорившего и спокойно поинтересовалась:

— Проблемы со зрением? Могу посоветовать хорошего окулиста.

— Я рад, что мое здоровье беспокоит кого-то еще кроме меня самого, — продолжая иронизировать, проговорил Вернер, — но в пятьдесят лет женщины не считаются девушками даже у вампиров, хотя продолжительность жизни у них намного больше.

Отметив про себя, что попозже нужно уточнить что он имел ввиду, неся ерунду про вампиров, я, тихо сатанея, буквально пропела:

— Пятьдесят лет?

— Хочешь сказать, что тебе гораздо больше? — вполне натурально удивился мой оппонент, чем и насторожил, — тогда могу сказать, что неплохо сохранилась для своего возраста.

С трудом поднявшись на ноги и сняв обувь на высоком каблуке из-за риска упасть повторно, я совсем тихо проговорила, изо всех стараясь не сорваться и не убить этого нахала здесь и сейчас:

— Вас спасает только то, что я не вижу в вас особой интеллектуальной искры, способной так тонко хамить. А значит, вы уверены в том, что говорите. Через две недели

мне исполниться двадцать пять лет и через столько же у меня в институте начнутся экзамены. Не знаю, каким образом я очутилась здесь, но что-то мне подсказывает, что вы прямо-таки жаждете мне это прояснить?

— Двадцать пять? — раздался за спиной чарующий бархатный голос, от которого все мое возмущение сняло как рукой. С улыбкой счастливейшей идиотки, разве что, не пуская при этом слюни, я повернулась на источник звука.

— Всего двадцать пять лет... Прости, дитя мое, у нас время течет немного по-другому. Вернер просто не знал об этом, впрочем, как и я. Может, это потому, что ты выглядишь немного старше своих лет... Может быть для вас это и в порядке вещей, но нас люди стареют медленнее.

Стоп, меня тут второй раз фактически прямым текстом назвали старухой, пусть и завуалированно, а я готова в ноги броситься и руки за это целовать? Кажется, я совсем сошла с ума со своей работой.

С трудом отведя от стоящего невдалеке еще крепкого телом старика с небольшой, но ухоженной бородой, которую он наверняка каждый день расчесывал и укладывал, я что есть силы, затрясла головой. В ушах послышался неприятный звон, но, по крайней мере покорно улыбаться мне тут же расхотелось.

Старик, облаченный в белоснежные струящиеся одежды, словно сошедший из фантастических фильмов добрый дух, рассматривал меня с добродушным прищуром.

Не знаю, что меня волновало и пугало больше: как я оказалась прямо с улицы в огромном роскошном зале или этот самый старик. Вернее даже не он сам, а его насквозь пронизывающий взгляд. Цепкий, наигранно холодный, смотрящий как на редкую диковинку, а не на разумного живого человека. Я на миг почувствовала себя препарированной бабочкой под стеклом микроскопа. Очень неприятное ощущение должна сказать. Даже неприязнь к Вернеру отошла на второй план.

Заметив, что я больше не смотрю влюбленным взглядом, старик одобрительно кивнул:

— Скинула воздействие, прямо так, сходу? Молодец, ничего не скажешь, без подготовки, без подсказок, значит, Сосуд Желаний не ошибся и ты так, кого мы искали. Ты сказала, что училась в институте? Можно поинтересоваться, какие искусства изучала?

Я насторожилась, ухватившись за последнюю фразу:

— Почему училась? Я и сейчас учусь, на медицинском... Окончила колледж, потом поступила в институт, после рассчитываю на ординатуру...

— Я мало что понимаю из того, что ты говоришь, дитя мое, но у нас будет время, чтобы во всем разобраться.

Облизав пересохшие губы и стараясь не вступать в дискуссию, мало ли что там о себе думают сумасшедшие, я растерянно огляделась по сторонам.

Не знаю толщину здешних стен, но даже на вид они кажутся мощными и очень крепкими, поражая воображение своей монументальностью. Арочные своды, узкие оконные проемы почти под самым потолком, через которые сверху лился теплый солнечный свет. Углы зала были надежно укреплены металлическими стяжками, по периметру располагались мощные мраморные колонны, натертые до зеркального блеска.

— Это Большой Зал, — видя мой интерес, любезно проговорил старик, — в самом низу, в первых залах у нас располагается тюрьма. Там сидят инакомыслящие и те, кто переступил закон в ближайших окрестностях, где нет замков, а значит и другой власти.

Зачем мне нужна была эта информация, когда я не собиралась ничего спрашивать, я не

поняла. Но, тем не менее, найдя в себе силы, я кое-как выдавила:

— Это очень мило... Да, да, именно мило.

— У нас есть свои соборы, даже больница, — продолжил перечислять старик, — Акко очень красивое место, тебе нравится?

— Вы хотели сказать, особняк Акко? В Москве? — особо ни на что уже не надеясь, пробормотала я, прекрасно понимая, что где-где, а именно в Москве я никак сейчас не могу находиться. Только вот почему я принимаю это как само собой разумеющееся, словно так и должно быть, не понятно.

— Дитя, ты очаровательна, — как-то жутковато рассмеялся старик, отчего меня тут же бросило в паническую дрожь, — но Акко — это просто главная крепость братьев-рыцарей Ордена Солнца. У вас же есть рыцари, ты должна понимать, что мы из себя представляем?

О, конечно я представляла, что такое рыцарь для среднего русского человека. Но говорить про итоги «рыцарства» на наших землях и в каком году «благородный цвет» в полном обмундировании пошел под лед в результате талантливых действий великого полководца Александра Невского я не решилась, ограничившись лаконичным:

— Были.

— Были? — переспросил Вернер, оживая на глазах. Видимо тема проблема собратьев его сильно заинтересовала и кажется, именно сейчас я вляпалась по-настоящему.

— Были, были.

Думаете, он отстал? Да как бы не так, он прицепился ко мне, как клещ!

— И что с ними стало?

Мысленно перекрестившись, я выдохнула:

— Умерли.

— Как умерли? — а это уже старик подключился, не понимая, как рыцарство, такой прекрасный класс общества, мог взять и вымереть.

Я пожала плечами:

— Совсем.

— Но отчего?!

Причин для смерти всегда хватает, но не перечислять же все? Я потупилась:

— К сожалению, не все ценили наше миролюбие и русский характер.

— Смерть от нелюбви? — с понимающей улыбкой переспросил Великий Магистр, прекрасно понимая, что я кручусь как уж на сковородке и тактично сменил тему, — да, ненависть всегда губила самых лучших... Ну как, нравится у нас?

Очень интересный вопрос... С учетом того, с чего вдруг мне вообще должно нравиться что-то чужое и не понятное?

Переминаясь с ноги на ногу из-за того, что отполированный пол был очень холодным и по залу свободно гулял сквозняк, я, осторожно подбирая слова, чтобы никого не обидеть или не спровоцировать, ответила:

— В гостях всегда хорошо, но дома лучше.

Старик ухватился за мои слова, словно я выдала чрезвычайную по глубине философскую мысль:

— Именно, дома лучше всего. Теперь ты, наконец, дома.

Жаль, я не в том положении, чтобы нахамить, хотя очень хотелось.

— Мы с вами наверно не совсем понимаем друг друга... Я имела ввиду свой дом.

Старик словно читал мои мысли, поэтому только усмехнулся:

— Все относительно. Это тебе сейчас кажется все чужим и не понятным, диким, может даже пугающим. И это совершенно нормально. Потом обязательно придет понимание, и ты все примешь, как данность. Сама. Добровольно.

— Да вы не напрягайтесь так, — пожав плечами, с долей сочувствия произнесла я, — звучит, несомненно, захватывающе, но никакого понимания или принятия мне не надо. А вас Вернером зовут, я правильно запомнила?

Мой спаситель и одновременно похититель, теперь я знаю это точно, при моем обращении тут же встrepенулcя. Немного помолчав, видимо собирая остатки разумного по всему большому телу, он неприязненно отозвался:

— Для тебя лорд Вернер фон Орзельн.

Услышав подобную напыщенную речь, я не удержалась и хохотнула:

— О, немец, тогда все понятно, у вас уже неприязнь на генетическом уровне. А впрочем, какая мне разница? Да хоть само Величество королева Английская, хотя у той такта и воспитания намного больше, чем у тебя, какое бы ты имя себе при этом не выдумывал.

Подмигнув побагровевшему Вернеру, я обратилась к Великому Магистру, с удовольствием слушавшему стоя в сторонке нашу легкую перебранку:

— А мое имя вы уже откуда-то знаете. Немного нечестно получается, не находите? Вы многое знаете обо мне, в то время как я о вас вообще ничего.

— Хотите исправить ситуацию, Ярослава?

Старик с явным трудом произнес мое имя, хотя изначально на его речь я не обратила никакого внимания. Языкового барьера не существовало вообще. Если б не заминка на моем имени, я бы даже не обратила внимания на остальные странности...

— Так вы действительно иностранцы?

Старик с чопорным аристократом обменялись быстрыми, как молния, взглядами.

— Мы сейчас пройдем в библиотеку и там все обсудим, я кое-что покажу. Согласна?

Нет! Я согласна только на то, чтобы меня отпустили домой, а вот разговоры меня совсем не прельщают, особенно с незнакомыми людьми.

— Великий Магистр, — подал голос Вернер, — что вы у нее вообще что-то спрашиваете?? Сама суть ее существования, служить высоким идеалам нашего Ордена. Для этого нет смысла узнавать ее мнения.

Я смерила его долгим, ничего не выражающим взглядом, запоминая каждую складочку на одежде, решительно вздернутый подбородок, сжатые губы в бескровную нитку, прищуренные ярко-синие глаза, сильно выделяющиеся на этом гранитном, грубом лице. Не время мне с тобой ругаться, я же не знаю, что именно вам от меня надо, какой там бред родился в ваших головах. Да и инстинкт самосохранения у меня очень сильно развит, я же сама себе не враг... Но тебя, дорогой, я запомнила. И лучше тебе потом не поворачиваться ко мне спиной.

Наверное, что-то такое, но все-таки мелькнуло у меня в глазах и он сделал произвольный шаг назад. А Великий Магистр с улыбкой не лице, успокаивающе положил ему руку на плечо:

— Суть существования каждого из нас только Господу и известно. Комтур, вы хотите с этим поспорить?

— Нет.

Старик поощрительно кивнул ему, и, развернувшись, пошел вон из зала. Вернер едва не

скрипел зубами, но сделал мне знак идти за ним следом, а он замкнет нашу группу.

Пройдя по хорошо освещенным и длинным коридорам, мы неторопливо вышли во внутренний двор. Меня вообще никто не трогал, словно специально давали время, чтобы я утолила свое природное любопытство и огляделась. Судя по всему, здесь был самый разгар дня, причем тепло и солнечно как поздней весной. Причин думать, что я не схожу с ума, а произошло что-то из ряда вон выходящее, прибавилось — дома то был поздний вечер.

Площадь внутреннего двора была совсем небольшой. Рядом располагался широкий лестничный пандус, ведущий на второй этаж с огромными арками, возле каждой из которых вытянувшись по струнке, стояли солдаты.

Взгляд притянулся к внушительной высоты стене с органично вписанными в нее грозного вида башнями. По всему периметру стены, по самому верху шла хорошо укрепленная галерея. Там, наверху, нет-нет да мелькали светлые одежды защитников.

— На заднем дворе у нас выбит колодец, — спокойно проговорил старик, — там берем воду прямо из подземного хранилища. Там же мастерские, кузница, есть даже своя мельницы. Хочешь посмотреть?

— Я не думаю, что в этом есть смысл... — так тихо проговорила я, чтобы никто не расслышал.

Через время, пропетляв по неприметным улочкам, мы буквально выпали к небольшому неприметному зданию. Старик приглашающе распахнул дверь и указал, чтобы я проходила внутрь. Справедливо рассудив, что хуже все равно быть не может, тем более какой вред мне могут причинить в библиотеке, я осторожно шагнула внутрь. Хотели бы, давно бы уже расправились со мной, и я ничего не смогла бы сделать.

С любопытством поведя носом, я замерла в восторге, не в силах утереть побежавшие слюни. Вот бывает, ты что-то очень сильно хочешь, из кожи вон лезешь, чтобы получить это. А потом вдруг происходит чудо и то, чего ты так страстно желала, вдруг оказывается у тебя в руках, когда ты уже отчаялась это получить.

Покружив на месте и стараясь взглядом охватить как можно больше, я едва в ладоши не хлопала от переполнявших меня чувств.

Старик следим за моими манипуляциями с нескрываемым интересом, а вот Вернер с сарказмом ляпнул:

— Будто бы и читать даже умеешь?

— А вы мне не тыкайте, я с вами без свидетелей под луной не гуляла, — с достоинством отрезала я, пресекая всячески попытки пообщаться со мной.

Заприметив рядом с собой на толстом переплете одной из книг, знакомый знак в виде посоха с двумя извивающимися змеями, я тут же выдернула приметный том с полки. Обложка — настоящее произведение искусства, вряд ли даже в Библиотеке имени Ленина есть что-то подобное, хотя я там частый гость!

— Интересуетесь искусством Асклепия? — напряженным голосом поинтересовался Великий Магистр и сел в одно из роскошных кресел, располагавшихся здесь же.

Открыв выбранную книгу, я с ужасом уставилась на вполне знакомые картинки распотрошённых тел с известными комментариями на латыни. Только вот само расположение этих тел меня очень сильно смущало. А еще больше напрягали непонятные знаки, какие-то странные точки и кружочки, которые для древнего медицинского трактата были бы совсем не в тему.

— Чувствуется вопрос с подвохом... — размеренно ответила я.

Открыв книгу наугад почти в самом конце, я с омерзением уставилась на особо отвратительное изображение. Живот кричащего человека был вспорот, а за его размотанные кишки держались жутко скалящиеся существа, которых у нас называют демонами и чертями. Зрелище было не для слабонервных.

Не желая больше любоваться этим приотвратным зрелищем, я убрала книгу на то самое место, где и взяла ее, а брать что-то другое уже расхотелось. А вот вымыть руки в щелочном мыльном растворе, я бы согласилась сейчас, не раздумывая.

— Что это за мерзость?

— Мерзость? — едва не сплюнул отчего-то опять разозлившийся Вернер, — твое же пособие, не узнала?

Не дожидаясь ответа на свой вопрос, он не спрашивая разрешения Великого Магистра, круто развернулся и буквально вылетел из библиотеки. Через секунду очень громко хлопнула входная дверь.

Будь он немного проще в общении, я бы с удовольствием ему помогла и раздобыла какой-нибудь рецептик для нервов получше...

Вспомнив не понятные формулы и знаки, от которых веяло каким-то ужасающим холодом и неконтролируемым страхом, меня передернуло:

— Если бы это была просто анатомия, я бы поняла еще подобную претензию, но к этой гадости я не имею никакого отношения.

— Но знак, посох Асклепия, ты явно узнала, — слегка усомнился Магистр, а я даже руками всплеснула от необоснованности обвинения:

— Что там узнавать-то! Был у нас такой древнегреческий бог врачевания, а вот этот самый посох выступает в мифах, как символ связи с природой и землей. Только и всего! Что за реакция?

— Бог значит... — усмехнулся старик, — интересный у вас мир, не пуганный по ходу.

К его фразе я отнеслась достаточно прохладно и даже с некоторым понимаем. Может конечно в этом немаловажную роль сыграло то, что я была продвинутым дитем двадцать первого века и как многие время от времени почитывала фантастическую литературу. Поэтому о всяких переносах имела представление, хоть и поверхностное. Впрочем, существуют научно обоснованные теории о параллельных мирах...

— А у нас Асклепий известен как способный воскрешать мертвых, даже целое учение организовал, у него появилось много последователей... Правда, лет тридцать назад всю его деятельность объявили вне закона.

— И вы меня сюда привели, чтобы это рассказать?

— Да нет, конечно, это всего лишь один из вопросов.

— Вы извините, — решительно заявила я, желая скорее узнать, что к чему, — но у нас мертвых воскрешать не то, что не принято. Мы этого просто не умеем в силу своей прагматичности и любви к материализму. Если кто не дай бог заболевает, мы стараемся его вылечить, выходить, но тех, кто умер, хоронят и на этом история заканчивается. Понятно?

— Я чувствую, что вы не врете, но как быть с тем, что я собственными глазами видел, как вы... Как это правильней сказать... Резали труп какого-то мужчины...

— Труп? Труп... Вы про вскрытие в морге что ли? Ну да, верно, это было позавчера, обычная институтская практика. У нас все врачи проходят через это, как же по-другому, не на живых же людях тренироваться... А откуда вы узнали? Нет, я конечно уже поняла, что вы за мной следили. Но просто зачем?!

— Так ты врачеватель дитя мое? — как-то слишком бурно обрадовался старик для простого человека. Так скорее бы обрадовались внезапному джек-поту или снисхождению божественного озарения. Вот такая реакция меня насторожила сейчас больше чем все остальное.

— До тебя еще ни одна женщина не решалась вступить на эту дорогу... Но зачем надо было резать и пускать кровь? У тебя должны быть травы, определенные заклинания...

— Вы сейчас что, шутите? — шепотом переспросила я, не вполне понимая, кто из нас двоих идиот. Нет, я, конечно, понимаю разность культур, но он озвучил слишком глупую мысль, чтобы это было правдой.

Увидев полное не понимание, со стороны пожилого мужчины я начала впадать в осадок:

— Это просто какой-то бред... По вашему лечение это веселое времяпрепровождение? Поводили горящими травами, может быть еще какую-нибудь лучину или свечку для этого взяли, спели что-нибудь заунывное и все, готово? Очень бы хотелось посмотреть на то как вы, к примеру, таким образом, лечите аппендицит!

Сокрушенный моим натиском старик только беспомощно переспросил:

— Аппендицит?

Качая головой, я коротко пересказала симптомы и когда услышала, что в таких случаях их медицина бессильна, у меня волосы на голове зашевелились.

— Если бы вы просто удалили воспалившийся отросток, человек бы спокойно жил дальше и не чувствовал дискомфорта.

— Как это, удалили?

На это я только махнула рукой. Объяснять самые простые вещи эти Магистру сейчас все равно, что младенца учить квантовой физике. Вроде и слова повторить через некоторое время сможет, а вот понять самую суть тут уже никак.

— Наверное, вы продвинулись в этом искусстве гораздо дальше, чем мы...

— Мы — это кто? — глухо проговорила я, желая чтобы весь этот фарс поскорее кончился, — уважаемый, я все понимаю, но у меня был чертовски сложный и долгий день сегодня, а вы все ходите вокруг да около. Я не знаю, куда вы меня привели, привезли или перенесли, да и не интересно. Просто скажите, что именно вам нужно. И если с моей стороны это будет выполнить не затруднительно, то мы быстренько разбежимся довольные друг другом.

— Боюсь, что разбежаться у нас уже не получится. Я, конечно, не уверен еще на сто процентов, что ты именно та, кто нам нужен на самом деле. Хотя то, что ты заблокировала мое воздействие, говорит о многом, так что добро пожаловать домой, дитя мое.

— Куда?!

Видимо старику приносило удовольствие издеваться надо мной, потому что он с доброй улыбкой Михаила Архангела, которого изображал Васнецов в церквях одним из самых беспощадных созданий, повторил:

— Домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Ну и что это значит? — через пару часов допроса со стороны старика, устало проговорила я, когда он, наконец, замолчал. Его интересовало все, кто мои родители, как прошло мое детство, и какие именно науки я изучала. Поняв, что родители у меня значатся

только по бумажке, а все детство прошло в борьбе за кусок хлеба и хоть какую-то ласку в детском доме, он долго сокрушался, говоря, что у них такого безобразия нет.

Когда он говорил «у них», я сразу верила, не видя у него причин врать мне. И совершенно спокойно восприняла информацию, что мы во Вселенной не одни, что миров очень много, как много и тех, у кого есть особые таланты. Наверное, просто потому что я всегда это знала, просто не размышляла всерьез на эту тему, потому что всегда жила одним днем и всякие фантастические штучки меня мало интересовали.

— А ты никогда не хотела найти своих родителей?

Ну, просто чуткий психолог, как бы рассуждать не начал, что именно здесь мне помогут и всегда поймут, что такой поддержки как от его Ордена мне не дожидаться больше нигде. Поэтому я должна собраться и с радостью прослужить на их благо всю оставшуюся жизнь. Общалась я уже с такими индивидами, ни к чему хорошему из теории, как правило, не приводили.

Улыбнувшись своим мыслям, я откровенно призналась:

— А что их искать? Их видела, даже не один раз.

— Как? — поразился старик и даже подался вперед, видимо эта информация не хотела укладываться у него в голове, — ты общалась с ними?

— И даже не один раз, как с вами, с глазу на глаз, — охотно поделилась я, — когда мне было где-то около пяти лет, они, любящая супружеская пара вдруг вспомнили, что у них когда-то родилась дочь, и даже хотели меня забрать обратно. Но я никогда не верила в человеческую совесть и тем более благородство, и наотрез отказывалась признавать их права. Спасибо нашей заведующей, она встала на мою сторону, учла все пожелания и как могла, вставляла моих кровным родственникам палки в колеса. Да так успешно, что он в конце концов бросили собирать все нужные бумаги, чтобы я смогла снова жить с ними.

— Кхм... Занятная позиция, — наконец отмер Магистр, — а не могла бы ты дать их координаты, чтобы мы не тратили слишком много времени на их поиски?

Я тут же насторожилась: одно дело он сейчас беседует со мной и собирает информации, ничего страшного я в этом не видела, так как в состоянии сама за себя ответить. Но при чем тут мои родственники, пусть и не состоявшиеся в том амплуа, в котором должны были?

Заметив мое напряжение, старик тут же успокаивающе замахал руками, как бы говоря своим видом, что я не так все восприняла:

— Мы не собираемся причинять им никакого вреда, просто хочу понять кто они и откуда...

— Зачем? Послушайте, я битый час отвечаю на ваши вопросы только из уважения к вашему возрасту, но сами понимаете, что делать этого совершенно не обязана. Вы, наконец, мне объясните, зачем притащили меня в этом место и как мне вернуться обратно?

— Ты здесь, потому что принадлежишь этому месту, а как так произошло, я и хочу понять, для этого придется восстанавливать всю хронологию твоей семьи. Никому никакого вреда мы не хотим.

— А спросить, хочу ли я знать эту хронологию и вообще, чтобы вы вмешивались в мою жизнь, не могли?

— К сожалению, заставить тебя провести всю жизнь здесь, я, конечно не могу, — сокрушенно сознался Магистр, — но раньше чем через год ты вернуться обратно не сможешь. Поэтому придется все это время тебе пожить по правилам нашего мира, а после будешь выбирать. Как видишь, ничего здесь сложного нет.

— И если я выберу, что хочу обратно, вы так просто возьмете и отпустите меня? — сильно усомнилась я в правоте слов старика. Стали бы они заморачиваться и искать меня, чтобы потом так просто отпустить.

— Не выберешь, — лукаво улыбнулся он, — никто еще не выбрал. Раньше я с таким лично не сталкивался, но слышал о тех, кто возвращался сюда. Насколько я знаю, ни один через год не просился обратно в тот мир, из которого его забрали.

— Наверное, здесь просто райские условия, — хмыкнула я. Он еще не знает, что русского человека богатой и сытой жизнью не удержишь, ему потребуется для этого что-то другое и гораздо серьезнее.

— Вовсе нет, — вдруг признался старик, подмигнув мне, — хотя все зависит от того, как сильно ты будешь стараться. Но думаю, с твоей сильной мотивацией к жизни проблем возникнуть не должно.

— Допустим. Но почему я должна ждать год и зачем собственно вы сюда меня притащили?

— Наверно на слово ты мне еще долго верить не будешь, так что возьми полистай эту книжечку... Первая закладка, это раздел почему переход так часто, как бы мы этого хотели не возможен, а вторая закладка, поверхностно, но рассказывает о возможностях твоей крови. Прочитаешь, а потом задашь любые вопросы, которые тебя заинтересуют.

— И вы ответите? — с сомнением проговорила я, улыбаясь тому, как лихо он пытается меня окрутить. Вроде и совсем соглашается, и разговор протекает плавно и без угроз, и именно туда, куда он сам направляет. А я, будучи далеко не душой, все прекрасно вижу и понимаю, а сделать ничего не могу, чтобы прекратить весь этот фарс.

Он только улыбнулся, но многозначительно промолчал и достал из-за пазухи какую-то небольшую книжечку с роскошном красно-золотом переплете. Представляю, сколько бы стоило это произведение искусства на черном рынке. И откуда только эти грешные мысли берутся в моей голове?

Посчитав, что хуже не будет, если я ознакомлюсь с предложенной литературой, я приняла предлагаемый презент и открыла книжицу на месте первой закладки. Сама закладка, кстати, тоже была весьма примечательной и наверняка раритетной: золотистый листок-паутинка.

Чтение долго не заняло, всего то пару небольших абзацев. Правда, написанный от руки текст был настолько замысловатым, что мне пришлось посидеть в тишине некоторое время, чтобы понять, что именно хотел донести автор. Причем текст был написан на русском языке, хотя и с некоторыми непонятными словами, видимо давно вышедшими из обращения! Интересный, однако, феномен... Одновременно понимаешь, что это не может быть твоим родным языком, а с другой стороны это не вызывает никакого отторжения.

— Единственное чего я не поняла, так почему ваш Создатель вдруг решил, что один мир надо делить на много других? И почему Переход из одного в другой работает для каждого индивидуально, всего раз в год? К чему такие сложности?

— Не ваш Создатель, а наш, он общий, — добродушно проговорил Магистр, — для всех параллелей, миров и как ты там еще хочешь это назвать... И не он решил поделить, а его дети, наши и ваши боги, им же хотелось самим править, а Создатель устал от постоянных споров и претензий, просто взял и одарил каждого своей игрушкой... Ну это если утрировать конечно. Мы-то себя игрушками не считаем.

— Как мило... — несколько потрясенно проговорила я, рассматривая библиотеку в

поисках других эксклюзивных экземпляров. Проблема в том, что они были тут везде и какую из них можно было попросить, чтобы почитать, я просто не знала.

— А ваши боги тоже разделяют эту точку зрения?

— Что мы не игрушки? — любезно уточнил старик и кивнул, — конечно. Они как-то заигрались, что чуть было не уничтожили все живое, устроив Всемирный Пожар, но Создатель вмешался и при еще тех, наших далеких предках очень сильно отругал своих детей... Теперь у нас всех четкие ограничения, правила и строго регламентированные кодексы. Наш Орден к примеру служит именно Создателю, но есть много храмов, которые обслуживают интересы именно его детей, которым поклоняются все слои населения исходя из своих потребностей... Мы же ничего не просим, мы выступаем централизованной силой, охраняем мир и равновесие. Чтобы ничего подобного больше не случилось.

— Надо же, а у нас когда-то был Всемирный Потоп, ну по крайней мере так говорится во многих наших религиях...

— Ничего удивительного, — все так же с улыбкой говорил Великий Магистр, — все главные события, которые происходят здесь, глобально отражаются и в других параллелях. Искажаться они могут незначительно, а вот смысл всегда остается тем же самым.

— История циклична и видимо, этот закон актуален везде... — рассеянно вторила я, погружаясь в чтение второй выделенной части. С переходом обратно домой, потом как-нибудь разберусь, раз уж, судя по всему, я здесь застреваю действительно на год. Не верить старику у меня не было причин. Смысл насилловать себе мозг слезами и пытаться все опровергать, если своим глазами вижу, что здесь все настоящее, а я не сплю.

Вторая часть книги была написана более живым языком, видимо сменился летописец. Знать бы кому за это благодеяние жать руку, я бы сделала это незамедлительно. Потому что информации на этот раз было гораздо больше, а продираясь сквозь бронебойные фразы и неправильные склонения, я бы сошла с ума.

Наконец, я оторвалась от чтения и задумчиво пробормотала, изо всех сил пытаюсь вспомнить, что читала в детстве о христианстве. Была такая у них чаша из орудий Страстей, не помню, как называется...

— Чаша Грааля, точно!

— Что? — не понял Великий Магистр, но от моего неожиданно громкого возгласа, вздрогнул.

Я, весьма довольная собой, что память еще меня не подводит, пояснила:

— Ну тут в вашей книге говорится об одном артефакте, чаше Сангреаля, которая находясь у потомков одного из ее создателей, могла творить чудеса, исцелять, дарить молодость и то, только тех, кто своей жизнью доказал свою правильность и обмануть ее было невозможно... Очень похоже на чашу Грааля, про которую у нас в средние века слагались целые легенды.

— Очень может быть, — осторожно проговорил старик и попросил рассказать меня об этом поподробнее, но я его разочаровала, так как много не знала, потому что никогда всерьез этим не интересовалась.

— Вы говорили про кровь... Вы что думаете, что я имею отношение к потомкам ваших великих создателей? Вы серьезно?

— Я ничего не думаю, — отрезал Магистр, переходя на более серьезный тон, видимо шутки кончились, — я бы и сам хотел это точно знать. Да, ты сняла мой блок легко и непринужденно, но для потомка Великой Крови этого мало.

— Тогда как вы поняли, что нужно искать именно меня, если даже не знаете, попали вы пальцем в небо или нет?!

— На тебя указал Сосуд Желаний, мне нет причин не верить этому артефакту, он никогда не ошибался, но проверить, насколько в тебе сильна кровь, я прямо сейчас не могу, надо создавать разные ситуации, чтобы это проверить...

— Ну так давайте проверим, вы убедитесь, что я не могу быть нужным вам человеком и мы с вами распрощаемся! И вообще, почему вы прицепились ко мне? Создателей вашего Сангреалья было много, а за столько лет у них должно быть тысячи потомков! Искали бы среди своих!

— Я бы с удовольствием, но у нас, к сожалению, этот дар не ценился до определенного времени. Мы смогли понять, что потеряли, только когда потомки сами загубили все, что имели. Разнузданный образ жизни ведет к порче любого дара, возьми как мага, ведьму или тех, кто посвятил жизни служению в храмах своим богам...

Вот оно, дождалась правды!

Кипя праведным гневом, я вскочила на ноги и зависла подобно грозовой туче над стариком, наблюдающим с любопытством за моими действиями. Свистящим шепотом я выдала:

— То есть, пустив в расход свой биоматериал, захотели отщипнуть кусочек из чужого мира? А я, преисполнившись к вам искренней любовью за то, что меня просто-напросто выкрали против моей воли, даже не удосужившись на месте попытаться объяснить, что к чему, добровольно превращусь в святую мученицу и буду служить в вашем храме правдой и верой? Исцелять, кого вы мне приведете и дарить всем молодость?

— Ну что ты, дитя мое, я совсем не думал об этом...

— Наглая ложь, — уже спокойнее парировала я, прекрасно видя, как забегали глаза у старика, как он услышал мою страстную обвинительную речь.

— Ничего у вас не выйдет и не потому, что я на вас в обиде и отказываю в помощи. Понимаю, может у вас тут эпидемия, какая разгулялась, при вашем-то уровне медицины и вы хватаетесь за все, что только можете... Ваш Сосуд или как вы там назвали свой артефакт... Ошибся. Во мне нет никаких способностей. Я простая средне статическая студентка подрабатывающая медсестрой на реанимационном автомобиле.

— Ты просто можешь всего не знать, кровь не всегда пробуждается с рождением... — успокаивающе проговорил Магистр и осторожно усадил меня обратно в кресло, — конечно, я не в праве ничего требовать и чтобы ты доверяла мне или кому-то еще... Но мы не могли ошибиться, этот не тот случай. Просто позволь убедиться в этом.

— В чем? — хмыкнула я, позволяя разговору продолжаться, — что я не маг? Не замечала за собой способности взрывать предметы, да и от взгляда моего никто еще не зажегся.

Старик, с минуту молча и как-то потрясенно смотрел на меня, а потом отмер:

— Странные представления о магии... Я прямо так сходу не смогу тебе всего объяснить, за меня это сделают нужные учителя. Но ты заблуждаешься, если думаешь, что подобный дар проявляется в разрушениях, тем более таких. Это очень тонкое и красивое искусство.

— Учителя? Вы меня еще и здесь учить собрались? Мало мне дома было учебы... Господи!

У меня же сессия скоро, как же так, в ней вся моя жизнь...

— Не знаю, что именно сейчас случилось, но если ты боишься, что не успела там что-то

сделать, — верно определив причину моего панического выражения лица, спокойно выдал Магистр, — то если ты все-таки через год примешь решение вернуться туда, откуда мы тебя забрали, то попадешь ровно в ту же минуту, начиная с которой был совершен Переход.

— Ну, хоть из института меня не отчислят и то хлеб...

— А без учебы никак, как ты собралась обособливаться здесь, если ничего не будешь знать? Разве тебе самой не интересно узнать, кто ты на самом деле и на что способна?

— Хорошая попытка, но провальная, — упрямо не согласилась я, — поскольку и так прекрасно знаю, что именно я собой представляю и где предел моих возможностей.

— Хорошо, — мудро не стал со мной спросить Магистр, — но разве тебе совсем не интересно узнать, как устроен некогда родной мир? И не спорь, он для тебя родной, хоть ты и не хочешь признавать этого и узнавать подробности... Разве ты, врачеватель, откажешься узнать о наших способах лечения?

— Вряд ли они будут работать у меня дома. У нас, знаете ли, как то в магию не верят... Все сплошь фокусы и вранье.

— Просто вы мыслите по-другому. А если ты освоишь хотя бы что-то, то это будет работать и там. Мы живем по одним и тем же законам.

А вот это был удар ниже пояса. Дело в том, что я жила одной работой и помогать другим, для меня было просто какой-то паталогической потребностью. Мои друзья часто шутили, на тему того где и кем я работаю, и называли ноль-три по вызову. Я никогда никому не могла отказать. И не потому, что считала это неправильным, хотя было много ситуаций, которые злили меня и наоборот, я хотела послать обращающегося ко мне, но вот не могла и все. Мозг отключался, а руки сами начинали действовать.

— Допустим, — наконец признала я правоту старика и не заметила, как он спрятал довольную улыбку за тереблением ухоженной бороды.

— Допустим, я согласна прожить здесь год и даже походить к вашим учителям и кое-что перенять. Где гарантия, что вы поможете мне вернуться домой через год?

— А я не буду давать никаких гарантий, ты сама все сделаешь.

— То есть как? — не поняла сначала я подлянку со стороны чересчур умного старика, — как я смогу все сделать сама, если даже не знаю, как работает Переход?

— У тебя есть целый год, чтобы освоить все необходимые азы, узнать нужные формулы, потренироваться с собственной энергетикой... — хитро поблескивая глазами, спокойно проговорил Магистр. Не признать, что это был достойный ответ, я не могла. Все правильно. Помоги себе сам — самый справедливый закон. Это же я хочу домой? Значит, мне с этим и разбираться. А то, что он поспособствовал моему перемещению, ну так он выстаивает это как благо для меня, а я не оценила.

— Хорошо, — мрачно завила я, отдавая себе отчет в том, что они тут все об этом очень сильно пожалеют. Нет, не потому что взяли и перенесли и считают это каким-то подвигом или около того, а потому что мое мнение никого не интересует.

— Думаю, что можно начать прямо сейчас.

— Мне нравится твоя решительность, но ты ошибаешься, если думаешь, что учить тебя буду я. У меня нет на то ни желания, ни умения, ни полномочий. Я могу выступать только как твой представитель, а все остальное ты сама.

— Тоже неплохо, — несказанно обрадовалась я, думая, что меня оставлять на так называемое домашнее обучение. Самостоятельно ковырять в книгах было моим одним из любимых занятий. Ни тебе зудежа над ухом от преподавателя, ни никчемных заданий, на

которые только время впустую тратишь.

— Рад, что тебе нравится. Значит, сегодня ты гуляешь по окрестностям Акко, отдыхаешь, а завтра я с почетным эскортом отправлю тебя в аз-Зайтун. Это один из лучших Университетов и к тому же, что для тебя немаловажно, там есть представители из других миров. Тебе будет полезно с ними пообщаться.

Все-таки решил меня слить с глаз долой, чтобы не маячила тут и не взывала своим видом к отмершей когда-то совести. Как это по-мужски.

Чтобы не все казалось ему так легко и просто решаемым, я напомнила ему о том, что здесь у меня нет ни вещей, ни денег, чтобы хоть как-то себя обеспечить. И даже близких людей, к кому можно было бы подойти с этой проблемой.

— Раз я буду твоим представителем, с которым будут связываться с вопросами по твоей учебе, на первое время я, конечно, обеспечу тебя всем необходимым. Но...

— Ваше «но» меня очень сильно смущает...

— Ты ведь совершеннолетняя по меркам своего мира?

Видя, что вопрос с подвохом я сначала хотела соврать, но каким-то шестым чувством поняла, что это было бы бесполезно.

— Да.

— Значит сама в состоянии о себе позаботиться. Если будешь халаявничать и не сможешь поступить в институт, просто умрешь с голоду, так как стипендию тебе не заплатят, а мира ты просто не знаешь и устроишься не сможешь. Это я говорю тебе о том, что сбегать из моего поля зрения будет очень глупо с твоей стороны.

— Понятно, — сквозь зубы процедила я. Что ж, один из возможных вариантов отменяется и хорошо, что я узнала об этом заранее, а не когда совершила ошибку, невольно навредив себе. Этот малоприятный старик прав, без его помощи мне тут не выжить, и домой уже возвращаться будет нечему.

— Как мне поступить туда?

— Тебе все расскажет твой сопровождающий, — уклонился от ответа Магистр, и у меня возникло сильное предположение, что он не хочет меня пугать заранее.

— Завтра я подумаю, кого можно отправить с тобой. Дорога будет быстрой, я проведу вас через портал, а там от самого города до Университета рукой подать.

Что я могла на это сказать? Правильно, только постараться доставить радость тому, кто, судя по всему сильно меня недолюбливал, раз так быстро сбежал не прощаясь.

— Так пусть моим сопровождающим будет ваш Вернер. Мне кажется, мы нашли с ним общий язык.

— Боюсь, это будет невозможно...

— Почему? — с нескрываемым любопытством поинтересовалась я, — вы же видели, что он ко мне не ровно дышит.

— Скорее испытывает неприязнь.

— Да бросьте, — легкомысленно отмахнулась я, желая чтобы он со мной согласился, — самая большая любовь всегда начиналась с конфликтов. По крайней мере, так про это пишут классики.

— Боюсь, это не тот случай.

Отрезав это, Магистр поднялся, и судя по всему собирался уже уходить, но я задержала его возгласом:

— Почему? Он крепко женат и у него десять детей?

Старик пожевал губы, раздумывая, отвечать мне или молча уйти, но потом все-таки сжалился:

— Наверное, у него была жена, но она умерла при родах и есть один сын, уже взрослый. И была еще любимая невеста, но пару лет назад, один из последователей Асклепия, про которого я у тебя спрашивал, выманил ее из дома, когда он был в походе и принес в жертву. Я не вникал в суть его некромантского ритуала, тем более, что того, кто ее убил, так и не нашли. Теперь понимаешь, почему он так реагировал на тебя?

Я все понимаю, кроме одного: как он нашел в себе силы привести меня сюда, будучи уверенным, что я тоже некромант? Для меня это признание большой мужественности у человека, когда дело, которое тебе доверили, превышает всего остального. Представляю, кем я являюсь в его глазах...

В таких легких терзаниях наверно прошло часов пять, не меньше. И за это время, конечно же, никто не пришел и не побеспокоился, что даме нужно выделить отдельные покои с ванной комнатой или хотя бы просто ее покормить.

Решив никого не раздражать и просто не искать себе на удачливую пятую точку приключений, я не стала выходить из библиотеки и промаявшись, легла прямо там, благо диван и кресла были в наличии. Десять раз прокрутив в голове день, начиная прямо с самого утра, я дала себе обещание, при первой же возможности узнать, что за Великой Кровью они тут все бредят, как мои предполагаемые предшественники работали с этим самым Сангреалем и вообще все, что мне могло бы облегчить текущую и будущую жизнь. А потом переключилась на персону Вернера, подумала, что наверно в силу не знания его личной ситуации, а вела себя с ним несколько дерзко и неплохо было бы при возможности извиниться, уснула моментально и без сновидений. И было очень неприятно осознать, когда проснулась, что никто обо мне так и не позаботился. И скорее вообще обо мне все забыли...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Почему ты не сказал ей, что за ней ведется охота? — сухо спросил Вернер у Магистра.

Они стояли возле статуи красивой молодой девушки, держащей в одной руке живые цветы, а в другой какую-то бутылку, подозреваю, что с каким-то весьма интересным содержимым и разговаривали, не зная, что я оставшиеся полдня ходила за ними по пятам. Вернее, я очень хотела надеяться на это и пока они не сделали ничего, чтобы я поменяла свое мнение.

— Потому что мы точно не знаем, она ли ему нужна или кто-то, кого мы просмотрели. Сейчас ни в чем нельзя быть уверенным, у нас ведь ни одного точного факта в пользу нашей теории нет. Следов он не оставил... И вообще, может это не он, а «они», причем в неизвестно количестве. Если б мы хотя бы общее представление имели, что произошло на самом деле...

— И человек ли это изначально, — задумчиво насупившись, поддержал старика Вернер. Лоб мужчины недолго оставался идеально гладким. Демонстрируя всему миру трудность мыслительного процесса, холеного аристократа навестили продолговатые складки. И что самое интересное, они ни сколько не портили этому большого сильного человека.

— Энергия смерти подвластна только человеку, — не согласился Магистр, ласково поглаживая свою бороду. Я вообще отметила, что он уделял ей слишком много внимания. С

таким внутренним трепетом не всегда даже к любимой женщине подходят.

Вернер широко улыбнулся, отчего я едва не выпала из своего укрытия, до этого не подразумевая, что он так умеет. Воистину подтверждаю, что нельзя судить по человеку по первому впечатлению!

— Пока не появилась эта пигалица, мы думали, что и врачеватели и дар Великой Крови дается лишь мужчинам, как умеющим преодолевать трудности и лишения.

— Эта пигалица, как ты выразился, на семь лет старшего твоего сына и как я понял, для ее мира, такая разница в возрасте существенна, — поддел Магистр мужчину. Комтур на это снова нахмурился, будто воспоминание о сыне вызвало в нем некоторую досаду.

— Надеюсь, что толку от нее будет намного больше.

Вернер продолжил говорить что-то еще, но я почему-то уже этого не слышала. Может это и есть их хваленое искусство магии? А если это так, то это просто бесчестно так поступать, зная, что где-то поблизости может ходить человек, который не умеет творить подобных фокусов! И при этом, очень любопытной до того, что говорят эти двое... В конце концов, как мне теперь собирать информацию, если я даже подслушать не могу?

— Такая красивая женщина и за таким грешным занятием, — елейным мужским голосом пропели за моей спиной, — но маскировка на высшую отметку по десяти бальной шкале. Если точно не знать, что вы стоите именно за этим углом дома и не присматриваться, то вас и впрямь не видно. Только жаль, что эти усилия напрасны, потому что такие опытные храмовники всегда ставят глушилку, если собираются вести серьезный разговор.

Обернулась я на голос не сразу, старательно вслушиваясь в интонацию, чтобы понять, чем мне может грозить подобная ситуация. По всему выходило очень некрасиво, что я здесь стояла и в наглуую подслушивала, особо не скрывая своих постыдных намерений. Так что если владелец бархатного баритона решит меня сдать с потрохами и заработать плюстик себе в копилочку, у меня будут большие проблемы. Уж в чем в чем, а в злопамятности их Великого Магистра я просто не сомневалась.

На мое удивление, обладатель приятного баритона и сам по себе оказался весьма не дурен.

Высокий, чуть худощавый, но отнюдь не слабый на первый взгляд жгучий брюнет с озорными темно-кариими глазами, больше похожими на влажно поблескивающие масла. Аккуратно слеplенное как на заказ мужественное лицо со слегка скошенным подбородком и очаровательной ямочкой посередине. Если бы не аккуратно подбритые усы, я наверняка влюбилась бы на месте. Но есть у меня один необъяснимый пунктик — ненавижу растительность на лице, вообще.

— Вы кто?

— О, у миледи еще и ангельский голос, я сражен... — мужчина со сказочной актерской внешностью, которому впору бы блистать в главных ролях где-нибудь во МХАТе, склонился передо мной в глубоком поклоне. Я немного посторонилась, чтобы меня не задела взметнувшиеся полы белого плаща с нашитым золотым крестом. Здесь вообще многие предпочитали подобные накидки, видимо установленная Орденская форма.

— Я туркоплье Ордена Солнца, только утром прибыл с выполненным заданием, спешу на аудиенцию к Магистру, но вижу, что он немного занят. И тут увидел вас... Великий Создатель, у вас великолепные глаза, такой редкий цвет... Еще ни одна женщина не блистала такой зеленью драгоценных изумрудных глаз, как вы... Решительно извините за бестактность, но у вас такие короткие волосы... Вы прибыли издалека? Кто вы, ангел?

Вспору было закашляться и сбежать от чересчур эмоционального кавалера. Может кому-то и нравятся подобные экземпляры, которые с первой же секунды растекаются лужицей у ног, хотя даже не знают, как тебя зовут и что ты есть вообще, но меня подобное поведение только пугало.

— Я очень даже издаleка, вы про мои земли вряд ли что-то слышали, — осторожно отодвинувшись еще на пару сантиметров, пробормотала я, мечтая испариться отсюда, — что за зверь такой, турко... Поле... Турок что ли?

— Туркополье, — с придыханием ответило мне это чудо, пытаюсь завладеть моей ладонью, которую я до поры, до времени успешно прятала то в карманах кожаной курточки, то за спиной, при этом совершенно по-дурацки улыбаясь ему.

— Я управляю небольшим отрядом из братьев-служителей и выполняю особые поручение командора или самого Великого Магистра... Как же вас зовут, прелестное создание? Я сражен вашей не здешней красотой, изящностью линий божественной фигуры, а ваша белая шея...

— Я тоже сражен, — мрачно выдал Вернер, как тень, возникая за спиной у говорившего.

Ей-богу, я обрадовалась ему как родному, и пользуясь моментом, тут же мышкой юркнула ему за спину. Он мой быстрый маневр явно оценил, судя по мелькнувшему во взгляде одобрению, но сказал, обращаясь к туркополье:

— Вы что-то хотели от Великого Магистра?

— Я рад, что он, наконец освободился, брат мой Вернер, — с доброжелательной улыбкой ответил турок, как я про себя его окрестила, не в силах запомнить правильное название его должности, — может быть, вы мне скажете, как зовут этот дивный цветок? Она слишком робка, чтобы пролить свет на это, хотя я уверен, что ее имя столь же прекрасно, как и зелень ее глаз...

Готова поклясться, но Вернер едва не рычал, правда, не знаю почему. Видимо все дело было именно в этом туркополье.

Весьма не вежливо дернув меня за руку, он бросил на ходу, что «это совсем не важно» и силой повел меня за собой. Протащив так по улице несколько кварталом, словно это была не крепость, а целый город, он наконец остановился и попытался прижать меня к стене. Если он добивался, что я оценю его физическое превосходство над собой и теперь при каждом его появлении на горизонте буду съезживаться в жалкий комок, то он слегка просчитался. Конечно, физическое превосходство нередко значило очень многое, но для меня важнее был скорее внутренний дух. Так что хорошо развитыми мышцами меня не напугаешь, тем более, что сама в детстве активно занималась спортом и знаю, как сделать их повнушительней и рельефней, что не значит выносливей!

— Девочка, ты еще не поняла, что ты не дома? Что он хотел от тебя?

Деловито сбросив ручищу Комтура со своего плеча, просто для того, чтобы у меня не осталось синяков, я сделала вид, что вообще не понимаю о чем речь:

— Откуда я знаю, догоните его и спросите. Но мне кажется, что я просто ему понравилась. У красивых женщин вообще всегда много поклонников, вы не знали?

Видимо от избытка чувств, мужчина широко раздвинул ноздри, словно изображал быка на корриде. Потом он максимально приблизил свое лицо к моему носу. Вкусно пахло лимонником, смешанным с мятой и чем-то еще терпким, безумно бодрящим сознание.

— На ближайший год можешь об этом забыть, ты сейчас собираешь свои вещи и

отправляешься напрямиком в аз-Зайтун. Великий Магистр приказал сопроводить тебя, хотя я бы с удовольствием передал эту повинность кому-нибудь другому.

Великий Магистр, а ведь только вечером вы меня с большим энтузиазмом уверяли, что кто-кто, а Вернер ни за что не согласится отправиться со мной в дорогу. Интересно, что же изменилось? Не то ли, что кто-то меня ищет? Надо будет, кстати, уточнить этот вопрос при первом же удобном случае.

Подумав об этом, я резко затормозила. Что значит повинность? Как будто я не женщина с в общем-то легким характером и без особых заморочек, а существо из Ада. Эдакое сплошное наказание и находиться рядом со мной больше минуты смерти подобно.

Решив, что точки на «и» лучше расставить прямо сейчас, чем выяснять отношения прямо в дороге, я выпрямилась и глядя, в напоминавшие грозовые облака глаза мужчины, спокойно проговорила:

— Вернер, вы конечно не поверите, ибо считаете себя не только непогрешимым, но и неповторимым, но я совершенно не испытываю удовольствия от вашей компании. Впрочем, как и вы от моей, это видно за версту. А поэтому, давайте сведем к минимуму все эти обоюдные подколки. Нам же нечего доказывать друг другу? И я совершенно не виновата, что ваша невеста погибла, так зачем же срывать зло на мне, которая здесь вообще новый человек? И смею вам напомнить, человек временный.

На Комтура к концу моей прочувственной речи было страшно смотреть, так его на миг перекосило. Но он большой молодец, я даже не рассчитывала, что он сможет так быстро переключиться и взять себя в руки. А он не только смог, но еще и умудрился поддержать разговор. Правда, в достаточно своеобразной манере.

— Не смей поднимать эту тему. Она запрещена, надеюсь, с первого раза будет понятно?

Значит, меня можно в любое положение ставить, я переживу, а он у нас рыцарь без страха и упрека, с тонкой душевной организацией? Господи, куда меня вообще занесло?!

— А ты не смей называть меня девочкой, — в тон ему же и впервые перейдя на «ты», вторила я. Если сейчас его не поставить на место, потом будет просто бесполезно что-то изменить.

Вернер недолго время молчал, беспристрастно рассматривая меня в упор, а потом равнодушно выдал:

— Вещи собрала?

Я демонстративно похлопала по пустым карманам, кивнула на походную сумку с которой не расставалась с того самого момента, как оказалась здесь и бодро отрапортовала:

— Всю ночь трудилась, перекладывала, думала и выбирала, что же все-таки взять с собой!

Мужчина хмыкнул, кивнул своим мыслям, и схватив меня за руку, куда-то потащил, стремительно печатая шаг. Летела я при этом за ним, подобно тому, как путешествует воздушный шарик за веревочкой. Мне даже не надо было особо перетруждаться и передвигать ноги, Вернер вполне справлялся и с этой задачей.

Не прошло и десяти минут, как мы как вкопанные встали возле огромных квадратных ворот. Они были щедро исписаны какими-то мелкими черными письменами по всему периметру. Но даже рисунки так не поражали воображение, как впечатляли своим размахом сами двери, высотой в три человеческих роста.

Осторожно высвободив ноющую ладонь из медвежьих тисков Вернера, я, как бы между прочим, осторожно поинтересовалась:

— Это что?

— Боишься? — чересчур весело, на мой взгляд, проговорил Великий Комтур и я передернулась от разнообразия перспектив, которые щедро нарисовало мое богатое воображение:

— Бояться буду, когда воочию увижу, что там за ними, а пока здраво опасуюсь. От тебя с Магистром можно ожидать чего угодно.

— Чем ближе старость, тем меньше жажды риска, — похабно подмигнул мне Комтур, чего стерпеть я уже не могла. Вернее могла, конечно, мы же люди разумные, хомо сапиенс, так что просто не захотела.

— Интересные у вас критерии молодости... Тебе-то самому сколько лет?

— Сто тридцать пять, — еще шире ухмыльнулся Комтур, — но, я-то мужчина, тем более мой дар открылся в двадцать семь, поэтому внешне я и застыл на этом возрасте.

— Ну, выглядишь ты все равно старше своих лет, — не найдя, что ответить на подобное признание, выдохнула я и с удовольствием отметила, что мой ответ ему по вкусу не пришелся. Мелочно конечно, но знали бы вы, как это было приятно.

— Пойдем внутрь, нас ждет Магистр, нам уже давно пора быть в столице, — только и смог буркнуть в ответ Вернер, пряча за суровостью интонации тот факт, что я все-таки смогла его задеть. Пусть не сильно, я не в претензии, но сумела же до него достучаться!

За огромными дверьми находился такой же огромный и совершенно пустой мраморный зал, выполненный в золотисто-песочных тонах. Здесь внимание привлекали только непонятные рисунки на стенах и черные линии на полу в самом центре. Я смогла разобрать среди них только что-то отдаленно напоминающее циркуль, мальтийский крест и какие-то углы, руны.

Великий Магистр встретил меня с большим радушием, чем в первый раз. Но это только сильнее меня насторожило: наученная горьким опытом долгих институтских лет, я знала, что чем больше преподаватель тебе улыбается, тем каверзнее вопросы на экзамене у него будут.

— Здравствуй, Ярослава. Вижу, вы нашли с сэром Орзельном общий язык?

Скосив глаза на стоящего рядом Комтура, я мысленно улыбнулась. Ну как с таким очаровательным мужчиной и не найти общего языка? Многозначительно приподнимая и опуская брови в такт своим словам, я томно проговорила:

— Ах, Великий Магистр, скажу вам по секрету, но я чувствую, что мы на пороге начала великой дружбы. Уж поверьте мне, я редко ошибаюсь в подобных вещах.

Магистр после моей прочувственной речи выглядел весьма озадаченным, не зная как лучше отреагировать на весь бред, что я несла с таким убедительным видом. С Вернером все обстояло гораздо проще: ему было все равно, что я говорю. Как будто он или не слышал моих слов или решил вообще не обращать на меня внимания. И почему-то мне казалось, что вероятнее всего именно последний вариант.

Кашлянув, Великий Магистр неуверенно продолжил:

— Ну, дружба, это всегда хорошо, не так ли?

Мы с Вернером переглянулись и готова поспорить, что у него мелькнула такая же мысль, как и у меня: только не между нами. Ни дружбы, ни вражды, ничего не надо. Ему — покой и размеренность бытия, а мне просто нужно домой. Но Магистру, разумеется, я этого говорить не стала.

— Ярослава, ты случайно не прихватила ничего из библиотеки?

Этот вопрос прозвучал для меня настолько неожиданно, что застал врасплох, и конечно же я не успела подготовить соответствующую реакцию, на чем и прогорела.

— Ярослава... — Магистр смотрел хоть и ласково, но строго, словно видел, как я утром положила пару особо заинтересовавших меня экземпляров в сумку. Подумаешь, решила просветиться о том месте, куда попала не по своей воле, раз уж никто не собирается заниматься моим развитием. Тем более что я же не на все время экспроприировала эти книги. В любом случае со временем бы вернула их обратно, мне чужого добра не надо.

Верховный Магистр протянул раскрытую ладонь, ожидая, что я тут же проникнусь своим плохим поступком и все верну. Но я только сильнее вцепилась в свой походный рюкзак. В детском доме меня на всю жизнь научили, если что-то сделала, то на своем стой до конца. И как ни странно часто мне везло именно в последний момент.

— Давайте будем считать это временной платой за мое нахождение здесь? — с надеждой проговорила я, — ну серьезно, это всего лишь книга по истории и географии вашего мира. Они очень пригодятся мне, чтобы освоиться.

— Ярослава, книги из моей библиотеки бесценны, — мягко проговорил Магистр, не спеша соглашаться с моими доводами, — одна книга оттуда может составить головой бюджет какой-нибудь не слишком большой страны.

А вот эта информация меня действительно впечатлила, ведь получается что пусть и временно, но я сказочно богата. И после этого они думают, что я добровольно сейчас все отдам? Наоборот, теперь я была просто убеждена, что книгам будет лучше со мной. И возможно, навсегда.

По моему решительному виду ни поняли, что без драки не обойтись, а время уже поджимало. Поэтому махнув на меня рукой и взяв клятвенное обещание, что буду смотреть за ними, как за собой и скоро верну обратно (разумеется!), меня попросили встать в один из кругов в центре пустого зала. Вернер последовал за мной и встал на расстоянии вытянутой руки, благо круг и письмена внутри и снаружи него, спокойно позволяли это сделать.

— Ярослава, не пугайся новым для себя ощущениям, ничего страшного не произойдет. Всего несколько секунд тебе будет холодно, потом жарко и потом вы попадете внутрь стационарного портала в столице дружественной нам страны. Она совсем маленькая, у нее даже нет своей армии, она живет только за счет самой лучшей в мире академии аз-Зайтун. Она кстати, готовит лучших специалистов по самым разным областям науки, и попасть туда тебе будет не просто.

— Но видимо, у меня нет выхода, — мрачно договорила я за него, — иначе домой мне не попасть. Вы же не станете меня обучать?

— Меня радует, что ты не так глупа, как кажешься на первый взгляд.

Этот скрытый сарказм вызвал у меня улыбку: вроде и похвалили, но и показали, что мой уровень не выше, чем у табуретки в трапезной.

— Магистр, у меня только один вопрос.

Верховный Магистр благожелательно кивнул:

— Задавай.

— А зачем вам это? В чем смысл перетащить меня сюда, бросить на год на произвол судьбы, зная, что мне хватит упорства изучить все необходимое, чтобы освоить правила Перехода.

— Потому что ты принадлежишь этому миру, — все так же мягко улыбаясь, проговорил он, — я в этом абсолютно уверен. А мы все служим ему и ты можешь принести не меньшее

благо, чем весь Орден Солнца. За год ты успеешь вырасти корнями в свой дом, я верю в это.

Свежо предание... Ну, дальше вы поняли.

— Если у тебя больше нет вопросов, то давайте приступим.

Вопросов больше не было, а на те, что остались, я и сама поищу ответы, раз никто мне ничего не хочет говорить.

Великий Магистр принялся заунывно напевать фразы, чем-то сильно напоминающие мне латынь. Правда, это не было теми терминами, которыми нас пичкали на лекциях в институте, но несколько пугало это точно.

Сначала ничего не происходило достаточно продолжительное время. Я уже начала засыпать под методично врезающийся в мозг голос Магистра, но затем все резко изменилось. Не было обещанного жара или холода, я просто почувствовала небольшое дуновение ветерка, как будто боялся меня пугать, ласково прошелся по коже и исчез. Чувствуя себя донельзя разочарованной, я даже решила обидеться. Где обещанная магия, наконец?

Великий Магистр медленно начал приближаться к кульминации своей странной песни. Он согнул руки в локтях, и, соединив вместе кончики указательных пальцев, начал медленно приподнимать ладони к голове на уровень глаз, словно это была своеобразная антенна. Затем, он прикрыл глаза и потихоньку принялся поворачиваться телом слева направо вокруг своей оси. И в этот самый момент я ощутила, как вокруг нас стал уплотняться воздух. Это были действительно непередаваемые ощущения! Я вдруг поняла, что на самом деле мне очень хотелось чуда, я ждала его с самой первой минуты, как оказалась в этом странном мире.

А потом все резко кончилось. Я удивленно моргнула и стояла уже не в зале, а в каком-то куполе посреди на оживленной площади.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Прекращай уже заниматься ерундой, на нас люди смотрят, — негромко проговорил Вернер у меня над самым ухом. Я осторожно приоткрыла глаза, ожидая увидеть себя где угодно, но не сидящей на корточках с прижатыми к голове руками в какой-то сфере, похожей на большую химическую колбу. Она возвышалась в центре огромной площади на постаменте, от которого шло множество ступеней. В первую секунду как мы здесь оказались, я тут же закрылась, пытаюсь осознать происходящий беспредел.

Людей здесь было много, но зря Вернер сказал, что на нас кто-то смотрел. Как раз таки наоборот: тут вообще никому не было до нас никакого дела. Горожане сновали туда-сюда исключительно занятые собой, даже не смотря по сторонам, поэтому частенько и врезались друг в друга.

Вернер протянул мне руку и рывком поднял на ноги, за что я отблагодарила его кивком головы, но на мою вежливость он никак не отреагировал.

— Что это за место?

— Мы в стационарном портале, — равнодушно бросил мой спутник и пошел вперед, к широкой прозрачной арке, ведущей к ступеням. Не врезаться в нее помогал только приклеенный на стекло указатель, который объяснял, куда именно нужно идти путешественнику, вроде меня.

— Спасибо, я уже сообразила сама, как это называется, но я говорила про то, куда мы попали.

Вернер не оглядываясь на меня, неторопливо начал свое снисхождение по достаточно крутой лестнице. Странно, что у подобной штуки не было своей охраны. А если какие-нибудь вандалы решат подшутить?

— Это Диоскурия, маленькое прибрежное государство у которого всего три города.

— И в каком городе находимся мы? — с любопытством подхватила я, с присущей мне жадностью рассматривая причудливую архитектуру. Складывалось впечатление, что я попала в средневековую Грецию прямо из промозглой осенней Москвы. А здесь по-летнему было тепло, даже жарко и вскоре мне пришлось даже снять тонкую кожаную куртку.

— Сатамашо.

— И чем это Сатамашо примечательно?

Вернер окинул меня внимательным взглядом, видимо желая убедиться, издеваюсь ли я над ним или мне, и правда интересна вся эта ерунда.

— Как и вся Диоскурия, ничем, кроме своего расположения. Эта территория уникальна по своей природе, связывая собой все части света, чем и живет. Новые идеи, любая информация, торговые отношения — такого разнообразия больше нет нигде, как здесь. История морских пиратов и смелых торговцев началась так же именно с ее портов.

— А аз-Зайтун? — спросила я о том, что интересовало меня больше всего.

— А в академии у тебя испытания начинаются уже через час, — излишне радостно отозвался провожатый.

— Как через час? Что же мы так поздно прибыли сюда! А деньги? Твой Магистр обещал снабдить меня всем необходимым!

Вернер остановился и резко развернулся ко мне, но он просчитался, если думал, что я дернусь в сторону или хотя бы моргну со страху. После того как я на спор на первом курсе осталась ночевать в морге, по доброте душевной дежуря вместо постоянного эксперта данного заведения, меня не пугали никакие резкие движения или звуки. Мои друзья тогда позаботились, чтобы мой первый опыт в морге не прошел скучно. Всего-то первый месяц спать не могла, зато сейчас невозмутимость, это мое второе имя.

— Ты сначала поступи туда.

— Что, такой большой конкурс?

— Больше двухсот персон на место, при общем потоке поступающих каждый год — около семисот человек. А на отбор обычно около десяти тысяч приходят.

— Не плохо, — присвистнула я, понимая, что мои шансы на поступление тают с каждой минутой. Каждый абитуриент наверняка с младых ногтей познает сложнейшие науки, чтобы удивить будущих преподавателей и обратить на себя внимание. А я даже представления не имею, сколько тут факультетов и чем они отличаются друг от друга!

Об этом явно подумал и Вернер, потому что нехотя проговорил:

— Каждый год испытания меняются и еще ни разу они не повторялись. Всего несколько этапов: на уровень интеллекта и смекалки. Если ты не умеешь читать, то лучше сразу идти домой, чтобы не позориться. Но я видел, как ты относишься к книгам, поэтому думаю, тебе не составит особо труда пройти этот этап.

Ну, вряд ли там попросят меня прочитать на скорость пару абзацев, но разочаровывать Вернера я не стала, а то вообще перестанет мне что-либо рассказывать.

Тем временем, миновав шумную площадь, устланную песочными кирпичами, мы свернули на тенистую аллею, по которой очень скоро попали в какой-то сказочный сад. Это было поистине фантастичное зрелище, и даже библиотека Великого Магистра меркла перед

открывшийся мне красотой. Впереди, по всему периметру шли сложные архитектурные сооружения, отделяемые друг от друга укрепленными дорожками для неторопливых пеших прогулок. На их крышах, странного вида опорах и сквозных галереях росли разнообразные диковинные растения. Я никогда до этого не видела, чтобы кустарники вращались прямо в стены! Тут и там стояли переносные емкости с разноцветными бутонами лилий и роз. Впереди раскинулся небольшой бассейн с водными растениями.

— Ну, просто Висячие сады Семирамиды... — благоговейно прошептала я, с наслаждением вдыхая пьянящий аромат ирисов с одной из аккуратно оформленной клумбы. Видя мой восторг, Вернер несколько смягчился и даже позволил себе проявить любопытство:

— Это сады царицы Аметис, жены нынешнего правителя Диоскурии. Она подарила их городу, когда блестяще закончила институт аз-Зайтун по факультету духовных практик.

— Ну и факультеты у вас... — только и смогла сказать я, не став спрашивать его, что значат эти самые духовные практики. И так было ясно, что не просто медитация и физкультура типа популярной сегодня йоги.

Дальше мы шли молча. Вернеру просто нечего было мне сказать, а я любовалась местными красотами, приходя от окружающего великолепия все в больший восторг. А потом вдруг сама себя остановила: не это ли имел в виду Магистр, говоря, что за год я поменяю свое мнение? Ну, уж нет, такими дешевыми фокусами меня не возьмешь. Внешнюю красоту, я, конечно же ценю, как и всякая любая женщина, но даже на это я бы даже к примеру любимый метрополитен не стала бы менять. Как говорится, где родился, там и пригодился.

— Вернер, а на что нацелены остальные два испытания?

— Я бы на твоём месте не стал бы заморачиваться над подобными вопросами, — не смотря в мою сторону, отрубил он, что меня задело. Как же много подобных советчиков ходит по земле.

— Почему?

Мужчина тяжело вздохнул. Не знаю почему, но даже узнав, что я не имею к некромантии никакого отношения, вежливее он со мной не стал. Не то, чтобы меня это напрягало, по сути мне вообще должно быть все равно, просто от природы я очень любознательна и мне до всего есть дело. Единственное «но»: я никогда не лезу в душу к человеку, если меня туда не зовут.

— Да потому что ты вылетишь на первом же испытании.

— Но ты же сказал, что из-за моего отношения к книгам, я легко пройду дальше.

Этот паскудник вдруг по-мальчишески задорно улыбнулся, чем поставил меня в тупик:

— Я пошутил.

Кто бы мне раньше сказал, что передо мной бог юмора!

Оставшиеся минут двадцать мы шли уже в полной тишине, а потом резко очутились у моста, соединяющего огромную крепость на горе и сам город. Между ними лежала непроглядная мгла на всем его протяжении.

— Дальше я не пойду.

— Да собственно, я и не рассчитывала на мужскую помощь, — понимающе проговорила я с легкой ехидцей.

— Ты не так поняла, — поморщился Вернер, — через мост могут проходить только те, кто идет на испытания, действующие курсанты и сами преподаватели.

Посмотрев на пропасть между горой и городом, я без слов поняла, что бывает с

нарушителями этого правила. Просто идеальная сигнализация, никакая охрана не нужна, как и напрягаться по поводу похорон. Раз — и все.

— До самого вечера ты будешь занята, на ночь здесь оставляют всех, даже кто не прошел испытания. Завтра выйдешь в город, я буду ждать тебя под городскими часами.

— Зачем?

— Чтобы полюбоваться на спелый плод ошибок Великого Магистра... Но если ты удивишь нас, у меня есть указания купить все, что будет необходимо на первое время.

— А если не поступлю, то лучше сразу осваивать профессию попрошайки? — с легким сарказмом проговорила я и не прощаясь, уверенно пошла вперед. Хотя конечно ни в чем я не была уверена, наоборот все внутри сжималось от страха, но показывать ему это у меня не было права. Он же потом не отстанет от меня со своими едкими комментариями.

Как я шла по этому чертовому мосту и проклинала на чем стоит свет свою удачливость, это надо было видеть. Сначала мне показалось, что мост был выкован из какого-то красного металла, потом мелькнула мысль, что он каменный, хотя это был обман зрения, причем настолько качественный, что я ощутила это на себе. Едва сделав пару шагов, я с ужасом увидела, что стою на обычных струганных дощечках, соединенных между собой обычной веревкой. И если раньше я схватилась за надежно расположенную широкую периллу, то сейчас вцепившись и поскуливая от страха, я держалась двумя руками за плохо натянутую веревку. Мне казалось, что один не верный шаг, и я полечу вниз, из-за черноты даже не видя, куда и как глубоко падать.

— Да что же это такое...

Кое-как выровняв дыхание, я чудовищным усилием воли заставила себя отлипнуть от каната и выглядеть со стороны более-менее достойно. А то спиной чувствую, каким недоумевающим взглядом сейчас смотрит на меня Вернер. Чтобы это знать, мне даже не надо было оборачиваться.

Как мог мост видоизмениться всего за секунду, и почему это произошло не сразу, когда я ступила на него, а только сделав пару шагов? Идти дальше по дощечкам для меня смерти было подобно. Больше всего на свете я боялась высоты, это была самая настоящая фобия. Я даже не поднималась выше пятого этажа, потому что мне постоянно казалось, что стоит подойти к окну, я либо сама упаду в него, либо дом рухнет. Мост как будто это почувствовал и сделал все, чтобы я теперь тряслась заячьим хвостом и даже смотреть боялась на ту сторону. Стоп...

Я резко обернулась и правда: Вернер с интересом смотрел на все мои кульбиты и явно не понимал, почему я дурачусь, видимо для него мост имел все такую же форму. Чтобы проверить свою неожиданную загадку, я крикнула:

— Вернер, какой мост ты видишь?

Вопрос видимо для него оказался неожиданным, но дисциплинированность в Ордене была на первом месте, поэтому он все же ответил:

— Железный мост на сваях и с деревянными подмостками. Тебе не кажется, что ты задаешь странные вопросы?

Кажется, не кажется... Кто-то со стороны университета сейчас стоял и наблюдал за мной, тихо умирая от смеха, пока я сходила с ума от страха. Понимание того, что все это иллюзия и я на самом деле никуда не упаду, мне не сильно помогла. В подобных случаях глаза — это наш самый верный враг.

Разозлившись, я трясущимися руками сняла сумку с плеч и поставила ее рядом с собой.

Порывшись, вытащила на свет шейный платок, молча похвалила себя за жизненную предусмотрительность с которой нигде не пропадешь, и вернув сумку на место, быстро завязала глаза этой тканью. Немного постояла, пытаюсь взять себя в руки и отключить мозг, который забился еще в большей панике, когда перестал получать информацию от зрения. Нет уж милый, сейчас ты мне совершенно не нужен, даже больше, ты сейчас как вредитель, которого надо устранить.

Сколько я так стояла и пыталась урезонить собственные мысли, сказать сложно, одно ясно точно — долго. А потом неожиданно пришло спокойствие и четкое понимание, что ничего плохого не случится. По крайней мере, со мной, чего не скажешь совсем о другом. Потому что душевно поговорить с шутником, который решил поиздеваться над бедными абитуриентами, я собиралась сразу, как окажусь по ту сторону пропасти.

Мозг понял, что от меня ничего не добиться, я буду упрямо следовать за своим душевным порывом, и перестал генерировать чувство страха. Поэтому твердую почву под ногами я ощутила достаточно быстро и когда развязывала повязку на затылке, услышала чьи-то жиденские аплодисменты. Жиденские потому что в этой тишине и данных обстоятельствах они звучали, как издевательство.

Сняв мешающую ткань, я огляделась и сразу увидела того, кто нарушал тишину. Это был длинный и худой как жердина парень неопределенного возраста, в диапазоне от двадцати до тридцати лет. Вроде и лицо еще какое-то детское, но у глаз уже видны первые морщинки. Роскошные, густые волосы теплого каштанового оттенка, к которым я тут же испытала дикую зависть, что подобная красота растет не у меня, были аккуратно собраны в небольшой хвостик на макушке. Длинный плащ без капюшона, застегнутый только на одну фибулу в виде какого-то рунического символа, полностью скрывал фигуру человека.

Закончив аплодировать, он молча смерил меня взглядом и явно ожидал, что я расчувствуюсь от подобной встречи и либо упаду ему в ноги, либо брошусь целовать руки. Хотя с чего бы? Странный какой-то...

Поняв, что продолжения не будет, и вообще я не собираюсь идти на контакт, он прокашлялся и заговорил:

— Я Семнадцатый Хранитель аз-Зайтуна Леонард Иохай, сын того самого Рабби Шимона Бар Иохайа.

Он сделал красочную паузу, ожидая реакцию на свое имя, но не дождавшись, продолжил уже менее довольным тоном:

— Рад видеть еще одного абитуриента, который, так успешно прошла свое первое испытание. Давно никто не справлялся со своим страхом, с таким, я бы даже сказал, ожесточением... Мне вообще показалось, что вам неприятно само это чувство?

Мне очень не хотелось ему не только отвечать, но и как-то вести разговор, хотя понимала, что этого не избежать. Вроде у него и речь правильная, и голос специально где-то ставил, это видно, но что-то меня отталкивало от него и это сильно отвлекало.

— Ну, если вы испытываете от этого удовольствие, то в свою очередь могу вам сказать, что и я впервые вижу подобного человека, — проговорила я, тщательно скрывая неприязнь и рассеянно добавила, — Ярослава.

Мои слова ему явно не понравилось, но это не пошло ни в какое сравнение с тем, что с ним стало, когда я пропустила мимо ушей имя его родителя. Хотя может быть, если бы я знала кто это, то может и прониклась бы торжественностью момента, что его сын вышел встречать такую непутевую меня.

Он покрылся мелкими багровыми пятнами, что говорило о его нестабильном давлении, и прошипел, как самый настоящий змей:

— Вы видимо издалека?

Я с интересом оглядывала окрестности, заключавшиеся в огромном поле, за которым шел какой-то темный лес и только за ним уже виднелись длинные шпили какого-то огромного замка. Или это была крепость, точнее сказать не могу, поскольку совершенно не разбиралась в этом. Слава богу, но в России замков, кроме одно-единственного, расположенного под Санкт-Петербургом, не было. Но и тот, был построен еще шведами при Третьем крестовом походе и уже впоследствии отбит нашими войсками при Петре Первом. Сами бы мы такое строить не стали, поэтому сравнивать особо было не с чем. Одно я видела точно — он действительно поражал своей мощью и великанскими габаритами, это было видно даже из далека.

— Ярослав, у вас проблем со слухом нет?

— А, простите Хранитель, засмотрелась... У вас здесь очень красиво.

— Я рад, что вам нравится готическая архитектура, — сдержанно ответил Иохай и повторил, — так откуда вы и с какой целью прибыли к нам?

— Ну, здесь вы о моей родине пока не слышали, поэтому не буду ее упоминать. А цель простая и ясная, такая же как этот замечательный день, учиться, учиться и еще раз, учиться.

— Похвальное стремление, — мужчина поморщился, — но я не помню вашего имени в списках абитуриентов.

Великий Магистр видимо решил меня или разыграть или просто поиздеваться. Сначала ставит невыполнимую задачу, а потом лишает возможности хотя бы попытаться ее решить? Ну, уж нет, возвращаться к нему не солоно не хлебавши, было нельзя, меня Вернер просто заклюет, уж лучше действительно осваивать навыки попрошайки.

— А что, вы помните каждого, кто хочет к вам поступить? — удивленно проговорила я и при этом лихорадочно думая, что же делать. А вдруг и правда, Великий Магистр просто забыл обо мне сообщить? Тогда надо, чтобы с ним просто связались, и он все подтвердит!

— В этом году поступают пять тысяч двести три персоны, — согласно кивнул он и что-то прикинул в уме, — и в этом списке имени Ярослава нет.

Просто феноменальная память, мне бы такую, а заодно еще и такие роскошные волосы в придачу.

Не желая отступать, я предложила обратиться к ректору, чтобы тот связался с Великим Магистром Ордена, тот обязательно пояснит ситуацию.

— Так вы его дочь? — вдруг обрадовался Леонард Иохай.

— Кто?!!

От моего возгласа мужчина немного смутился и тут же поправился:

— Простите, конечно же, приемная дочь. Он утром связывался с ректором и рассказал, в какую неприятную ситуацию вы попали. Списки на поступление утверждаются за два года до даты учебного процесса и обычно мы не делаем исключений, вписывая кого-то. Но ваша печальная судьба нас впечатлила, да и отказать самому Великому Магистру Ордена, который нас защищает, мы не могли... Пойдемте за мной, скоро начнется второе испытание, вам надо подготовиться.

Решив поинтересоваться у него, о какой такой судьбе им сообщил Великий Магистр, я молча поспешила за удаляющимся в лес мужчиной. Пока что радовало только одно, первое испытание я прошла и судя по всему весьма успешно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Аз-Зайтун вблизи правда был больше, чем я могла себе представить. Загадочный и несколько мрачный фасад зданий академии скорее можно было отнести к средневековым соборам Западной Европы, чем просто к замкам. Множество высоких шпилей гордо устремлялись в небо, словно им не хотелось просто стоять на земле как груда бесполезных камней, пусть и в таком фантастичном оформлении. А эти огромные окна с многоцветными витражами, каждое из которых представляло собой искусно выложенную картину? Вообще, в своем неповторимом величии аз-Зайтун напомнил мне нетленный Миланский кафедральный собор. Там тоже возникает давящее чувство своей никчемности перед подобным совершенством.

— Ну как, впечатляет? — произнес Леонард таким тоном, будто это он построил эту древнюю академию, причем действовал исключительно в одиночку.

Ценить красоту, я безусловно умела, но от обилия усвоенной информации уже не удивлялась прекрасному с большим энтузиазмом.

— Неплохо, — кивнула я, — по крайней мере, не хуже, чем у нас. О, только сейчас заметила, у вас фасады идут без орнаментов, да скульптур в нишах под арками нет. Смотрите, сколько пустого пространства пропадает.

— Не помню, чтобы Орден вашего приемного отца располагал хоть чем-то подобным, — уязвленно сообщили мне, хотя я не собиралась его обижать.

— Да, Великий Магистр вообще мало чем располагает, — туманно ответила я, не заикливаясь на этом вопросе.

Мы не пошли через центральный вход, а выдвинулись вдоль стены прямо по тщательно скошенному газону. Видимо здесь за местной фауной ухаживают с особой любовью и вниманием.

— В что будет во втором испытании? — вспомнив о насущном, спросила я. Леонард хищно осклабился, но хранил гордое молчание. В каких-то неравных условиях я нахожусь по сравнению с другими абитуриентами. Они же готовились сюда поступать с самого рождения и наверняка муштровали каждый год все прошедшие испытания, делали выводы на ошибках других, проводили аналогии. А я что? Мне даже в любознательности отказывают, иду как бычок на заклятие!

— Куда мы идем? Почти час ходим возле вашего института и никак не дойдем.

Мы и правда очень долго шли из-за обширных габаритов здания, но конца и края этому не было видно.

— Разве испытания буду не в самом университете?

— Что ты такое говоришь? — очень натурально удивился Семнадцатый Хранитель. Надо будет его как-нибудь расспросить, что же он хранит и где остальных шестнадцать.

— Представь себе, что было бы с аз-Зайтуном, если огромное количество необученных магов и еще не прошедших инициацию ведьм, начнут что-то творить на испытаниях? Вы же ничего не умеете и сильно не стабильны в своих способностях. А вдруг от вашей атаки здание просто не выдержит? У него есть своя защита, но на массовость она не рассчитана. Поэтому мы идем в Виллу Мистерий, там у нас расположен специальный для подобных

занятий полигон с особым куполом, благодаря которому никто не пострадает. Он просто гасит чрезмерно высокие выбросы энергии.

Я хотела было поинтересоваться, что из себя представляет эта самая Вилла, но тут мы, наконец, вышли на открытое пространство. Впереди, в небольшой низине расположилось нечто, сильное напомнившее мне наши футбольные стадионы. За исключением, пожалуй, одного, здесь не было травы и разметки на ней, а какой-то специальный прорезиненный пол. На трибунах и шедших друг за другом скамейках так же сидели люди, присутствовавшие здесь в огромном количестве.

— Если собираетесь устроить спортивные состязания, то я сильна только в беге, — мрачно глядя на все это, заявила я.

Леонард на это лишь многозначительно ухмыльнулся, и мы потихоньку начали спускаться по склону, прямиком к входу в Виллу. Еще раз глянув на это сооружение, я вдруг заметила, что его всего окутывает слабо-светящийся голубоватый купол. Видимо это и была та самая защита, о которой некогда говорил Хранитель. Я открыла было рот, чтобы спросить, почему он именно голубой, может любая высвобожденная энергия имеет такой оттенок, но не успела, Леонард шикнул на меня, чтобы я не привлекала к себе внимание разговорами и тем самым никому не мешала.

На входе нас встретила хмурая охрана и взглянув на них, я вдруг подумала, что именно до этого момента относилась ко всему происходящему, к какой-то несерьезной игре. А сейчас, с трепетом рассматривая четверых солдат, перегородивших нам путь на Виллу Мистерий, вдруг осознала, что я не дома. Они не были людьми и выглядели настолько жутко, что не будь я медиком до мозга костей, в омерзении забилась куда-нибудь в угол, как любая впечатлительная барышня.

Я не дома. Как странно об этом думать именно сейчас и понимать, что пусть там я и так не особо кому-то была нужна, разве что кроме парочки друзей, но здесь у меня вообще никого нет. Даже меня самой.

Солдаты или как их здесь называют, были очень внушительны. Видимо местная администрация университета подбирает персонал под размеры самого аз-Зайтуна. Что ж, рост в два метра это хорошая заявка на победу, с такой охраной не забалуешь.

Развитую мускулатуру свободная солдатская серо-зеленая форма не скрывала, а наоборот подчеркивала. Все это я рассматривала с удовольствием, так как считала, что мужчина на то и мужчина, чтобы его не сносило ветром. А вот когда я добралась на их лиц, то мне потребовалось все мое хваленое самообладание. Сначала мне показалось, что у них напрочь отсутствует орган обоняния. Мысленно похвалив себя за выдержку, благодаря которой я даже ни разу не моргнула, я разобралась, что носы все-таки есть, просто мощные ноздри скрывали маленькую перегородку. Была даже слышно, как они дышат, попеременно втягивая в себя воздух, словно пробуя на вкус, как собаки. Или скорее волки... Потому что кроме этого я завороченно смотрела на мощные челюсти этих четверых охранников и внутренне содрогалась, видя как у некоторых из-под губы мелькают мощные клыки. У других я, подозреваю тоже были впечатляющие зубы, просто строение челюсти им досталось более удачное и это не так бросалось в глаза. Смотреть выше я уже не решилась, впечатлений на сегодня точно хватит.

— Приветствую, Шармад, — благосклонно кивнул Леонард, одному из четырех солдат, видимо он был у них страшим.

— Встретил абитуриентку, видел бы ты, как она прошла испытание! Надо будет сказать

Джаффу, что его идея с мостом, на то, как наши претенденты могут справиться с собственным страхом, превзошла все ожидания!

— И сколько осталось? — мягко поинтересовался наиболее коренастый из всех, хотя куда уж больше. Изначально они все показались мне одинаковыми, но сейчас, присмотревшись, я начала их различать. И кстати голос был не обыкновенным. Удивительно, но большое сильное тело прекрасно сочеталось с довольно мелодичным баритоном. Таким голосом надо петь душевные романсы, а не стадионы охранять.

— Всего процентов тридцать, — довольно ухмыльнулся мой провожатый и тут я, что называет, очнулась.

— Кто такой Джаффар?

— А тебе зачем? — тут же напрягся какой-то там по счету Хранитель, кажется Семнадцатый.

— Вопрос у меня к нему есть. Очень интересно, как в его светлую голову, пришла идея с мостом. Прямо покоя не дает, так интересно.

— Похоже, девушка под большим впечатлением, чем ты и Джаффу придется не сладко, — коротко хохотнул тот, кого назвали Шармадом. Он с интересом окинул меня взглядом, задержавшись на ногах в обтягивающих черных джинсах и полупрозрачной блузе кремового оттенка. Я уже готовила замечание, ожидая типичный похотливый взгляд, но ничего подобного не случилось. В его взгляде совсем не было и намека на пошлость, просто небольшое удивление и тут я поняла, в чем дело. Я не встретила еще ни одну женщину или девушку, что была бы одета в брюки. Всегда только платья и юбки.

— Женщины вообще не должны покидать пределы дома, — вдруг зло выдал свое откровение Леонард, — не понимаю, зачем уважаемый ректор носиться с ними и дает право обучаться здесь.

Кто-то из нелюдей горячо поддержал его, а потом повисло тягостное молчание. Все почему-то уставились на меня, а я с интересом думала, как у этих представителей незнакомой мне расы могут расти такие шикарные волосы, блестящие и гладкие, заплетенные в небольшие косы с применением нескольких толстых ниток разных цветов. И это при том, что на открытых взгляду руках, ни одной волосинки.

— А что вы все на меня так смотрите? — наконец почувствовав себя не комфортно, не выдержала я. Кто-то засмеялся:

— Просто ни одна женщина еще не промолчала. Мы сегодня многим говорили подобные истины, и все как одна впадала в какую-то истерику. В этом году аз-Зайтуну придется особенно тяжело.

Я хмыкнула: вот оно в чем дело, опять меня проверяют.

— Не вижу смысла спорить, была бы возможность, я тоже бы не выходила.

Под возможностью я имею в виду не столько финансовую состоятельность, когда не надо работать и чего-то добиваться, а неугомонный характер, из-за которого я физически долго не могу сидеть на одном месте. Но им этого знать не обязательно, раз один плюсик в мою пользу они уже поставили.

— Идите, — вдруг проговорил Шармад, — испытания начинаются. Слышите, уже объявляют?

Спохватившись, Леонард схватил меня за руку и потащил за собой прочь из предбанника в коридор. Когда мы почти скрылись, в спину мне неожиданно полетело:

— Удачи тебе, девушка.

Мы быстро оказались на поле, змейкой юркнули на трибуну в каком-то из первых рядом и почти сразу нашли пару свободных мест, как будто они только нас и ждали. Едва отдышавшись, Хранитель несколько иронично заметил:

— Поздравляю

— С чем?

— Даже если ты сейчас вылетишь с испытания, то будешь знать, что хотя бы оркам ты понравилась.

Так эти гиганты были орками? Странно, в книгах фантастов-классиков они описывались как уродливые создания, от которых нестерпимо несло гнилью и которые не могли даже двух слов связать. А здесь вполне дружелюбные создания, со своим своеобразным обаянием и интересным, бронзовым оттенком кожи, от которых ничем посторонним не припахивало.

— Это радует, судя по всему, они неплохие ребята. А вы зачем, кстати, за мной пошли? — шепнула я, оглядываясь по сторонам. Вилла Мистерий была забита под завязку разношерстным народом, у меня даже глаза немного заболели от обилия красок.

— Я не за тобой шел, просто так получилось что ты последняя абитуриентка, так что не думай о себе слишком многого. Смотри, начинается!

На поле, через один из проходов на нижнем этаже, уверенно вышел подтянутый мужчина средних лет. Но я не смотрела на него, меня сильно привлекло то, во что он был одет: черный спортивный костюм-тройка. Это был точно Адидас, эти белые полосы я никогда и ни с чем не спутаю! Значит, он когда-то бывал в моем родном мире и мне определенно нужно с ним поговорить!

Он поднял ладони в приветственном жесте и повинуюсь негласному приказу, стадион постепенно стих, будто оператор выключил звук. Когда установилась идеальная тишина, мужчина заговорил громким голосом, видимо это тоже была какая-то магия, поскольку каждое его слово было хорошо слышно.

— Я рад приветствовать вас в гостеприимно запахнутых объятиях одной из лучших академий тайных искусств во многих мирах аз-Зайтуне. Более миллиона лет эти стены воспитывают талантливых ведьм, искусных воинов и неутомимых исследователей, могущественных магов и самоотверженных врачей, ученых... Вы уже сумели преодолеть одну ступень, чтобы стать ближе к истинным знаниям и ограничить себя, придать форму, как это происходит с алмазами, чтобы они стали еще прекраснее и бесценнее.

Мужчина ненадолго замолчал, видимо подобная магия требовала немало усилий. Присмотревшись, я заметила, как пульсирует какая-то красная точка прямо у него на горле. Почему-то мне показалось, что именно она мешает ему нормально говорить.

Не особо зацкливаясь на том, что делаю: я мысленно представила, как эта краснота, подобная гадкой болезни, уходит из его тела. Просто беру и стираю ненужную информацию. И неожиданно у меня это получилось! Точка перестала пульсировать, резко став бледно-розовой и не опасной.

Мужчина резко схватился за горло, ощутив чужое вмешательство, но понять, что именно произошло, при таком скоплении народа было просто нереально. И, слава богу, потому что я совершенно не собиралась лезть к нему, это был какой-то необъяснимый порыв.

Откашлявшись, мужчина продолжил, как ни в чем не бывало:

— На ближайшие пять лет, те, кто сумеет пройти еще два испытания, которые вам подготовили преподаватели и лучшие выпускники этого года, это место станет вашим

вторым домом. А мы, создав с вами новые традиции, станем одной большой семьей. С каждым, кто сегодня примкнет к нам, я сегодня же встречу лично, чтобы лучше понять вас и распределить именно на тот факультет, который вам подойдет лучше всего. А пока просто запомните мое имя. Я двенадцатый ректор аз-Зайтуна, Артур Эдварт Уэйт, первый из Семнадцати Хранителей нашего дома. А сейчас, пожалуй, начнем...

Он с улыбкой обвел весь стадион взглядом:

— Это испытание самое простое за всю историю института, но при этом настолько же и сложнее.

Порывшись в карманах, он достал на свет какую-то колоду карт и помахал ею перед нашими носами. Прямо из воздуха в центре Виллы материализовался небольшой круглый столик, на котором была растянута черная ткань. Подойдя к этому столу, Артур положил свою колоду на нее и заговорил снова:

— Каждый из вас сейчас подойдет к столу и попытается вытащить одну карту. Кому-то это удастся легко, но большинству она не поддастся. Кто не смог — считайте, вам сказочно повезло и испытание вы не прошли. А вот те, кому все-таки не повезло, и карта оказалась у них в руке, должны рассказать о том, что видят в ней. Предупреждаю сразу — я легко определяю вранье от реальных видений. Если ничего не смогли почувствовать, то не тратьте наше общее время и уходите. У этой колоды Таро есть душ, я сам ее создавал. Поэтому карта, выпавшая вам и которую вы смогли почувствовать, многое может рассказать мне о вас самих. Колода не станет выбирать того, кто не подходит университету, ошибка исключена.

Если сначала я обрадовалась тому, что ректор обещал личную встречу с каждым, кто пройдет испытания. То сейчас я была близка к панике — как можно доверять такой важный выбор какому-то предмету? И как вообще будет происходить отбор, по цвету глаз или длине волосы, по магическим параметрам, о которых я вообще ничего не знаю? Как-то все это не справедливо!

Но то, что стало происходить на поле дальше, не иначе как мистикой не назовешь. Вызвать абитуриентов начали слева направо, по нумерации сидений. С таким успехом я успею известись, потому что сидела в одной из последних секций. Леонард знал, где надо садиться.

Брали сразу по пять претендентов. На поле радостно выбежало две девчушки, судя по похожести по внешности, они были сестрами. С ними, вальяжно покачиваясь, вышли трое парней лет двадцати.

Поочередно каждый из них дотрагивался до колоды, но ожила она только тогда, когда за нее схватился светловолосый паренек с конопатым носом.

Колода засветилась и через некоторое время в руки ошалевшему от всего происходящего парню, сама по себе прыгнула какая-то из карт. Ректор, демонстрируя хорошее воспитание, не стал заглядывать ему через плечо и терпеливо дожидался в стороне. Но когда молчание уже совсем затянулось до неприличия, он мягко поторопил его:

— Что ты видишь?

— Здесь написано Пятерка Чаш, но я не знаю, что это значит, — расстроено отозвался абитуриент, — я никогда не изучал Таро.

— Не беспокойся, у тебя будет такая возможность, это очень интересная система об устройстве мира и человека в нем, — улыбнулся ректор, — не торопись, закрой глаза и слушай, что скажет тебе твоя карта. Помни, она живая и с ней надо договориться.

Парнишка послушался, и закрыв глаза, простоял в таком положении минут пять, не

меньше. А потом, наконец, заговорил:

— Я чувствую отчаяние и голод... У меня было все, но из-за своих действий я это потерял, не знаю как устоять дальше... Ветер сносит... Очень тяжело идти, что-о вцепилось в ноги не отпускает, но я иду...

Артур кивал каждому слову абитуриента и наконец, проговорил:

— Этот аркан называют Плохим Вестником. Ты молодец, хорошо концентрируешься. Как твое имя, откуда ты?

Все еще не веря, что он прошел испытание, юноша едва заплакал от облегчения.

— Донас Аразас, господин. Я сын обычного рыбака из Дальней Гавани, местный. У нас в семье никогда не было магов, а месяц назад пришло приглашение поступить в аз-Зайтун. Я даже мечтать о таком не мог.

— Иди, Донас, приказ о зачислении подпишем вечером в моем кабинете. Я уже знаю, на какой факультет тебя отправить.

Один за одним к колоде подходили трясущиеся абитуриенты. Часто арканы повторялись, но описание, которые им давали, всегда было разным. Вот к колоде уверенной походной подошел юноша лет семнадцати на вид, не больше. Мое угасающее внимание от долго сидения тут же привлекло его широкий белый плащ с золотым крестом, которым он небрежно накинул на одно плечо. Не поверив собственным глазам, я даже подалась вперед, пытаюсь рассмотреть его получше, но, к сожалению, он стоял ко мне спиной.

Колода в этот раз среагировала сразу. Глянув на выскочившую карту, я услышала довольную речь парня:

— Старший Аркан. Император.

— Замечательно. И что же ты в нем видишь?

Юноша ответил практически сразу, но выглядел при этом немного озадаченно:

— Я очень стар, тело потеряло былую силу и от этого очень горько... При этом я силен как никогда в молодости. Не могу объяснить свои ощущения... Каждый шаг рассчитан, эмоции ни в счет, мне не интересен мир как отдельное место, мне нужно все. Четыре... Четыре... Я не понимаю.

— Пока достаточно, очень хорошо владеешь своим сознанием, видно, что с медитацией ты ладишь, — остановил его ректор. — Потом все поймешь, что сейчас сам сказал. Как тебя зовут, откуда ты?

— Ральф Орзельн, прибыл из города Таготе, одного из замков Ордена Храма.

Артур Уэйт удивленным не выглядел, но все же поинтересовался:

— У храмовников есть своя собственная академия, очень толковая, почему же ты решил не идти туда?

Ральф смотря ректору прямо в глаза, спокойно, как на лекциях отвечают заранее выученную тему, ответил:

— Я убежден, что защита заключается не только в том, чтобы окапываться и сдерживать врага, но и нападать. У нас в Ордене это называют спесью.

Артур молча кивнул и пригласил следующую пятерку абитуриентов. Я проводила странного юношу пристальным взглядом. Это брат Вернера или его сын? Я понимаю, что здесь все стареют гораздо медленнее, но все равно было дико видеть, что отец может быть внешне не намного старше собственного сына. Хотя я уже и не сомневалась, что этот Ральф и есть сын Комтура, по крайней мере, он говорил, что у него есть отпрыск, которому уже пора учиться. Но если это он, то мальчик наверняка станет докладывать папочке о каждом

моем шаге. С них обоих еще станет мешать мне в изучении вопроса и Переходе, чтобы я не смогла уйти домой, когда придет время. Я не идиотка, прекрасно понимаю, что им что-то нужно от меня помимо простой заботы, что все делается ради меня. И если мои корни идут именно из этого мира, то и жить мне лучше здесь. Не верю я в простые отношения, основанные без взаимной выгоды.

— Ну и что ты сидишь? — вдруг шикнул Леонард и легонько пихнул меня в бок, — твоя очередь.

За три часа сидения я уже просто ничего не видела и не понимала, что происходит. Встав, я пошла на поле на негнущихся затекших ногах к вожденной колоде. Если это Таро господи Уэйта сейчас сделает вид, что меня нет, то я просто не знаю, что с ней сделаю. Я совсем не хочу показаться скандальной особой, особенно при такой публике, но иногда по-другому просто нельзя. Мне эта академия сейчас была необходима даже больше, чем воздух.

Вперед меня вышел красивый статный парень, ему достался Туз Жезлов. Идущие следом две девушки тоже не остались без подарков в виде карт, им выпала Верховная Жрица и Двойка Кубков. Идущего за ними черноволосого паренька начало потряхивать, и я его прекрасно понимала: еще ни в одной испытуемой пятерки не было больше трех избранных.

С диким ужасом на лице, он застыл от стола всего в трех шагах, и не решаясь подойти ближе и коснуться артефакта. Он был настолько печален, а в карих глазах застыла просто вселенская тоска, что я не выдержала. Пусть меня саму потряхивает, но смотреть, как мучаются другие, всегда было выше моих сил.

Подойдя ближе, я положила ему руку на плечо и ободряюще шепнула:

— Волков бояться, в лес не ходить. Давай смелее, вытащи Императора, покажи им всем!

Парень дернулся, словно получил долгожданный толчок и не глядя на меня, схватился за колоду. Ему действительно выпал аркан, но не Император, а какой-то Иерофант. Чувствую уже пора записывать все темы, о которых я хочу узнать побольше.

Настал мой черед надеяться на чудо и выдохнув, я быстро выбросила ладонь вперед и едва коснувшись колоды указательным пальцем. Ничего не произошло. Я в отчаянии тихонько взвыла:

— Ах ты, зараза, жизнь мне испортить решила?

Колода замерцала, но не как раньше мягким едва уловимым светом, а каким-то пурпурным оттенком. Тут у меня возникло подозрение, что ректор не шутил и она действительно живая, а я судя по всему ее только что незаслуженно обидела. Стало очень неуютно.

— Прости, я не со зла, это все нервы.

Я уже думала, что это конец и меня с позором будет завтра ждать Вернер и сорить язвительными комментариями о том, какая я никчёмная, но тут от колоды отделилась одна карта. Но она не прыгнула мне в руку, как другим, а зависла у меня на уровне глаз. Не веря собственному счастью, я с любопытством заглянула в нее.

— Колесница, Старший Седьмой Аркан.

На карте был изображен суровый воин в золотом панцире, который несся по дороге, управляя тяжелой колесницей. Мое внимание привлекло, что в повозку были запряжено два сфинкса, только один белый, а другой черного цвета. Сами собой в голове родились слова, которые я тут же озвучила:

— Победа, рывок вперед через нечеловеческие усилия... Не знавшая равных доблесть... Воля... Гордость... Я хозяин своей души, я сам строю свою жизнь, у судьбы нет власти...

Что это такое?

В голове звучали еще слова, но мне совсем не хотелось слышать все это, и я зажмурила глаза. Воздействие тут же прекратилось, но виски заломило. Чертовщина какая-то!

— Занятно. Сегодня еще никому не выпадала Семерка, да и вообще это довольно избирательный Аркан... — задумчиво проговорил ректор, выводя меня из состояния анабиоза.

— Есть повод бояться? — спросила я то, что больше всего меня сейчас волновало. Колода, созданная им оставила в душе не приятный осадок, который я пока не могла объяснить.

— Вам не знаю, а нам есть о чем задуматься, — туманно проговорил Артур Уэйт и рассмотрев, что за абитуриентка с ним стоит рядом, поинтересовался, — вы издалека?

— К сожалению, очень, — хмуро проговорила я, не думая, что сейчас нужно что-то скрывать, раз Великий Магистр обо всем ему уже сообщил, — меня Ярослава Краснословская.

— А, это вы из... Не помню названия, но Отто, ваш Магистр мне говорил его, точно-точно. Много храмовников в этом году у нас поступают в академию, такого еще не было, — обрадовался Артур, поглядывая на меня уже более благожелательно и с большим любопытством

— Именно оттуда.

— Тогда добро пожаловать. Проходите, в третью дверь, скоро начнется последнее испытание. Но что-то мне подсказывает, что мы встретимся с вами вечером.

Мне очень хотелось в этом верить, но после вытасченного Аркана меня не покидало странное чувство тревоги. Так, вместе с ним, мысленно поблагодарив колоду за благоразумный выбор, я пошла в указанном направлении.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я подошла к тому самому помещению, на которое мне указал ректор. И за-за стеклянных матовых дверей послышался залиvistый женский смех и чьи-то быстрые реплики, разобрать которые, увы, не смогла. Ну, хоть кому-то весело в этом сумасшедшем доме! А пока у меня из головы не выходила картинка того самого Старшего Седьмого Аркана, почему выпал именно он?

Решив, что разберусь со всеми вопросами позже, а сейчас лучше заняться делом, я решительно толкнула двери и вошла. В большой изолированной комнате без окон, стояли только стулья и несколько кресел, на которых вольготно расположилось всего человек десять. Как-то я думала, что меня пошлют в общее скопление прошедших в третий тур абитуриентов, а оказывается, нас поделили.

Здесь же я увидела своего «протезе», которого не так давно поддержала при отборе колодой Таро Уэйта. Он, прикрывая лицо темными волосами, забился куда-то в самый угол и старался не отвечивать. Подходить к нему с поздравлениями, пока он находился в таком состоянии, я просто не решилась и принялась осматриваться дальше.

Внимание привлек сидящий к входу спиной Ральф. Он что-то оживленно доказывал единственной здесь, кроме меня, девушке. Незнакомка была одета в синее платье свободного кроя в пол, с тоненьким золоченым металлическим пояском на узкой талии. Она широко улыбалась маленькими аккуратными зубами, то и дело, поправляя белокурые волосы, убранные в высокую прическу.

Пытаясь всем своим видом показать, как ей интересен собеседник, она совсем забыла, как смешно все это выглядит со стороны. Не удержавшись, я чуть улыбку, совсем не желая при этом их обидеть, но она это заметила. Девушка окинула меня презрительным взглядом, и очаровательно вздернув слегка курносый носик, фыркнула:

— Ну и что за чучело к нам занесло?

Я вспыхнула от возмущения, но решила сейчас не лезть в бутылку, чтобы не провоцировать скандал. Кто же знает местные правила, может она какая-то местная шишка или просто для тех, у кого склочный характер, в академию закрыта дорога. Хотя и промолчать было бы глупо с моей стороны: потом же не отстанет.

Вернув ей изучающий взгляд, я пожала плечами:

— Не поверишь, но глядя на тебя, задалась тем же вопросом.

Кто-то из присутствующих в комнате то ли закашлялся, то ли попытался скрыть смех, но большинство все же просто отвернулось от меня. Только Ральф наоборот развернулся, кого там занесло к ним на огонек.

Пока девушка хватала ртом воздух, видимо впервые услышав в свой адрес что-то подобное, я прошлась по комнате и к сожалению не нашла свободных стульев и кресел. Стоять, как неприкаянный дальний родственник посреди комнаты не хотелось, поэтому, я поприветствовав всех присутствующих, прошла к стоящему в углу небольшому столику. Он был завален всякой ерундой и никому не нужным хламом, по крайней мере, я так подумала, и одним движением смахнула все на пол, а потом и сама села.

Присутствующие абитуриенты искоса посматривали, как я медленно болтая ногами, даю им оценить длину и стройность ног, подчеркнутую узкими джинсами старой доброй фирмы Левис. Но внимание многих привлекло не это, а мои черные туфли-лодочки на высокой тонкой шпильке. Готова поспорить, что в этом мире подобной обуви нет.

Девушке мое спокойное равнодушие и полное игнорирование ее, как соперницы в этой компании, привело в самое настоящее бешенство. Красотка в платье-саване, вскочила с насиженного места возле симпатичного рыцаря, насмешливо поглядывающего то на меня, то на нее, и по-змеиному зашипела в мою сторону:

— Меня зовут Матильда фон Клаунсберг, я дочь барона Джона фон Клаунсберга, второго советника Его Величества Антуана Третьего!

От подобной заявки я даже немного растерялась и не знала, как правильно себя повести. Как-то Великий Магистр не рассказывал мне, как здесь обращаются с благородными отпрысками. Если даже брать благородные фамилии прошлых веков у меня дома, то они были как-то отделены от всех остальных. А тут все вперемешку, значит и особых привилегий у баронов и иже с ними не так много, иначе бы учились где-нибудь в более элитном заведении.

А Единственным лордом, с которым я здесь встретила — это был Великий Комтур, но он как-то так не дергался от малейшего шороха и не кричал на каждом углу о своих мамах-папах. В любом случае, мне абсолютно все равно кто или что передо мной, поскольку кроме самой академии аз-Зайтун меня сейчас ничего не интересовало.

— Не хочу показаться невежеством, — тщательно подбирая слова, осторожно пробормотала я, — но дальше что?

Матильда всхрипнула, как боевой конь готовящийся идти в атаку и изумленно вытаращила на меня большими, чуть покатыми синими глазами:

— Девка, ты из какой деревни то выползла, если не слышала про моего отца? Он

начальник Службы Магической Безопасности короля!

Наверно это здорово, иметь такого властного отца, но зачем это знать мне? Я вообще не собиралась ни с кем контактировать здесь. Общение будет только отвлекать от занятий, а отведенный мне год для подготовки, это не так уж и много, чтобы понять, что я из себя представляю. Придется каждую свободную минуту тратить на занятия, забыв про все развлечения.

— В моей деревне живет больше десяти миллионов человек, — сдержанно проговорила я, не пускаясь в подробности, — а в твоих владениях?

Если предположить, что это параллельный мир и многое, что я уже увидела, перекликается с моим домом, эдак лет шестьсот назад, то вряд ли население самых крупных городов здесь превышает несколько тысяч. По крайней мере, в средние века у нас было так.

Видно, что девушку мои слова, про количество населения моей «деревни» впечатлило, и она с трудом могла представить, как такое возможно.

— Ты еще смеешь смотреть мне в глаза и врать? — только и смогла, наконец, выдавить она, но тут из присутствующих раздался скучающий голос:

— Вообще-то она не врет. В том месте, где она живет, очень много людей и все они разные, не такие, как мы.

Я с любопытством повернула голову на звук: через пару стульев от меня сидел парень с серебряными, почти белыми волосами, собранными на затылке в небольшой хвост. Этот самый хвост торчал словно кисточка, делая своего владельца не серьезным на вид. Он был одет в черный костюм странного кроя: без украшений, пуговиц и молний. С наглухо закрытым горлом и широкими рукавами-клеш. Но больше всего меня привлекло, что он не носил обуви и чувствовал себя при этом вполне комфортно.

Матильда от звука его голоса дернулась и уже не глядя на меня, вернулась на свое место. Повисла тягостная тишина, и было не понятно, почему все избегают смотреть на него, словно он был не то избранным, не то прокаженным.

Видимо сидеть в такой тишине ему надоело, потому что он встал и не торопясь направился ко мне. Как он мог так быстро сократить расстояние, было не понятно: я только раз моргнула — а он уже стоит напротив и улыбается мне, протягивая руку для знакомства. Никогда раньше я не видела таких совершенных лиц, но глаза... Завороженно уставившись в абсолютно черные зеркальные глаза, без привычных белков, я протянула ему ладонь для рукопожатия и охнула от новых ощущений. Руки у него в прямом смысле обжигали холодом.

— Я Самаэль с Ледяного Острова, из рода синигами.

То, что он именно с Ледяного Острова, можно было и так догадаться, по белой коже и ощущением, что окунулась в купель с Крещенские морозы. Правда, где находится этот самый остров, я понятия не имела, но название говорит само за себя.

— Можешь называть меня Ярославой. Ты прав, я издалека... — дую на обожженные пальцы, проговорила я, а потом показала ему на больные места, — что все это значит?

— Интересно, откуда ты такая не пуганная взялась, — продолжал улыбаться Самаэль и под мои настороженным взглядом, взял мои руки в свои ладони еще раз. Боль утихла, словно ее и не было, а по телу разлилось приятное тепло, хоть кожа парня была все такой же холодной.

— Но мне это нравится, поэтому я не стану тебе ничего говорить, сама потом разберешься. Не болит?

Я хотела было сказать, что нет и удивиться, как за секунды могло уйти раздражение с

кожи, но не успела. Дверь распахнулась, и в комнату четкой военной походкой вышел мой недавний знакомец из орков. Увидев меня, он благосклонно кивнул мне в приветствии, но тут увидел стоящего рядом синигами и буквально зарычал, демонстрируя верхние клыки:

— Проводницу себе нашел? Даже не вздумай, эта девочка не для тебя.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — все так же улыбаясь, проговорил Самаэль.

Я решительно встала рядом с ними:

— Может, перестанете говорить обо мне в третьем лице? Что вообще здесь происходит?

— Конкурсный отбор в академию аз-Зайтун, — грубо ответил Шармад, всем своим видом демонстрируя, что не намерен продолжать эту тему.

Он вышел на середину комнаты, и грозно обведя всех присутствующих взглядом, громко протрубил:

— Сейчас начнется третий, заключительный этап отборочных соревнований. Вас всех было решено отобрать в команды по десять человек, а я буду вашим провожатым. Для вас в лесу академии временно был устроен специальный испытательный полигон и у каждой команды есть своя собственная карта-маршрут. Они все уникальны и не повторяются. Все понятно?

Не стройным хором и без особого энтузиазма мы ответили:

— Да.

— У вас всего одна задача: до того, как наступят сумерки, вы должны выбраться из леса в указанную картой точку. Это будет сложно, так как по дороге будут встречаться препятствия, которые пройти вы можете, только полностью сплотившись между собой и продемонстрировав свои способности. И запомните, я здесь не для того, чтобы вести вас и помогать, а чтобы вы не убились раньше времени.

— Какая трогательная забота, — насмешливо протянула Матильда. Судя по всему, девушка вообще чувствовала себя комфортно только тогда, когда качала права или когда все внимание было направлено только на ее персону.

— Интересно, а в Управлении Образования знают о новых вежах обеспечения безопасности абитуриентов?

Чувствую, что от ее занудства мы здесь все скоро взвоем.

Шармад повернулся к ней:

— Если кого-то что-то не устраивает, то он может быть совершенно свободен. Ни ректор, ни тем более я, никого здесь насильно не держим. Тебе все понятно, малышка?

— С какой стати какой-то грязный орк будет указывать мне на то, что делать? — взвизгнула девица, а мне почему-то стало за него обидно, но вмешаться я не успела, за меня это сделал Самаэль. Я уже заметила, что присутствие этого чудного парня многих здесь нервирует. И мне было очень интересно, почему.

Он просто молча подошел к ней и встал рядом, почти касаясь ее своим плечом. Свой гаденький язычок Матильда тут же прикусила и поспешила ретироваться, куда глаза глядят.

Шармад тем временем продолжил, как ни в чем не бывало, только мазнул каким-то странным взглядом по синигами:

— Ну, если вы закончили с этим балаганом, то сейчас вы называете свои имена, что я сравнил их со своим списком и сразу же отправляемся. Испытание уже началось.

Тут же вперед вышел сын Великого Комтура и с достоинством проговорил:

— Ральф Озрельн.

— Дионис Ронилье.

— Матильда фон Клаунсберг.

Ребята один за другим делали шаг вперед, и так получилось, что я оказалась последней. Как обычно, все внимание мне и это уже не удивительно.

— Ярославла Краснословская.

За спиной тут же раздалось злобное шипение:

— Я так и знала, что ты плебейка, ой!..

Совершенно случайно у меня вдруг подкосились ноги и чтобы не упасть, мне пришлось схватиться за того, кто стоял ко мне ближе всех. Сегодня не повезло сыну Комтура, но с задачей он справился великолепно, подхватил меня за руки и не дал позорно свалиться на пол. В процессе всего этого творящегося безобразия, я «совершенно случайно» наступила каблуком на ногу не расторопной Матильды. Взвыв, она изобразила умирающего лебедя и попыталась найти утешение у единственного здесь рыцаря, но к счастью он был занят. Мной.

— А ну тихо! — доведенный до предела, рывкнул Шармад. — И в полной тишине за мной.

Спорить с таким огромным и сильным существом, как орк, было себе дороже, это понимала даже истеричная Матильда.

Разбившись по парам, прямо как в детском садике, мы дружно двинулись за своим воспитателем. По иронии судьбы, идущей впереди Матильде в партнеры достался Самаэль, который флегматично посматривал на нее, словно на пустое место. Она боязливо жалась от него в сторону и то и дело поворачивалась ко мне, кидая полные ненависти взгляды, потому что я шла рука об руку с Ральфом. Мне с первого взгляда было понятно, что она положила на молодого рыцаря глаз.

Может и не стоило этого делать, слишком мелко и не по-детски, но я не удержалась и взяла своего спутника под локоть. Он ничуть не удивился подобному повороту событий, видимо дамы часто на него вешались и галантно согнул руку в локте.

Идти по асфальтированной дороге на каблуках — то еще удовольствие, но когда это делаешь по лесной чаще, то весь процесс превращается похожим на пытку.

— Вам удобно? — заметив мои рваные движения и прихрамывания, насмешливо проговорил Ральф. Тут я не удачно переступала корни деревьев, подвернула щиколотку и почти что упала к нему в объятия. Ну, хотя бы в этом данный молодой человек был надежен.

— Хотите, поменяемся, опробуете в опытных условиях? — спросила я с надеждой и с вожделием покосилась на его сапоги под кольчужной сеткой. Ральф рассмеялся, но комментировать ничего не стал, видимо побоялся, что я вцеплюсь в него клещами и все-таки вытребую то, что мне было нужно. Он же джентльмен, даме отказать не сможет, особенно если она проявит настойчивость.

— Все, привал! — наконец скомандовал Шармад и достал прямо из-за пазухи какой-то свиток и показал на графическом рисунке зеленый крестик. Видимо этот знак и был нашим конечным пунктом маршрута.

— Эй, рыцарь Храма, держи. Дальше нас ведешь ты, а то мне нельзя, я могу только наблюдать за вами.

Ральф спорить с таким заявлением не стал и даже пропустил мимо ушей не слишком вежливое обращение. Выхватив сверток из рук скалящегося орка, он полностью развернул его и продемонстрировал всем присутствующим.

— И что означает этот крест?

— Там обозначена поляна, на которую в конце концов должны выйти все абитуриенты, — отозвался Шармад, — приняты в академию будут только первые пришедшие семнадцать групп из тридцати девяти.

— То есть, кому как повезет? — не довольна пробормотала Матильда, — если я могу больше других, но из-за нескольких идиотов в команде мы будем постоянно тормозить, то это не справедливо!

— Группу подбирались исходя из примерно одинакового уровня участников, — безразлично сказал Шармад, — а если вы так и буду стоять столбами и рассуждать ни о чем, то быстро окажетесь в аутсайдерах гонки.

Громко хлопнув ладоши, чтобы привлечь к себе внимание, вперед вышел Ральф. Видимо он твердо решил, взял бразды правления в свои руки:

— Не думаю, что дорога будет увеселительной прогулкой. Давайте поделимся по пять человек, и пойдем двумя группами чуть на отдалении друг от друга. Так мы сможем увидеть, если кому-то вдруг потребуется помощь и оказать ее, а заодно не вляпаемся все вместе, если дальше преподаватели устроили нам ловушки.

Это было достаточно логично, но зачем именно разделяться я не понимала. Можно же просто идти вперед, растянувшись цепочкой. Так, на мой взгляд, было бы гораздо безопаснее и эффективней.

— Согласны, — неожиданно подал голос Самаэль. Это было первый раз, когда он сказал что-то за всю дорогу от академии до леса, хотя мы ушли от нее уже на достаточно приличное расстояние.

Ожидаемо, но в группу к Ральфу беловолосый парень не попал, впрочем, как и я. Зато Матильда, заглядывавшая в рот рыцарю, сейчас едва ли прыгала и сияла не хуже начищенной медной монетки. По единогласно принятому решению Ральфа, мы сокращали дорогу до нужной поляны, и думали пройти пару километров не по выделенной тропинке, которая петляла как змея, а прямо через чащу. Так, по его словам, мы могли выиграть необходимые пару часов.

После жарких споров я мельком покосилась на стоящего в сторонке орка. После убедительной речи рыцаря он начал ухмыляться, а я поняла, что ребята приняли в разработку не самую хорошую идею, но конечно же, кто здесь будет слушать женщину

Я уже заметила, что в этом мире несказанно повезло только тем женщинам, у которых есть дар, в отличие от «пустых». Их хотя бы могли принять на обучение, выпустить со специальностью и в дальнейшем принять на работу, пусть и не самую престижную, но хотя бы с шансом быть независимой. С остальными же дело обстояло намного хуже.

У «пустышек» выбора не было никакого. Ты полностью принадлежала старшему в семье, и не всегда это был любящий отец, который так или иначе радуется за твое счастье и ты растешь как цветочек за пазухой у бога. Там считаются и с твоим мнением, позволяют иметь голос. Иногда старшим был дядя, брат или присланный из сторонних людей так называемый управленец, видевший в тебе только выгоду.

И вот тут-то можно было бы взвыть, поскольку прав у тебя не было никаких. Что-то еще могла решать мать семейства, которая уже выполнила свою функцию и создала семью. И чем успешнее были ее дети и муж, тем большим уважением она пользовалась в обществе. Но пока ты была свободна от таких обязанностей, ты считалась ни кем. Были случаи, когда девушки погибали от рук такого вот присланного «управленца» и хоть происходило это по разным причинам, но расследовать подобные дела никто не брался. Старший в семье всегда

прав и всегда действует из твоих интересов, а вот ты не благодарная тварь, если этого не понимаешь, то должна быть выгнана из семьи. И куда идти этой несчастной девушке, когда нет ни образования, ни дара, чтобы хоть как-то себя прокормить?

Подобная информация стала для меня первым неприятным открытием о мире, куда меня угораздило попасть. Конечно, переместись я сюда, к примеру, из восемнадцатого века, то может быть отнеслась к таким порядкам с меньшим не понимаем. Хотя зная себя и свою неугомонную натуру, которую дома под лавкой не запрешь, вряд ли долго прожила. У нас в Домострое и то с большим уважением отзываются о женском поле, чем в этом мире. Исключая конечно лишь тех, у кого был дар. Это шанс стать если не уважаемой персоной, то хотя бы иметь право самой решать свою судьбу. Поэтому женщины и старались на испытаниях при вступлении больше, чем парни и поступали при этом практически все, пусть их изначально было и немного.

Мы сильно вырвались вперед и не заметили, что давно уже оторвались от второй части нашей группы, а Ральф почему-то не стал нас тормозить и отвлекать.

Заметив мое смятение, шедший рядышком Самаэль, хмыкнул:

— Бросил нас твой дружок, да? Послушал свою истеричную леди Матильду и решил, что мы для остальных будем обузой.

— Он мне не дружок, — хмуро отозвалась я, дума о том, что Ральф большой мерзавец, если слова беловолосого хоть на малую долю, но правда. А этой, судя по всему, было правдой.

В разделенной команде с нами шло еще три парня, они все были как на подбор, молчаливы и явно боялись, что проиграют, и не попадут в число семнадцати фаворитов.

Вдруг парень, которому я помогла поверить в себя на первом испытании, жалобно всхлипнул:

— У нас ведь даже нет карты. Как они могли?

Другой светловолосый парень с широкой обаятельной улыбкой, честно говоря, я даже не запомнила его имени, вдруг вынул из кармана легкой замшевой куртки тот самый сверток, который отдал Ральфу орк:

— Кто вам это сказал?

— Идрис, ты чудо, — расхохотался его приятель, такой же светловолосый, чуть с раскосыми глазами, но все равно чем-то неуловимо напоминающего первого. Я подозрительно поинтересовалась:

— Вы случаем не братья?

Предполагаемые родственники вдруг переглянулись и расхохотались, да так заразительно, что от улыбок не удержались и мы.

— Я Идрис, а это Лерой. Мы из рода врачей Варн Ярдлеев, но сами даже прыщ заговорить не сможем. Талант наших родственников закончился на дяде, — отсмеявшись, сознался талантливый вор. — Так что мы и правда братья, но сводные, по матери.

— Это все очень интересно, но мы либо делаем привал и решаем, как идти дальше, либо еще идем, — влез вечно спокойный Самаэль. Тут я поняла, что в ближайшие пять-десять минут не смогу сделать и шагу и решительно сняла туфли, идти в них было просто не возможно, лучше уж босяком, не умру.

Странно, но все приняли мой жест как данность и никто не стал комментировать, что я за дура, раз одела такую обувь.

Сев на корточки и прислонившись спиной к шершавой коре высоченной ели, я вдруг

услышала странный гул невдалеке, как будто рядом очень низко летел самолет. Но откуда здесь ему взяться?

— У меня одной галлюцинация или вы тоже слышите какой-то шум?

Ребята, негромко переговаривающиеся друг с другом, затихли и прислушались. Идрис легонько толкнул брата в бок, тот возмущенно принялся шипеть на него, на что деятельный блондин просто закрыл родственнику рот. Что-то мне подсказывает, что именно он у них в паре старший.

— Не хочу никого напрягать, но может, попробуем спрятаться? — испуганно прошептал тот, кто вытащил карту Иерофанта. Я, наконец, вспомнила, как его зовут: Дионис Ронилье.

— Ты что-то чувствуешь? — с интересом поинтересовался у него Самаэль, которому судя по взгляду, было абсолютно все равно, хоть бы сейчас начался потоп или пожар. Абсолютная невозмутимость, даже немного завидно, я то себя так в руках держать не умею. Нет-нет, да проскочит какая-нибудь чертовщинка, за которую мне потом будет мучительно стыдно.

Ответ пришел сам неожиданно и сам собой: из-за кустов вдруг вылетело что-то огромное и страшно гудящее, замерло на мгновение, словно осматривалось. Потом, судя по всему, заметило нашу отдыхающую компанию и стремительно полетело к нам. Выругавшись, Идрис и Лерой среагировали первыми: напрягшись, они накинули на нас что-то похожее на купол. В свете солнца эта хрупкая конструкция красиво переливалась золотом, но почему-то мне казалось, что она вот-вот рухнет.

У Лероя был вид, словно он в одиночку пытается вытащить застрявший в грязи Камаз. Смахнув выступивший на лбу он, он прохрипел:

— Придумывайте что-нибудь, долго мы этот щит не удержим, а пчелы улетать не собираются!

— Конечно, не собираются, — хмыкнул Самаэль, — их специально заговорили. Умно, ничего не скажешь, на насекомых магия практически не действует.

— Почему? — любопытствовала я, с ужасом глядя на огромный рой, который буквально облепил купол. Их было очень много, никогда не видел такое невероятное количество полосатых насекомых и в такой опасной близости. Всего пятьсот укусов на каждого и нас ничего не спасет и это с учетом, если человек абсолютно здоров. А здесь их десятки тысяч!

— Источник магии — мозг. Если структура, с которой ты работаешь, живая, то у нее тоже должен быть хоть зачаточный, но интеллект, — ответил вместо него Дионис. — Ты откуда такая взялась, что таких элементарных вещей не знаешь, с другой планеты что ли?

— Из другого мира, — раздосадованная подобной проповедью, буркнула я. Вопреки моим ожиданиям, какого-то особого удивления это у ребят не вызвало, напротив, они словно ожидали что-то такое.

Лерой покосился на мою обувь, которую я держала в руках и хмыкнул:

— Тогда многие вопросы отпадают. Только узнала о своем даре?

— Я вообще не знаю, есть ли он, — раздраженно проговорила я, глядя в другую сторону.

— Вы болтать будете или думать, что делать? Еще пару минут и мы не выдержим!

— Их слишком много, а мы пока не знаем таких заклинаний, чтобы воздействие было оказано на большую площадь, — испуганно прошептал Дионис, плюхаясь прямо на землю пятой точкой и охватывая голову руками.

— Только если точно, но на это уйдет слишком много времени, — согласился Самаэль.

Казалось, его совсем не волновало, что еще немного и нас искушают до такой степени, что раздувшиеся тела будет сложно идентифицировать.

Синигами встал к ребятам, державших купол и просто начал вливать в их творение свою энергию, она была обжигающе холодной, прозрачно-льдиистой. С интересом наблюдая за его манипуляциями, я не сразу услышала, как ко мне обращается Лерой:

— Ну, от Диониса, этого мелкого паникера я ничего не жду, но может, и ты поможешь?

— Я бы с удовольствием, но колдовать не умею, то есть вообще! — разозлилась я, но не на них, а на себя. Бесплезнее чем сейчас, я еще никогда себя не ощущала.

— Кто ж тебя такую, сюда — то позвал? Обычно таких уникалов как ты, отдел образования сначала посылает в специальный Лагерь, чтобы вы сначала адаптировались. А ты когда обо всем узнала?

Я хотела было сказать, что только вчера, а Великий Магистр просто наглый обманщик и гад, раз не дал мне даже шанса прийти в себя, но сказала совсем другое:

— А меня не спрашивали... Может? попробуйте объяснить, как вы это делаете? Может я смогу поделиться этим с вами, если конечно у меня есть, чем делиться.

— Ты вообще ничего не чувствуешь? — удивился Лерой, оборачиваясь ко мне, — ты должна хотя бы ощущать присутствие магии, когда-то кто-то работает с энергетическими потоками. Ну, дуновение ветерка, запах какой-нибудь, у всех всегда по-разному...

Я прислушалась к себе и отрицательно помотала головой:

— Ничего, вообще ничего... Я только вижу, как что-то похожее на нити исходит из вас и сплетается с куполом. Вы кстати бы его размером поменьше раза в два сделали, меньше бы сил уходило.

Четыре пары глаз уставились на меня как невиданное чудо, мне тут же стало неудобно. Видимо, я ляпнула что-то не то?

Дионис на секунду отвлекся от жалости к себе любимому и пискнул:

— Ты различаешь потоки?

— Ну да, — утвердительно кивнула я, — а что, это плохо? Они все разных цветов, у кого-то даже переливаются, от Самаэля вообще дикий холод идет.

— Потрясающе, — несколько завидуя, отозвался Идрис, — а нам все это доступно только в виде ощущений. Чтобы когда-нибудь суметь это видеть, мне потребуется лет двести практики и то, не факт, что я добьюсь такого результата. Ярослава, иди сюда.

Немного приободренная, что я не так уж им сейчас бесполезна, подошла к ребятам поближе.

— Я понимаю, что тебе очень сложно, и ты сама в себя не веришь, но поверь, что твой мозг — это самое уникальное произведение природы, гораздо более сложное, чем вся магия мира.

Уж кто-то, а я это знаю лучше, чем каждый из вас.

— Сила мысли здесь материальна. Попробуй представить, как часть тебя отходит в тот самый купол, что ты видишь. Если получится, то мы сможем продержаться еще минут десять, а за это время мы постараемся что-нибудь придумать... Закрой глаза и попробуй представить. Это упражнение называется визуализация.

Где-то это слово я уже слышала, только не помню где именно.

Я послушно закрыла глаза и на самом деле «видеть» исходя из такого положения,

оказалось гораздо проще. Не отвлекали яркие краски и посторонние предметы. Сейчас передо мной был только сам купол, жужжащие маленькие убийцы, от которых исходила энергия агрессии, явно напускной, да сами ребята, в окружении нитей энергии.

Я хотела было отделить от себя такую же нить, как сделали они, но в голову пришла дурацкая идея, не опробовать которую я просто не могла. А что если сотворить такой же купол, только наоборот? Поместить туда всех пчел и пусть варятся в собственном котле? Но сказано — не значит сделано. Я просто не знала, как плести эти нити, хотя получилось отделить от себя парочку потоков, чему я была безумно рада, значит, не настолько безнадежна, как думала, но на что-то большее просто не хватало знаний и опыта.

Как только стало ясно, что сплести купол не получится, я попробовала слегка «покачать» тот, который из последних сил держали ребята, и он неожиданно поддался. Боясь упустить момент, когда я нащупала нужную опору, я без спора схватилась за края этого энергетического сооружения, и не встречая ни малейшего сопротивления, опрокинула купол прямо на пчел. Потом подумала и просто стянула его как мешок и так и оставила лежать на земле.

Осторожно приоткрыв глаза, я видела как насекомые бьются в невидимую преграду, но наружу выйти не могут. Рядом со смесью восхищения и непонимая, как так получилось, выдохнул Лерой:

— Как ты смогла без спроса подрезать чужую энергию и тебя при этом не тряхануло?

— А должно было? — поежилась я, тут же представив, как берусь за оголенные провода, не отключив питание. Видимо здесь действуешь те же правила, что и в электрике.

— Должно было, — весело хохотнув, влез его брат, — поэтому если ты хочешь воспользоваться чьим-то творением, то тебе надо сказать об этом, чтобы маг тебя «заземлил» или подождать, пока он закончит питать заклинание.

— Или просто вырубить самого мага, — спокойно подсказал Самаэль, с интересом наблюдая на бессильно жужжащих пчел, — но ты молодец.

— Только в следующий раз предупреждай, а то меня как по голове тюкнули, когда я лишился возможности подпитывать щит.

— Простите, я не знала... — покаянно пробормотала я. Хотела как лучше, а получилось как всегда.

— Эй, ты чего, расстроилась? — неожиданно все понял Лерой и вдруг притянув к себе, обнял как младшую сестру и окончательно словив мое понимание что здесь вообще происходит, поцеловал в макушку, — ты молодец, мы бы до такого додумались конечно, но сильно позже и сами бы сделать не смогли. Я лично пока не умею запечатывать заклинания, а у тебя интуитивно получилось.

— И вообще, это очень редкий дар, что ты видишь потоки, — серьезно сказал Самаэль, — так что лучше тебе пока молчать об этой способности. И мы не станем болтать.

— Не станем, — весело подтвердил Идрис, — и давайте поторопимся. Не известно, как далеко продвинулись другие группы.

— Надеюсь не дальше нашего и уж точно им тоже кто-то попался на пути, чтобы задержать.

Подхватив брошенные под елями вещи, мы не стройными рядами потянулись дальше, в самую чашу.

Вроде надо было бы порадоваться, что Магистр не ошибся во мне хотя бы по одному пункту, и во мне действительно есть какой-то дар, но сердце почему-то начало ныть в

преддверии грядущих неприятностей. В чем-чем, а в подобных ощущениях я разбиралась очень хорошо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— Мы не заблудились? — опасливо оглядываясь по сторонам, очень тихо спросил Дионис. Глядя на него, я все никак не могла понять, почему красивый статный парень, был настолько не уверенным в себе. Он трясся и оглядывался буквально на каждый шорох, просто какая-то заячья болезнь!

Идрис мельком глянул на развернутую карту и протянул ее мне, чтобы сама убедилась, что все идет по плану и главное, убедила в этом нашего самого большого паникера. Не знаю почему, но какие-то утверждения он спокойно воспринимал только от меня, доверяя всему, что я говорила. Подобная ответственность мне не особо нравится, но пока что другого выхода не было.

— И что это значит? — бездумно глядя на нарисованную карту, со скепсисом поинтересовалась я у братьев-врачевателей, — да будем вам известно, но у меня развитый топографический кретинизм. Другими словами я понимаю в чертежах не больше, чем вы в болезнях.

Лерой отобрал бесполезный в моих руках сверток и с обидой воскликнул:

— А обзывать-то зачем?

— Прости? — не поняла я, на что дуется обаятельный блондин, — но вроде кретинкой я назвала только себя.

— Ты сказала, что мы не разбираемся в болезнях, — со смешком пояснил его брат, шутливо пихая родственника в плечо, — хотя на самом деле матчасть мы знаем прекрасно. Просто применять свои знания на практике не можем из за-за того, что не умеем работать с тонкими потоками. У тебя в этом смысле получилось бы гораздо лучше, если бы ты вдруг решила пойти на врача.

Слова Идриса заставили меня немного задуматься: а может пойти учиться на врача, это было больше потребностью, чем стандартным выбором профессии? Так сказать, Судьба и именно так, с большой буквы.

— Если верить карте, то на месте мы будем примерно через полчаса, — тем временем спокойно продекларировал Самаэль, заглядывая братьям через плечо.

— Я бы не торопился с выводами, — громко засмеялся кто-то у нас за спиной.

В следующую секунду в мою сторону полетело что-то сильно напоминавшее концентрированно пламя очень высокой температуры: оно было ярко-рыжего цвета.

Выругавшись, но при этом понимая, что среагировать ни я, никто другой просто успеем, Самаэль с силой толкнул меня вперед и полетел на землю следом за мной. Это только в книгах главные героини падают в объятия своих спасителей. В реальной жизни дела обстоят намного хуже: это Самаэль с размаха приземлился мне прямо на спину, едва не сломав ее.

— Прости, — без тени раскаяния сказал он и одним рывком переместил меня в близлежащие кусты. Сюда же ломанулись и остальные члены нашей сильно укороченной команды.

Дионис, увидел, что я жива и вполне себе здорова, подполз ко мне и с облегчением пожал руки. Переживает.

Я покрутила головой, но высовываться не рискнула.

— Что это было?

— Устранение конкурентов, — сквозь зубы процедил Лерой. Они с братом, видимо как самые подготовленные из нас, растопырили пальцы и водили ладони из стороны в стороны. Я четко видела, как от их рук отделяется что-то похожее на светлячков и тут же разлетается в разные стороны. Заметив мой искренний интерес к происходящему, Самаэль пояснил:

— Стандартное поисковое заклинание. Они пытаются понять, сколько нападающих было на самом деле и где они сейчас, но что-то плохо получается, да, ребята?

— У них хороший артефакт, — дернулся Лерой, — блокирует поиск с ходу.

Я задумчиво вслушалась в себя и вдруг поняла, что никакой неведомый артефакт мне не помеха для того, чтобы «видеть». Энергетическая структура человека на том, другом плане была сродни кроветворной системе. От нескольких больших точек шли просто крупные и более мелкие потоки, создавая целый замкнутый, автономный мир.

Рассмотрев ребят под разными углами, я повернулась в ту сторону, откуда на нас напали и убедилась в своей мысли: никакой артефакт на мою способность «видения» и правда не влияет. Один, два, четыре...

— У нас проблемы, — шепнула я, сосчитав количество противников и присвистнув про себя, — их больше нас почти в три раза, двенадцать человек, и кажется, они хотят нас окружить.

Команда воззрилась на меня почти в священном ужасе, видимо надеясь, что я так шучу. Лерой бросил свое бесполезное занятие и подполз ко мне поближе:

— Ты и правда их видишь?

— Если вы все не плод моей фантазии, — язвительно припечатала я, — то да. Не понимаю только, зачем они напали на нас? Даже если мы все конкуренты, какой в этом смысл!

— Это не запрещено правилами, пока ты не поступил в академию и не подписал контракт. Даже если нас всех сейчас убьют, это будет считаться всего лишь несчастным случаем, — «просветил» меня Самаэль. Услышав это, рот у меня открылся до неприличных размеров: как там говорил Магистр? Ярослава, просто поступи в аз-Зайтун, поживи не напрягаясь, осмотришься? Что же это старая пройдоха не сказал, что сначала надо будет выжить?

— Чем меньше абитуриентов дойдет до финишной точки, — проблеял Дионис, — тем больше шансов у всех остальных. Ты разве не знала условий поступления?

По моему красноречивому взгляду все поняли, что нет, не знала и знать не могла.

— С этим будем разбираться потом, — вдруг остановил все обсуждения Лерой, — сейчас надо воспользоваться тем, что мы их видим, а они уверены, что нет.

Идрис тихонько поддакнул:

— Эх, жаль, что они могут отследить наш след!

— Уже нет, — как ни в чем не бывало, поделился результатом своей невидимой работы Самаэль, — я об этом позаботился.

— Ну, друг ты крут, — одновременно выдохнули братья, — это же последний курс академии, не меньше!

Но Самаэль на то и был родом с Ледяного острова, чтобы оставаться равнодушным ко всякого рода хвалебным речам.

— Ярослава, где самые ближайшие? Давай, показывай все по порядку.

Я молча указала туда, где притаилась наши конкуренты, понявшие, что так просто нас не взять и поэтому больше не пытающиеся выйти на общение. Их проблема была в том, что

они сначала рассредоточились по периметру по одному и два человека, и только потом Самаэль закрыл нас от них. В итоге они не понимали, куда делись мы и при этом не знали, где находятся их собственные товарищи. Сейчас соблюдение тишины было важнейшим фактором спасения.

Лерой благодарно кивнул мне и повернулся к мужской основе нашей команды:

— Я беру на себя двоих, что справа. Идрис, ты берешь левое направление. Самаэль, нейтрализация, это твоя стихия, возьмешься за остальных, если что, мы тебе поможем.

— Без проблем, — ровным голосом проговорил синигами.

— Давайте без убийств? — влезла я. Было противно понимать, что если они сейчас решат пустить кровь, я прости ничего не смогу сделать.

Неожиданно, но меня поняли.

— Когда я говорил о нейтрализации, я имел в виду, что их просто надо вывести из строя, — с теплой улыбкой произнес Лерой, — не бойся.

— Жаль, — обронил Самаэль, не выглядя при этом сильно огорченным. Мне вообще казалось, что его эмоции застыли на одной волне подобно льду.

Тем временем Идрис похлопал бледного Диониса по плечу:

— А ты охраняй наше зеленоглазое сокровище, понял?

Дионис хоть и выглядел подавленным, но нашел в себе силы, чтобы согласно кивнуть ему.

А вообще, слышать о себе, что я сокровище, было очень приятно. И не смотря на серьезность ситуации, у меня на лице расплылась предательская улыбка.

Где-то рядом послышался сдавленный крик и потом все снова стихло. Через пару минут ситуация повторилась, но уже в другой стороне. Я с тревогой пыталась отследить, что там происходит, но мне не хватало опыта. Видеть энергетические потоки я видела, но различала с большим трудом. Скорее по наитию, чем имея точное знание, я понимала, где свои, а где чужие.

Резкое движение рядом с нами привлекло мое внимание, когда чужак был на расстоянии вытянутой руки, но кусты играли спасительную роль естественного ограждения и прикрытия. Сердце билось в груди как сумасшедшее, а мозг вопил, не в состоянии придумать что-то дельное. Тут я вспомнила, что было перед тем, как оказаться в этом чертовом мире: я проломила голову незнакомцу своей сумкой!

Трясущимися руками я полезла открывать ее и достала стеклянную банку домашней тушенки. О Господи... Надеюсь тот молодой человек, ударив которого я сюда попала, все-таки жив после моего удара.

Показав знак замершему от ужаса Дионису, чтобы не издавал ни звука, я с помощью карманного зеркала попыталась посмотреть, что происходит по другую сторону колючего растения. А потом подхватила банку и с испуга ударила незнакомца куда-то в район то ли шеи, то ли головы. Честно говоря, когда на меня уставились два оранжевых глаза с вертикальными зрачками, я плохо понимала, что делаю. Тело само решило позаботиться о своей сохранности.

Ошалело посмотрев на банку, я немного успокоилась: крови нет, что уже неплохо. Отодвинув самое лучшее оружие для самообороны, я склонилась над конкурентом на звание и осторожно пощупала пульс. Жив.

Внимание привлекли руки незнакомца: они были покрыты короткой темной шерстью, а вместо нормальных человеческих ногтей, чернели длинные, чуть загнутые звериные когти.

Превозмогая отвращение, я перевернула его, но больше ничего отличного от обычного человека не увидела.

С места нашей вынужденной засады послышалось странное бульканье. Подхватив свою верную тушенку, которую мне со скандалом как-то подкинула одна из пациенток, я ринулась на звук. Больше на нас никто не нападал, Дионис, весь скрючившись, лежал на земле и все его тело сотрясалось в судорогах. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять, что у него эпилептический припадок. С трудом, но все же я смогла перевернуть его на бок. Сбросив куртку и свернув ее в своеобразный валик, я тут же подложила ему это под голову.

Неожиданно Дионис захрипел, и только после этого я увидела, что ворот рубахи на завязках. Мешают ему нормально дышать. Порвать ткань мне не хватало сил, и я чуть не взвыла в отчаянии, но тут из ниоткуда появился Лерой и сходу оценив обстановку, выпалил:

— Что здесь происходит?

— Разорви ему рубашку, иначе он задохнется!

Опасливо косясь на обильное слюнотечение находящегося без сознания парня, Лерой сделал, что я просила и тут же отскочил. К нему присоединился донельзя довольный Идрис и такой же Самаэль. Мне показалось, что на лице последнего тоже мелькает улыбка. Видимо не каждый день им удается побеждать превосходящего по силам противника.

Увидев меня, склонившуюся над бившимся в припадке Дионисом, Идрис ахнул.

— Ярослава, с ума сошла? А ну быстро отойди от него! А я-то думал, почему этот парень так странно себя ведет! Теперь понятно, он знал о своем проклятии и умолчал!

— Интересно, куда администрация смотрела, когда приглашение на отборочные испытания присылала? — вторил ему брат-попугай.

Сделав подложку и поместив ее между зубов бедолаги, чтобы не дай бог, он не откусил себе язык, я уничижительно уставилась на ребят:

— Что вы тут развели? Какое проклятье? Человек серьезно болен и не знал об этом, боялся каждого взгляда и стеснялся. Вы что, все болезни здесь считаете проклятиями?

— Да как это может быть болезнь? — усомнился Лерой, — ты посмотри на него, изо рта какая-то жидкость течет! Может, он вообще одержим?

— Это слюна, идиот! — я бережно вытерла рот Диониса краешком его плаща.

— Конечно, одержим: паталогической неуверенностью в себе из-за болезни. Я бы тоже каждого шороха боялась, если бы знала, что в случае чего мне не станут помогать, а будут тыкать пальцем и верещать о проклятии. В моей стране таких людей, как Дионис, называют эпилептиками. Это означает нарушение работы мозга и его разрушение. Что такое мозг, вы знаете?

— Болезнь? — казалось, они немного призадумались, но все равно подходить ближе хоть на шаг не решались.

Лерой осторожно тронул меня за плечо:

— Он как-то резко затих, что это с ним?

— Спит. Такое часто бывает после припадка. В таком состоянии он пробудет где-то около получаса, но все равно не сможет идти. У них обычно после всего пережитого наблюдается сильная слабость и головокружение.

Ребята переглянулись и эти взгляды мне ой как не понравились. Погладив несчастного по спине, которая наконец начала расслабляться, я буркнула:

— Ну что там еще? Про конкурентов даже не спрашиваю, уверена, что все в отключке.

— Да, но Ярослава... У нас нет времени ждать, пока он придет в себя, — вдруг

решительно проговорил Идрис, но видя как я встала и недвусмысленно открыла рот, Лерой тут же поднял раскрытые ладони.

— Брат всего лишь имел в виду, что нам придется нести его и давай думать, как это сделать. Тут до самой поляны рукой подать.

— Не выразить словами, как у меня отлегло от сердца после этих слов. Сначала-то мне показалось, что они хотят оставить его тут в таком безопасном состоянии.

Сняв с находящихся в беспамятстве конкурентов несколько плащей и крепких на вид курток, парно ловко соорудили что-то наподобие носилок.

Я дернулась было помочь и схватиться за палку, чтобы нести наравне со всеми. Но Самаэль аккуратно взял меня за талию и развернул к себе лицом.

— Это что еще такое?

Понимая, как сейчас глупо выглядит хрупкая брюнетка со всклокоченными волосами на голове, на фоне трех молодых, сильных мужчин, я отчаянно покраснела и сделала лучшее, что могла в данной ситуации: промолчала. Самаэль ухмыльнулся краешком губ, но благородно не стал развивать эту тему и один взялся за две палки.

Минут через десять неспешного хода, мы, наконец, выбрались на дорогу, а там буквально сто метров и оказались на большой, вытопанной поляне. Посередине ее, четко в центре, стояла огромная каменная стела с выбитыми на поверхности какими-то письменами. Возле него, в разнобой, сидело семь групп, но не все из них насчитывало по десять человек. Где-то не хватало одного, где-то сразу трех участников. Отдельно от абитуриентов, привалившись к камню, сидели и орки-сопроводители этих групп.

— У нас прекрасный результат, мы прибыли сюда далеко не последними! — радостно закричал Лерой, чем привлек к нам ненужное внимание.

От группы отделилась смуглая девушка крепкого телосложения и смешными мохнатыми ушками. Так было странно смотреть на подобный контраст во внешности.

— Оборотень-лис, — быстро шепнул мне Самаэль, за что и заслужил мой полный благодарности взгляд.

— Что тут у вас? — с любопытством пропела девушка, кокетливо стреляя темными выразительными глазами в сторону братьев-магов.

Праздное любопытство я сильно не любила, но хамить вот так сразу тоже было бы перебором, поэтому я как можно беспечнее заявила:

— Упал не удачно, но ничего, до свадьбы заживет.

— А вы собираетесь пожениться? — в глазах зажегся какой-то нездоровый азарт, а я поспешила ее разуверить:

— Я тут вообще не при чем, это просто поговорка такая.

По виду девушки было ясно, что она мне не поверила, но тут застонал пришедший в себя Дионис. Охнув, я присела рядом с ним и помогла принять вертикальное положение.

— Как ты?

— Мы что, же на поляне? — удивился Дионис, с трудом открывая глаза. Лерой тут же подхватил тему, любезно разъясняя приятелю:

— Пока ты решил пофилонить и отдохнуть, мы сделали всю грязную работу. Но ты не думай, что у тебя так легко получится выйти сухим из воды. В следующий раз тащить нас будешь ты!

Услышав подобную беспечную речь, а не испуганные возгласы о проклятии и что оно из-за него может перейти на них, Дионис удивился еще больше. Я со смешком проговорила:

— Можешь не вертеть головой и не заглядывать в глаза. Ребята все в курсе того, что произошло, я им рассказала. Так что не трясись ты так больше, все будет хорошо.

— Что ты им рассказала? — не зная, как реагировать на мое откровение, проговорил Дионис, понизив голос. Покосившись на девушку с ушками, которая в прямом смысле сейчас стояла и развешивала их, теща свое неумное любопытство, я шепнула:

— Что проклятие, про которое все тебе говорили, это просто глупости, а ты просто болен. Seriously, этому успешно можно противодействовать и со временем уменьшить количество приступов. Так что не тушуйся.

Я любила медицину только в такие моменты. Когда человек, который думал, что обречен, вдруг получает реальный шанс на помощь и смотрит на тебя с безумной надеждой. А ты твердо знаешь, что ему обязательно сможешь помочь. Это было не передаваемым чувством легкости и единения с человеком, который нуждается в твоей поддержке.

— Так ты из рода врачей? — благоговейно прошептал он, беря меня за руку. На миг, мне даже стало немного неудобно, словно он видел во мне какого-то бога. Но к счастью, мне на помощь пришел тот, от кого я вообще этого не ждала: на поляну вышел довольный Ральф с оставшейся половиной нашей команды. Как он услышал наш разговор, когда мы общались шепотом, был не понятно, но, тем не менее он влез:

— Ты разве не знаешь, что женщины не способны лечить? Не ожидал вас здесь увидеть, но все же рад, что вы выбрались раньше остальных и даже раньше нас.

Такую напыщенную физиономию я не видела даже у банкиров!

Вскочив на ноги, я процедила сквозь зубы:

— Если женщина рождает себе подобных, то и энергии у нее гораздо больше, чем у мужчин. Вы не способны на созидание!

Подошедшая к другу Матильда хотела было что-то вставить, но не решилась, то ли за себя испугалась, то ли наконец-то сыграла роль женская солидарность. А я, взяв в легкие как можно больше воздуха, на одной ноте выпалила:

— И вообще, ты копия своего отца, такой же беспринципный, идущий по головам засранец, которому окружающие интересны только в роли игрушек для развлечений!

На поле установилась звенящая тишина. Пока мы заняты были делом, почти все команды собрались в одном месте, и краем глаза я заметила, как к нам уверенной походкой направила Шармад.

Ральф побагровел:

— Ты знаешь моего отца?

— Ближе, чем хотелось бы, — дернула я плечом, — вы даже выглядите почти одинакового, разговариваете, смотрите исподлобья, положив голову на плечо, чтобы у человека было ощущение, что он ничтожество. Смотреть на тебя противно! Только у такого отца мог родиться сын, способный бросить своих товарищей и бахвалящейся этим!

— Это я-то беспринципный, рыцарь Храма?

— Значит с тем, что засранец, ты согласен? Пусть будет тогда принципиальный засранец Храма!

— Что здесь происходит? — громогласно спросил примчавшийся к нашей компании орк-сопровождающий. При виде его даже Дионис нашел в себе силы встать. Правда, при этом он постарался незаметно опереться о плечо Лероя, но стоял же!

Ральф абсолютно точно хотел меня придушить, но видимо благородное рыцарское сердце сумело перебороть этот низкий порыв, и он остался стоять на месте, лишь стиснув

челюсти, что губы побелели, а по лицу заиграли желваки. Увидев это, орк тихонько хмыкнул:

— У вас проблемы?

— У нас, нет, — подчеркнул слово «у нас», с достоинством проговорила я, — а у них, не знаю.

— Вот как? — Шармад перевел любопытствующий взгляд на Ральфа, бледную Матильду и нервно переминающихся с ног на ногу остальных членов половины команды рыцаря.

— У нас тоже нет, — выдавил через силу рыцарь Храма.

— Уверенны в этом, сэръ Орзельн? — не отставал орк. Видимо ему доставляло удовольствие видеть Ральфа именно в таком состоянии. А с каким наслаждением, будто жуя сладкую карамельку, он произнес его фамилию? Определённо, этот орк полон тайн и почему-то мне кажется, то именно он мог бы мне многое рассказать.

Ральф с трудом оторвался от лицемерия моего довольно улыбающегося лица и перевел взгляд на ожидающего ответа Шамрада:

— Я же сказал, все в порядке.

Решив добить предателя, который нас бросил в самом начале пути, даже не дав шанс выбраться, я подмигнула орку:

— У нас действительно все хорошо. Не подскажите, а во сколько утром начинается завтрак, и когда выпускают в город?

Удивившись такому вопросу, Шамрад тем не менее послушно ответил:

— Завтрак в семь утра каждый день и в выходной день тоже, а выпускать завтра начнут с девяти часов и до обеда. Но вам нужен будет пропуск, для этого вам необходимо будет подойти ко мне.

— С удовольствием подойду, — моя улыбка стала еще шире, — я ведь не могу пропустить встречу с Вернером. Он ждет не дождется, когда завтра с утра я приду к нему под городские часы.

Ральфа после моих слов практически сложило пополам, но я на этом не успокоилась и под прицелами взглядом, приподнялась на цыпочках и шепнула, чтобы больше никто не слышал:

— А будешь сейчас скандалить, то я из принципа стану твоей самой нелюбимой мачехой и как все мачехи, начну активно вмешиваться в твою личную жизнь. Интересно, сколько ты так протянешь?

Вдруг поляна озарилась светом и у камня мы увидели знакомую фигуру в спортивном костюме. Ректор с удовольствием огляделся вокруг себя и приветствовал своих абитуриентов кивком головы:

— Дорогие курсанты... Да, да, с этой минуты, теперь вы все курсанты! Я рад приветствовать вас в академии аз-Зайтун, одной из лучших учебных заведений тонких искусств в десятке миров! Сейчас вас проводят в Трапезную, после чего покажут ваши комнаты, а потом жду вас всех у себя в кабинете, где вы сможете получить распределение!

Ректор поклонился взорвавшимися аплодисментами курсантам и исчез так же эффектно, как и появился. Шармад приказал нашей группе следовать за ним, потому что у нас слишком мало времени. Я, было, дернулась пойти впереди всех, потому что ощущала себя большим молодцом и почти что самой настоящей героиней, но Ральф попридержал меня за локоть:

— Если ты думаешь, что на этом наш разговор окончен, то ты ошибаешься. Ходи и оглядывайся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Это был ад. Самый настоящий, не придуманные Дантесы круги, а жуткая реальность. Когда ректор говорил о Трапезной, я и подумать не могла, что все обернется таким диким разделением, причем во всем!

Шармад быстро отвел нас в самую академию, и я восторгом рассматривала многообразие лепнины на стенах, великолепные картины, висевшие в холлах и порталах, а потом просто попеременно ахала от чувств, переполнявших мою трепетную натуру. Пройдя небольшой вестибюль опирающимся на консоли изображением герба академии, мы вышли прямо в зал, где курсантам предлагалось проводить время над приемом пищи, был произведением искусства.

Трапезная была огромной, прямоугольной формы, перекрытой цилиндрическим сводом. Он был разделен пятью арками, опирающимися на консоли, обильно украшенные разнообразными геометрическими и растительными орнаментами. Мягкий свет поступал из дюжины больших окон и прямо из потолка, где в восьмигранных прорезях было вставлено цветное стекло. В центре трапезной установлен каменный фонтан, в котором предполагалось мыть руки, а вокруг стояли каменные же столы и скамьи, за некоторыми из которых уже сидели курсанты. В дальнем конце зала по центру находился богато украшенный дорогими тканями стол ректора и преподавателей.

Испытывая почти неуправляемое желание потрогать отполированный до зеркального блеска пол из ценнейшего розового мрамора, я дошла до приятелей по команде и плюхнулась рядом с ними. Не скажу, что разнообразие в еде было таким же, как за столом у присутствовавшего здесь ректора, но наверняка и это было съедобно.

— А почему вы замолчали? — с интересом спросила я, быстро накладывая отварное мясо и овощи себе в тарелку. Друзья переглянулись, но не успели мне ответить, как меня над столом под мышки, как куклу, подняли чьи-то огромные ручищи.

— Тебе не сюда.

— Шармад, я тебе не резиновый пупс, поставь меня за пол, немедленно!

Орк как будто не слышал моих возмущенных воплей и понес куда-то из зала. Поставив перед дверью, он толкнул ее со словами:

— Женщины едят здесь, не перепутай.

— Что?!

— Я что-то не понятно сказал? — орк недвусмысленно оскалился, показывая верхние клыки. Я замороженно уставилась на них, давая себе зарок, что когда-нибудь наберусь нужного градуса наглости и обязательно потрогаю, а потом, возмущенная до предела, зашла в предлагаемую комнату.

Грязная, вонючая столовая, в которой даже божьей кормить стыдно. Три десятка девушек, не поднимая головы, сидят на плохо сколоченных лавках и рискуют поиметь здесь кучу занос, а с ними и заражения. Еда?

Подойдя к столу, он, а он кстати, здесь был один, просто очень длинный и утопал в слое засаленной от времени грязи, я с любопытством глянула на рацион. Нечищенная вареная морковь, которую даже потрудились помыть, такой же картофель и разваренная, в какой-то слизи цветная капуста. Вот последнее я с детства просто ненавижу. Детские сады не балуют

деликатесными блюдами, а в капусте считается, что очень много витаминов, вот и пичкали нас целыми днями этой дрянью. Так что спокойно смотреть, как меня собираются морить голодом я не собиралась. И кстати...

— Что-то я не вижу здесь дочерей из обеспеченных земель, — задумчиво проговорила я, медленно обводя взглядом всем присутствующих. Девушки робко поднимали голову, видели мою короткую стрижку, непривычную одежду и тут же опускали вновь. Это из них академия собирается делать лучших и элитных сотрудников для всевозможных ведомств?

Стоящий у дверей орк, оставшийся со мной, чтобы я не сбежала, не иначе, с готовностью ответил:

— У благородных отпрысков женского пола отдельные апартаменты и питание им приносят прямо в комнаты.

— Отдельные апартаменты? — я нехорошо прищурилась и пошла на Шамрада. Большой и некогда грозный орк, почему то заметно занервничал и поспешил ретироваться с моего пути. Не встретив сопротивления, я пулей влетела в Трапезную, где с веселым гоголом курсанты-мужчины поглощали вкусное, хорошо прожаренное и вареное парное мясо, запивали все это разбавленным водой вином или соком и с наслаждением обменивались мнением о сегодняшнем дне.

Глядя на все это, мое раздражение поднялось с новой волной. Наплевав, как это будет выглядеть со стороны, я, по-военному печатая шаг и слыша, как полнейшей тишине гулко раздается звон многострадальных каблуков, наконец-таки добралась до ректорского стола.

Артур Эдварт Уэйт, увидев меня, вежливо отложил трехзубую вилку в сторону и поинтересовался:

— Я могу вам чем-то помочь?

— Можете.

— Простите, но чем? Сейчас? На ужине?

Густые черные брови ректора поползи вверх, наверняка он думал, что он его вопроса мне станет дурно или я просто упаду в обморок. Наверняка он и представить не мог, что женщина придет к нему что-то требовать.

Я скинула свою походную сумку на пол и поднявшись на пьедестал, на котором стоял стол, села на свободное место рядом с Артуром.

— Все банально и просто, я хочу есть.

— Но...

— Если вы имеете в виду то, что отселили бедных зашуганных девиц в какой-то хлев и дали остатки от того, чем кормите свиней, тогда может, мы поменяемся с вами местами? — находясь на грани, но достаточно вежливо перебив ректора, проговорила я. Заглянула к нему в позолоченную тарелку и не удержалась от восклицания:

— У вас же одни только овощи, прямо как у девушек! А вы не представляете, как я мясо люблю. Я думала о сочном куске говядины все время испытаний. Так что давайте просто поменяемся местами и забудем это инцидент, я не гордая.

По всем правилам Артур должен был разозлиться и при всех либо отчитать меня, либо приказать как-то наказать зарвавшуюся девицу, я честно говоря, ждала этого. Но за хорошее мясо пострадать в этом смысле не жалко, все лучше, чем жевать морковку и лить слезы, что это лучшее, что я видела в своей жизни. Но ректор меня удивил, он сделал знак, чтобы курсанты продолжили есть и не прислушивались к тому, что происходит за его столом.

— Как вас зовут, милое дитя?

Милому дитя уже третий десяток, но я не против чтобы меня называли, если от этого мне будет какой-то толк.

— Ярослава.

— Так вот Ярослава, повсеместно принято, что девушки, пока не вышли замуж, едят мясо раз в неделю, чтобы сохранить свежесть и стройность как можно дольше.

Какой страшный мир. Ладно, тебе указывают, чем заниматься, с кем встречаться, даже от кого рожать детей. Но говорить, сколько и что есть и так всю жизнь?! Нет уж, я хочу домой. Даже фастфудная пища, которую я не употребляю принципиально, сейчас показалась мне эталоном диетического питания, лишь бы только не здесь.

— А когда выходят?

— Два раза в неделю, — немного удивился ректор, а потом догадливо протянул, — вы, наверное, не отсюда? Давно у нас не было пришедших с других миров. Вы случаем не приемная дочь Великого Магистра Ордена Храма?

Да уж, после замужества можно ни в чем себе не отказывать, целых два раза.

— Имею несчастье ею быть, — кивнула я, впиваясь в сочную говядину. И плевать, что сейчас меня наверняка прикажут посадить в холодную на несколько дней, но это тающее во рту мясо определенно стоило таких жертв. А остальные пусть сидят в своей камерке и радуются морковке, если им так больше нравится. Я уже научена горьким опытом, что не надо лезть со своим уставом в чужой монастырь, не оценят. Поэтому и к ним лезть и предлагать поменять образ жизни я сама не буду никогда. Для этого нужно, чтобы меня попросили, тогда может и подумаю. А то так полезешь и сама по голове огребешь, без поддержки окажешься, а потом еще и виноватой будешь перед всеми.

— Тогда ваше невольное поведение вам прощается, но впредь будьте добры подчиняться местным законом, — мягко, но твердо проговорил ректор.

Вот оно, начинается промывка мозгов. Здесь главное соблюсти дистанцию вежливости, но дать понять, что ты лопушек Андрейка из известной песенки и не дать сесть тебе на шею.

— Уважаемый...

— Ректор Уйэт, — так же спокойно подсказал он, прекрасно понимая, что одной фразой мне поперек горло не встанешь, и обязательно будет долгое продолжение за право своего куска.

— Уважаемый ректор Уйэт, — в тон ему начала я свою речь, — смею напомнить, что я к вам не просилась. Это вы пришли в мой дом, не спрашивая, хочу ли я вообще видеть кого-то из вас. Не спрашивая моего мнения, вы притащили меня в этот кошмар, выставив так, будто это будет увеселительной прогулкой, надо просто немного потерпеть. А в итоге что?

— Что? — не на шутку заинтересовался Уйэт, и даже остальные преподаватели, которые ловили каждое наше слово, и, не смея влезать в разговор, придвинулись ближе.

— А в итоге я знакомлюсь с людьми, с которыми нельзя находиться в одном помещении, потому что они дурные и дух у них соответствует, и проветривание помещения здесь не поможет! Потом меня чуть не убивают, совершенно случайно забыв предупредить об условиях поступления, а в итоге, кульминации всего этого, меня, как третий сорт отводят в хлев и предлагают радоваться, что хотя бы гнилую капусту выделили!

— Почему гнилую? — вдруг обиделась одна преподавательница, — я сама снимала пробу с кухни всего час назад, все было нормально! Мы заботимся о здоровье наших курсанток!

Окинув долгим взглядом пожилую женщину, я железным тоном проговорила:

— Вы уверены?

— Курсанта, вы разговариваете с преподавателем по травологии и Десятым Хранителем Академии, не забываетесь! — раздраженно прикрикнула дама. Ее высокая прическа с забавными буклями у висков, сильно накренилась на макушку, рискуя вот-вот рухнуть и утянуть за собой и преподавателя. Это сложное сооружение чем-то напомнило мне мифологическую Вавилонскую башню.

— Хорошо, — покорно согласилась я, — тогда может, и сейчас снимите пробу? Раз считаете, что все в порядке, для вас это не станет препятствием.

Преподавательница поджала пухлые губы, отчего они стали похожи не унылые разваренные вареники, но меня неожиданно поддержал сам ректор:

— И в самом деле, Изольда, мне даже самому интересно, почему так возмущается наша юная курсантка. Шармад, будь добр, принеси порционную капусту нашему профессору.

Юной я не была, как и дурой, поэтому сидела себе спокойно, ни с кем не спорила и спокойно поглощала мясо, пока орк не притащил на вытянутых руках блюдо с «нечто». Видимо ему так запала в душу моя речь, что он откопал самые отвратительные куски испорченной цветной капусты, у которых даже имелся специфический запах, который ни с чем нельзя было спутать.

Изольда глянула в тарелку и поняла, что попала, а отвертеться, когда смотрят другие преподаватели и сам ректор, не получится. А я вдруг поняла, что наелась и вообще смотреть на это выше моих сил.

— Простите, а можно я пойду, немного отдохну?

Ректор все понял и отрицательно качнул головой:

— Нет, Ярослава, вы у нас уникальный случай, поэтому комнату для проживания вам пока не подбирали. Думаю, самое время нам с вами отправиться ко мне в кабинет, разрешить вопрос с определением и подписать контракт. Леди Изольда, снимите, пожалуйста, пробу с этой капусты и разберитесь, наконец, с кухней, я еще вернусь к этому вопросу.

Цивильно промокнув губы салфеткой, Артур Уэйт встал из-за стола и поманив меня пальцем, двинула по залу к выходу. Высоко задрал нос, но при этом, стараясь смотреть под ноги, я поспешила за ним, с не отпускавшим меня ощущением, что чей-то взгляд пытается сделать дыру в спине. И почему мне кажется, что экзамен по травологии мне не сдать, даже если я выучу все запятые в секции по травам?

Кабинет ректора находился в отдельной башке, на седьмом этаже, под самой остроконечной крышей, с большим панорамным окном. С него открывался такой шикарный вид на лес и мост к городу, что хотелось попрыгать от восторга.

— Садись.

С разочарованием отвернувшись от огромного, в два человеческих роста витражного окна, я взобралась в широкое кожаное кресло и застыла в позе девочки-первоклашки. Ноги вытянуты, подбородок ровно, руки четко на коленях, за неимением парты. Глядя на меня, Артур Уэйт почему-то недовольно поморщился, но ничего не сказал.

— Напомните мне, какую карту вы вытащили из колоды?

— Колесницу, — не думая, тут же ответила я.

Ректор тут же не глядя вытащил из колоды тот самый Седьмой Аркан. Он по воздуху подплыл ко мне, словно примериваясь, и застыл возле носа в сантиметрах в пятнадцати.

— Чего вы ждете, Ярослава? — хмыкнул Артур, видя мое смущение, я почему-то не

могла долго смотреть на собственную карту. — Дотроньтесь до нее и посмотрим, что будет.

А что-то еще должно произойти после этого? Опасаясь каких-либо спецэффектов, я быстро ткнула в карту пальцем и зажмурилась. Услышав смех ректора, я открыла глаза, но ничего страшного не увидела, все было целым и стояло на своих местах. Только сам Аркан странным образом вибрировал и отдавал холодным голубым оттенком. Потом началось вообще необъяснимое.

Рисунок начал словно вытягиваться из обычной прямоугольной картонки и жить своей жизнью в воздухе. Картинка пришла в движение и вот мы уже видим, как быстро на двух разноцветных сфинксах мчится уверенный в себе всадник с поднятым забралом. Под колесами горит земля, но это не причиняет ему никакого не удобства, казалось, ему вообще нет ни до чего дела, кроме собственной цели.

— Как любопытно. Знаете, что такое Семерка для всей колоды?

— Я вообще не знаю, что такое колода, тем более, что значит каждый ее Аркан, — призналась я, замороженно глядя, как бегут, передвигая лапами голубовато-серебристые сфинксы размером с мою ладонь.

— Таро — это целая система, со своим сакральным смыслом, у вас будет эта дисциплина, и вы еще успеете ее познать. Но главное, что сейчас вам надо знать, что это не карты в понимании обычного человека, а самая настоящая книга из семидесяти восьми таблиц, рассказывающая о пути и отношениях между Создателем, Вселенной и человеком. Каждый из вас так или иначе принадлежат одной из карт. Ты — Седьмой Аркан.

Оторвавшись от лицемерия Колесницы, я глядя на ректора, поинтересовалась:

— И что мне это дает?

— Колесница мужская карта и в тебе, так или иначе, очень сильно просматриваются то, чем награжден Всадник: воля, стремление к цели, рассудок, порядок. Не зря у него в руке кнут и два животных: суть белого и черного, а он управляет ими... Посмотри, твой Всадник летит, а огонь вторит его дороге. Это большая редкость, когда в одном человеке заключается такое многообразие, две стихии, огонь и воздух. А ты еще и земля, если верить Великому Магистру. О да, он убежден в наличии у тебя Великой Крови. Я бы не был столь категоричен в этом вопросе, но то, что ты талантлива, это определено так. Я знаю, что случилось на третьем испытании, что ты можешь видеть потоки.

Я старательно молчала, потому что совершенно не хотела сейчас обсуждать эту тему. Завтра, послезавтра, пожалуйста, с любыми подробностями, но сейчас не могу и все.

Приняв мое молчание на свой счет, ректор улыбнулся:

— Не буду тебя долго мучить, главное, что я уже увидел. Ты будешь жить в отдельной комнате, поскольку в женском крыле тебе не место.

— Это еще почему? — не то, что бы я была против, просто это прозвучало так, что я либо чему-то плохому научу местных девиц, либо еще что-то в этом духе.

Артур Уйэт расхохотался не сдерживаясь:

— У всех девушек, пришедших на кафедру ведьмовства, после инициации откроются их способности к земле и магия у них вербального рода, а не как у тебя, ментальная. Я не зря сказал, что Колесница это карта мужская и ее редко кто вытягивает. В тебе две силы, как эти сфинксы и какие именно, пока никто не знает, как ты сама. Только одну можно предположить...

— Предполагайте, я думаю, для этого сейчас здесь и сижу.

— Великая кровь — это целитель, тела и души, способный менять историю человека. И

если в тебе это есть, ты станешь первой женщиной-врачевателем, великим целителем.

— Предполагаю, что это белый сфинкс, — скрепя сердцем согласилась я с его рассуждениями, — а второй, черный сфинкс, это что?

— Неизвестный пока что нам дар, — пожал плечами ректор, — но и насчет первого я не уверен. В любом случае, ты идешь не на кафедру врачей.

— А куда?

Вот сейчас я искренне удивилась. Куда еще может пойти будущий военнообязанный нейрохирург, как не на кафедру к местным медикам?

— Если в тебе это есть, то потом просто возьмешь факультативы, — отмахнулся от меня Уэйт, — а с огнем и воздухом только на кафедру оперативников.

— Э, нет, спасибо, — не спрашивая разрешения, я встала, — мне это слово не нравится, потом заставьте служить какой-нибудь вашей короне и опять не спросите. Я отказываюсь!

— Хорошо, — неожиданно легко согласился ректор, — тогда тебя сейчас отведут в подземелье, где ты и останешься.

— За что?!

— Нельзя войти в академию и выйти из нее, не подписав контракт, — неожиданно холодно припечатал ректор, — или ты думаешь, почему абитуриентов сюда не пускают, а все испытания проводятся вне стен учебного заведения?

Вопрос вопросов, заинтриговал гад. Я и так мучаюсь от многих нерешенных вопросов, а тут он еще один подбрасывает, и, судя по ехидной физиономии, посвящать меня в детали не собирается.

Видимо безумная усталость последних суток и навалившиеся проблемы сделали свое дело, потому что я неожиданно даже для себя вдруг согласилась подписать нужные бумаги.

Не теряя времени, он подsunул мне один единственный листок и... иголку.

— Похоже на сделку с Дьяволом, — мрачно пошутила, рассматривая предложенную вещь в качестве инструмента к подписи и не решаясь ее трогать.

— Читайте договор, абитуриентка Краснословская.

Стандартный договор, как и везде в государственных учреждениях, только мне предлагалось учиться не пять лет, как говорил Магистр, а всего три с дальнейшим перераспределением на службу в то ведомство, которое запросит на меня квоту и согласиться оплатить трансфер.

Понимая, что подписываю себе самый настоящий приговор и никуда от этого деться не смогу, даже если узнаю, как работает Переход. Здесь работают не идиоты, наверняка для таких, как я, все предусмотрели. Понимая, что Великий Магистр меня просто-напросто обманул, мое настроение окончательно испортилось. А с таким подходом я даже сама себя не могу выносить.

Пообещав себе, что весь Орден Храма будет вздрагивать при одном упоминании о моем имени, потому что сами вызвали меня, словно демона, к себе, я проколола палец и оставила четкий отпечаток на пергаменте.

— Ну, — мрачно протянула я, посасывая маленькую ранку, но не ощутив боли, удивленно глянула на палец: прокола не было!

Заметим небольшую заминку, ректор с любопытством выгнул шею и тоже посмотрел на место укола, где сейчас была ровная розовая кожа.

— Однако, интересная реакция организма.

— Чем это?

Уэйт подмигнул мне:

— Врачеватель не может лечить себя сам, а у вас как то получилось. Конечно, я не думаю, что так же получится с серьезной раной, но все же приятно иметь такой бонус?

— Безусловно.

— Вы свободны, курсантка Краснословская, — вдруг официальным тоном проговорил ректор и растворил в воздухе подписанный мной договор.

— Завтра последний день перед началом занятий, когда вы можете свободно пройти в город. С воскресения мост будет убран и создан только к каникулам, это делается в целях безопасности, чтобы курсанты первого звена не ходили туда, куда не надо. Если собираетесь посетить Сатамашо, то вернуться вам следует до шести вечера.

— А если я не вернусь?

— Я бы не советовал вам даже думать об этом, — ласково улыбнулся Уэйт и от лицезрения его чересчур ровного белого ряда зубок, у меня по коже поползли мурашки. — Как называется побег в вашем мире, дезертирство? А что за него бывает?

— Можете не продолжать, я вас поняла, — спокойно проговорила я и вышла из кабинета, напоследок позволив себе с наслаждением хлопнуть дверью.

У меня было столько вопросов к нему, а он специально сделал все, чтобы я не захотела продолжать разговор. Ну ладно, мы еще посмотрим, кто кого поймал на крючок. Кафедра Оперативников? Замечательно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

До комнаты, которую мне определили в личные апартаменты минимум на ближайший год, меня сопровождала бодрая румяная женщина средних лет из обслуживающего персонала академии.

Заглянув в полутемное помещение, я с порога отметила наличие двух огромных стрельчатых окна, через которых проходил холодный лунный свет, словно грань между черным и белым. Стоило мне ступить внутрь и закрыть за собой дверь, как в комнате зажегся свет.

От окон сильно дуло, а вдоль них непрерывно шел широкий подоконник. На нем, наверное, так удобно сидеть зимой, смотреть как холодные снежинки танцуя, спускаются на землю и пить обжигающе горячий и крепкий, сладкий чай.

У стены стояла обычная полуторная кровать, рядом же обшарпанный временем письменный стол. В углу, приглашающе распахнул свои двери платяной шкаф без особых изысков, которых я здесь уже насмотрелась вдоволь. Между ними неприметным черным полотном застыла какая-то дверь. Я тут же кинула на кровать многострадальную сумку, в которую вцепилась, как в прошлую жизнь и повсюду таскала с собой. Потом я неуверенно приоткрыла эту дверь и осторожно заглянула во второе помещение. Свет загорелся сам по себе: у потолка, как и в смежной комнате, висел небольшой шар, от которого исходил мягкий бледно-желтый свет.

— Ванна? — с благоговением прошептала я, не отрываясь, смотря на небольшое серо чудо, стоящее прямо по центру небольшой комнатки на маленьких гнутых ножках. Я хотела было подойти поближе и пощупать, чтобы убедиться, что это мне не кажется, но в дверь постучали. С сожалением шепнув «жди меня, скоро вернусь», я пошла посмотреть, кого там принесло на ночь глядя.

Стоило мне едва повернуть ажурный ключ, больше подходящий амбарному замку, чем дверному, то меня чуть не прибило этой самой дверью. Я успела отпрыгнуть только в самый последний момент.

— Детка, когда я тебя увидел, то сразу понял, что ты не пропадешь! Отдельные палаты не всегда даже при платном обучении дают, — откровенно интимным тоном сообщил мне Лерой, даже не пытаясь спросить разрешения на то, чтобы войти. Он просто взял и сделал это, как ни в чем не бывало, будто полновластный хозяин здесь он, а я так, нечаянно приبلудилась.

Следом за ним, как цыплята за клушкой, потянулись и остальные ребята из нашей пятерки. Замыкающим как обычно был Самаэль, правда, в этот раз он пришел в несколько необычном для себя амплуа. Молодой человек задумчиво держал в руках одинокую ромашку, и едва касаясь пальцами, гладил белые лепестки. От этих быстрых и трепетных движений легко можно было бы впасть в гипнотический сон, так это завораживало. Но потом он сам прекратил эту магию движений, резко поднял на меня взгляд и молча протянул цветок.

Все вопросы выветрились, будто кто-то устроил в моей голове сквозняк. Даже мысли не возникло, откуда осенью он мог достать эту прелесть. Горло резко пересохло, и не было даже возможности сказать простое человеческое «спасибо».

Нет, я не серенькая мышка и цветы мне дарили многие, чтобы сейчас ловить такую странную реакцию. Да и Анатолий при всей своей чрезмерной прижимистости на подобные подарки никогда не скупился. Но почему-то именно сейчас я жутко смутилась и растерялась. А кстати, интересно, как там мой бывший поживает? Обидно, что за прошедшие два дня я о нем даже не вспомнила. А это значит только одно, что наши отношения даже с большой натяжкой и страстью-то нельзя было назвать, не то, что любовью.

— Это лежало у тебя под дверью.

— Что?

От спокойного голоса Самаэля я потихоньку отмерла. Он молча вложил мне в ладонь подобранный цветок и какую-то записку. Едва я ее развернула, как Лерой, этот нахальный и беспардонный тип, выхватил ее у меня прямо из под носа и облизнулся:

— Ты самая необычная девушка, которую я видел. Добро пожаловать на наш факультет.

— Тебе никто не говорил, что нельзя читать чужие записки? — прорычала я, пытаюсь выхватить у парня то, что принадлежало только мне. Но с тем же успехом можно пытаться подпрыгнуть до люстры, висящей от тебя в пяти метрах. Мало того, что он на целую голову выше меня и руки у него были длиннее, так со всех сторон сыпались ехидные комментарии, которые только еще больше выводили меня из себя.

Зарывав, я плюнула на все приличия и ринулась в драку. Тоже мне, знакомы меньше суток, а вообразили о себе невесть что, прямо лучшие друзья нашлись!

Такой прыти от хрупкой на вид девушки никто не ожидал, и Лерой просто не знал, что ему делать. Одного бы его взмахом хватило, чтобы раскатать меня тонким блинчиком по полу, но по понятным причинам, он этого не мог сделать, а наоборот, старался контролировать свои рефлексy. А мне было абсолютно наплевать на все это, я просто вымещала злость за последние дни на этого шутника, чтобы в следующий раз думал, к кому можно и нельзя лезть.

Понимая, что моська возле слона может так плясать очень долго, а толку не будет, я распрямилась и просто очень захотела, чтобы записка, посвященная мне, вспыхнула. Как там

сам Лерой говорил: визуализация? Я не думала о том, получится или нет, просто была очень зла на такое бесцеремонное нарушение личного пространства.

Записка в кулаке молодого мага все-таки вспыхнула, но только вместе с рукавом его приталенного пиджака. Взвизгнув от неожиданности, он попытался скинуть ставшим столь жарким предмет одежды, но пламя, словно обладая собственным разумом, быстро оставило испорченный пиджак, и переметнулось на пуловер Лероя. Он истошно закричал, что я ведьма и чтобы немедленно исправила ситуацию. Но только как? Сделать то оказалось не сложно, а потом, когда я испугался за него, просто не знала, как все исправлять.

Самаэль попытался мне помочь и потушить возникший очаг пожара магическим путем, но был удивлен, когда у него это не получилось.

— Ярослава, сделай что-нибудь! — в отчаянии закричал Идрис. Я зажмурилась и представила, что огонь не обжигает, а ласково лижет кожу, просто пытается согреть. Почему-то я была не в состоянии, чтобы пламя ушло насовсем, могла только предотвратить опасные последствия.

Измощенный и постанывающий Лерой прислонился к шкафу. Он изумленно смотрел, как собравшееся пламя на нетронутой огнем ладони, кокетливо танцует и меняет цвет с красного на алый оттенок и обратно.

Покаянно повесив голову, я подошла к пострадавшему:

— Прости, я вовсе не хотела причинять такой вред... Можно посмотреть? У меня точно где-то в сумке была мазь от ожогов.

Было видно, что ему больно, но Лерой беспечно отмахнулся и даже смог улыбнуться, пытаюсь утешить меня, виновницу произошедшего:

— Да брось ты, я сам во все виноват, но теперь буду знать, что тебя лучше не дразнить. Кто бы мог подумать, девчонка со стихией огня! Никогда о таком не слышал, ты и правда, очень не обычная девушка.

Осторожно взяв поврежденную руку, я принялась тщательно осматривать проблемную площадь.

— Я это понял, когда только она была распределена к нам в команду, — хмыкнул Идрис, с любопытством наблюдая за моими манипуляциями, — потом увидел, как интуитивно она владеет ментальной магией и совсем не удивился, что ее направили на Оперативный факультет. Кстати, Ярослава, мы будем учиться все вместе.

— Я это уже поняла, — буркнула я, — иначе стали бы вы ломиться ко мне ночью.

— Да брось ты, мы просто хотели поделиться радостью, — отмахнулся он. — Но проявления твоей магии и правда не совсем стандартны.

— Я уже в курсе, ректор немного просветил меня, — сдержанно ответила я, и сама не понимая зачем, положила правую руку на обожжённый участок. Лерой должен был закричать или хотя бы дернуться, но он только покосился на меня и ничего не сказал. И кому из нас двоих должно быть больно?

— Мы все, побывав у него сегодня и подписывая контракт, спрашивали про тебя, — вдруг признался Дионис, — но он только загадочно улыбался, говорил что у тебя самый удивительный мир из всех возможных, что может быть все твои необычные проявления, это результат, что магии у вас как таковой нет. Поэтому законы этого мира, на твои возможности и не действуют.

— Скорее просто никто не удосужился найти в ваших женщинах немного большее, чем приложение к быту, — вновь закипая, резко бросила я. От моей руки само по себе пошло

едва заметное свечение и я почувствовала, как по телу одна за другой проходят волны тепла и выливаются на кожу Лероя.

Увидев, что я что-то химичу и сама не понимаю что именно, ребята подвинулись поближе. На наших удивленных глазах деформированная кожа, боль от которой стоически сносил Лерой, начала разглаживаться, воспаление спадать, а лопнувший эпителий затягиваться новым розовым слоем. Для меня удивление было понятным, я не знала о возможностях лечения энергией. Но почему остальные-то так реагируют?

— Это потрясающе... — прошептал Лерой, в неверии смотря на целые и невредимые руки. Только сильно пострадавшая одежда напоминала о том, что здесь произошло.

— Ментальный маг, огонь, врачеватель... — едва слышно пробормотал Самаэль и улыбнулся.

За все время я так и ни разу не видела у парня с серебряными волосами такой широкой улыбки. Заглянув в его черные зеркальные глаза, я увидела себя, словно посмотрелась в зеркало. Потом я опустила взгляд и увидела небольшие аккуратные клыки, чем-то напоминавшие орчьи, но только смотрелось это более изящно. И одновременно опаснее.

— Этот бред, что подобный дар у вас достается тоже только мужчинам, я уже слышала. Готова повторить еще раз: вы просто не искали таких задатков у женщин, вот и все.

— В твоих словах есть определенная логика, — задумчиво протянул Идрис, — этим вопросом до сих пор никто не задавался. Но так, как ты сейчас за несколько секунд полностью убрала рану и боль брата, так больше не может никто.

— В смысле? — не поняла я.

Как это не может? За короткое время моего пребывания здесь, я уверилась в магию настолько, что не удивилась бы, если бы при мне начали приращивать какую-нибудь не достающую часть тела. Хотя, если вспомнить Магистра и что они не знали, что такое аппендицит и многие здесь с этим воспалением просто умирают. А если взять ситуацию с болезнью Диониса, что все думали, будто это проклятье? Господи, как они вообще живут здесь? Вроде многим из них подвластно такое могущество, то, что я видела, радуется своей развитостью, но так сильно отставать в самых важных вопросах?

— Не знаю, — дернул плечом Лерой, поднимая с пола брошенный пиджак, — это надо спрашивать у преподавателей. Единственное, что говорят наши родители, что им запрещают работать с телами людей, так, как им нужно, отсюда мы многого не можем. А есть страны, в которых врачеватель может умирающего на ноги поднять с любой стадии перехода, даже если сердце у него уже не бьется. Представляешь?

В голове мелькнула мысль, что неплохо бы узнать, что это за страны такие и двинуться туда.

Самаэль вдруг встал со стола, где просидел все это время и многозначительно посмотрел на дверь:

— Всем уже пора, давайте выйдем, и не будет мешать девушке, тем более она единственная девушка на факультете и раз мы так все сегодня подобрались, то и держаться будем вместе. Ярослав, я знаю, что тебе завтра надо в город, я пойду с тобой.

Я открыла было рот, чтобы благодарить за подобную заботу, но меня опередил Идрис:

— А почему только ты пойдешь? Мы все пойдем, нам тоже надо готовиться к учебе, здесь в город выпускают только раз в полтора месяца и то, начиная с зимы! Надо оттянуться напоследок!

— Потому что вы будете заняты своими проблемами и развлечениями, — тут же

парировал беловолосый, — а я пойду именно с ней, чтобы присмотреть. Не забыли, что сегодня сказал тот рыцарь? Если он и попытается отомстить Ярославе, то попробует это сделать в городе.

— В академии он не станет ничего делать, — с пониманием поддакнул Дионис, — здесь он привлечет слишком много внимания к себе.

Вот мне сейчас только безумных защитников в виде пятерых старших братьев не хватало.

— У меня назначена встреча, — многозначительно произнесла я, — поэтому любой из вас там будет лишним.

— Но почему? Мы же о твоей защите печемся, — совершенно искренне протянул Лерой, а у меня вырвался нервный смешок, который не был услышан из-за подхватившего речь брата Идриса:

— Ты только представь, что завтра начнется, когда вся академия поймет, что впервые на факультет Оперативников была принят девушка, что она иномирянка со злой кровью.

— Со злой кровью? Ты наверно хотел сказать ядовитой.

— Нет, я сказал то, что хотел сказать. Злая кровь, так очень давно говорила про людей, которым не нужна форма для того, чтобы колдовать. У тебя сила формируется в мыслях, им не нужен какой-то каркас. Обычному магу потребуется подготовка, время...

— А я как пулемет Максим, выстреливаю быстро и могу бить долго, — пробормотала я в ответ на прочувственную речь Идриса. Надо же, злая кровь...

— Но идти со мной никуда не надо, занимайтесь своей личной жизнью, няньки мне не нужны! И забудьте про Ральфа, это была пустая угроза, он мне ничего не сделает.

Иначе Орден Храма, от мало до велика, ему самому что-нибудь оторвет.

Ребята переглянулись, но на этот раз говорить ничего не стали и ретировались в полной тишине. Едва за ними закрылась дверь, как я без сил упала на кровать и в чем была: куртке и джинсах, так и уснула. Даже туфель и тех не сумела снять, из меня как будто в один миг выпустили дух.

Пробуждение было не самым приятным. Сначала всю ночь мне снились желтые хищные глаза с тонкой щелочкой, как иголка, зрачка. Они пристально всматривались в мое лицо, оценивали, запоминали. Потом раздался знакомый мерзкий звук, будто десяток людей одновременно заскребли железными предметами по стеклу.

Тело среагировало быстрее, чем еще спящий мозг. Я попыталась вскочить, но запуталась в простыне и с грохотом, сопровождающимся высокими эпитетами, упала на пол. Жаль, в этой комнате не было предусмотрено наличие мягкого ковра.

Звук прекратился только через несколько минут, когда меня уже во всю потряхивало от мурашек. Из общего коридора послышались сдавленные ругательства бедолаг, которым так же не понравился подобный метод пробуждения.

Вспомнив, что меня наверняка уже ждут в городе, я тут же высвободилась из плена постельного белья и схватив косметичку, побежала в ванну. Все-таки хорошо быть предусмотрительным человеком, хотя бы за личную гигиену голова не болит.

Через десять минут я была готова на любые подвиги, хоть повторно пройти через вступительные испытания. Потом покосилась в зеркало и отметив свой несколько бледноватый вид, поспешно пробормотала в слух:

— Ну, это я, конечно же, погорячилась.

Брать что-то с собой не было смысла, все равно ни местных документов, ни что

печальнее местных денег у меня не было.

Выглянув в коридор, и с облегчением отметив, что ребята, угрожавшие меня сопровождать в город, под дверьми не стояли. Решив все же никого не провоцировать, я крадучись добежала до крутой винтовой лестницы и в два счета оказалась на первом этаже. До конца не веря своему счастью, спокойно дошла до центральных дверей аз-Зайтуна и выглянула наружу. Не по-осеннему теплое солнце ласково приветствовало новый день.

— До десяти вечера ты должна быть в своей комнате, — раздался ехидный голос с характерной хрипотцой, — у нас Комендантский час.

Оглянувшись, я нашла в себе силы на приветственную улыбку, а сама ломала голову: холл огромен и спрятаться было негде. Либо орк так бесшумно передвигается, что впредь надо быть осторожнее, либо использует какую-то магию, что гораздо хуже. Спросить напрямую? Меня и так здесь многие считают странной, если начну сыпать вопросами, совсем уж невеждой прослышу. Надо просто быстрее закончить дела с Великим Комтуром и посетить местную библиотеку. Вот уж там-то книги надо мной смеяться не будут, это ведь не живые люди.

— Спасибо за предупреждение, Шамрад.

— Не за что, — спокойно ответил орк, приваливаясь к дверному косяку и в упор рассматривая меня не мигающим взглядом. Я уже повторно взялась за ручки двустворчатых дверей, чтобы выпорхнуть наружу, когда он неожиданно спросил:

— Как первая ночь в академии?

Этот вопрос меня настолько удивил, что я даже не смогла этого скрыть, уставившись на орка выпученными от изумления глазами. На языке застыл вполне закономерный вопрос, который я тем не менее успела проглотить в самый последний момент: а какое тебе дело?

Шамрад оценил мое вынужденное молчание по-своему и смутился. Сквозь смуглую бронзовую кожу на скулах проступило два красных пятна.

— Да я просто проходил мимо и услышал какой-то шум. Как помощник Зоара, вашего декана факультета, я отвечаю здесь за порядок и безопасность.

Объяснение выглядело более чем логичным, но только что он делал ночью возле моей комнаты? Там просто некуда проходить «мимо». Еще пара комнат и все, дальше глухая арка с портретом какой-то дамы в розовых оборках.

Резко вспомнилось слова Самаэля, о том, где он нашел цветок и сама ромашка. Неужели это его рук дело, поэтому он и бродил рядом, хотел увидеть мою реакцию на подношение? Да ну нет, бред: орк и ромашка? Такое даже представить трудно.

А все-таки жаль, что у меня не осталось образца подчерка таинственного поклонника.

— Ты будешь помогать преподавателям? — вместо интригующего вопроса, спросила я совсем о другом.

— Не совсем, — хищно осклабился Шармад и я с облегчением поняла, что к цветку он не может иметь никакого отношения, — боевую подготовку я веду самостоятельно. Расписание занятий будет вывешено на каждой двери только вечером, но скажу сразу, чтоб ты не налегала сегодня на еду: первой парой у вашего курса завтра будет именно знакомство со мной.

Час от часу не легче, здесь меня тоже будут мучать физкультурой. Ну да ладно, если я в юности получила кандидата мастера спорта по плаванию, то как-нибудь и здесь не умру.

Город встретил меня сонным утром, на широких мощеных улицах не было ни души, видимо здесь любили спать до обеда. Это было печально, потому что даже дорогу к часовой

башне не у кого было спросить. Поэтому я петляла как заяц и мрачно думала о том, что будет, если я опоздаю. Может, стоило все-таки принять от ребят помощь, а потом вежливо попросить их подождать в сторонке?

Бездумно нырнув в какой-то узкий проход между домами, я оказалась на небольшом пяточке, посреди которого стояла маленькая башенка с почти что игрушечными, круглыми часами. Если это то самое место, то Великий Комтур назначил свидание именно здесь специально, чтобы я плутала по незнакомым улицам и нервничала. Сомневаюсь, что даже местные в курсе, что у них есть такая крохотулечная башня, которую просто не видно из-за других зданий.

— Я удивлен, как с такой самоорганизацией, ты умудрилась не провалить испытания, — ворчливо проговорил сэр Орзельн, отлипая от потрескавшейся стены и подходя ко мне поближе.

Сегодня, словно подчеркивая свой непогрешимый статус, он оделся в поблескивающий на солнце легкий доспех из заходящих друг за друга металлических пластин. Может он и не был так прочен, как литой, но зато ничто не сковывало движений. Оно и понятно: его предыдущее обмундирование весило не меньше сорока килограмм, с таким особо долго не походишь по городу. Сверху, обозначая принадлежность к храмовникам, он накинул белоснежный нарамник с золотым крестом на спине и груди. Ткань слегка прикрывала темно-коричневые шоссы и в тон им высокие сапоги на плоской подошве. Тщательно выбритое лицо, едва уловимый аромат ветивера... Сразу видно, что мужчина тщательно готовился к встрече.

Не удержавшись от комментария, я широко улыбнулась:

— Я тоже рада тебя видеть! Если бы я знала, что так буду скучать, по проведенному вместе времени, обязательно бы завалила все экзамены, чтобы как можно больше оставаться с тобой. Поцелуемся?

Вернер нехорошо сощурился:

— Сдерживайте свои порывы, курсантка Краснословская. Хотя вы теперь и имеете определенный статус, но это не значит, что я польщусь на даму не первой свежести.

Совершенно не обидевшись на подобный выпад, я миролюбиво поинтересовалась:

— Если двадцать с маленьким хвостиком это для тебя старость, то не хочешь ли ты этим рассказать мне о своей маленькой проблеме? Я конечно не психиатр, но могу подсказать, как побороть тягу к юным девочкам.

Поняв, куда я недвусмысленно клоню, рыцарь возмущенно вздернул подбородок, став на миг похожим на своего беспутного сына:

— Вам не удастся сбить меня с толку и вывести из себя. Может, подумаете, чтобы податься в ведьмы?

— А в чем разница, маг или ведьма?

— У нас нет женщин магов и вам тоже им не стать, как бы вы не надеялись на обратное и чтобы при этом не говорил Магистр. Девушка, в которой есть определенный дар, чтобы начать им пользоваться, сначала проходит инициацию в храме богини Лилит. Она получает доступ к новым возможностям, только заключив договор. У каждой ведьмы свои обязанности перед госпожой, так что зачастую их дрянной характер обусловлен подобной продажей души.

— Намекаете, что мне есть чем поторговаться? — мурлыкнула я, вывернув то, что на самом деле хотел сказать Вернер. Быстро поняв, что спорить со мной бесполезно, любая

женщина подобна гадюке от рождения и не все умеют собирать ее яд и пользоваться им в своих целях, он молча развернулся и пошел в ту сторону, откуда я только вышла. Решив не отставать, я бросилась за ним.

— Вы уже знаете, как прошли вступительные испытания?

— Наслышан, — процедил Вернер, не делая попытки даже взглянуть на собеседницу.

Очень скоро мы из мелких закутков вышли на более-менее оживленную улицу, вымощенную не стертыми серыми булыжниками, а крупными квадратными серо-голубыми плитами. Навстречу начали попадаться ранние прохожие, спешащие куда-то по своим делам.

Здесь и там призывно мелькали красочные вывески всех размеров, поражая разнообразием форм и цветов воображение. Кто бы мог подумать, что у средневековья может быть настолько сильно развита фантазия именно в рекламных вопросах.

— Тогда почему вы не задаете мне никаких вопросов? — немного удивилась я такой равнодушной реакцией.

— А почему я должен их задавать? — теперь уже удивился Вернер. — Я уже пообщался с ректором и не вижу смысла обсуждать одну и ту же тему дважды.

Скажите, пожалуйста, сколько скрытого достоинства и холодной чопорности скрыто в отдельно взятом человеке!

— Зато я вижу, потому что ректор со мной особо не был откровенен, а вопросов с каждым днем у меня только прибавляется.

— Ярослава, — Вернер резко остановился у входа в какую-то небольшую лавку, вывеска которой заключалась в прибитых к стене у входной двери позолоченных букв: «У Мари».

— Магистр послал меня просто на просто обеспечить вам комфортное существование в академии, а не отвечать на вопросы. Для этого есть библиотека.

— Но...

— Но разговор у меня к вам имеется, личного характера, — чуть понизив голос и добавив в глаза хитринки, вдруг признался каменный рыцарь. Он открыл дверь, приглашая меня пройти внутрь.

— Давайте сначала закончим здесь и поговорим в спокойной обстановке.

Что еще нужно женщине? Чтобы ее выслушали или хотя бы четко обозначили, когда это сделают. Получив желаемое, я тут же успокоилась и не стала больше приставать к храмовнику с вопросами.

Едва мы зашли внутрь, к нам тут же выпорхнули три очаровательные тургеневские барышни: налитые кровь с молоком девицы, в простых платьях светлых тонов, с толстыми косами через плечо. Они были очень похожи друг на друга, отличаясь только цветом глаз и немного волосами. А так просто три близняшки.

— Чем мы можем вам помочь?

Рыцарь мужественно попросил помочь подобрать для меня пару комплектов одежды, чтобы было «не стыдно показаться в учебном заведении» и заозирался в поисках отступления. Поскольку я ненавидела магазины и предпочитала все заказывать по интернету, экономя не только деньги, но и собственные нервы и время, то расценила его поведение как предательство. Судя по блеску глаз сестер, они в своем магазинчике уже заскучали по клиентам и готовятся отыгаться на мне. Было от чего начинать паниковать.

Вернер, наконец, нашел то место, которое искал и сев в затемненном углу на раздвижной стул, тут же закрыл глаза. Позволить ему трусливо мимикрировать под окружающую обстановку я просто не могла и завопила:

— Дорогой, я надеюсь, ты примешь участие в примерке?

Рыцарь сделал вид, что издох прямо здесь на стуле. Пришлось подойти ближе и потрясти мужчину за плечо. Два раза один и тот же вопрос задавать не прилично, поэтому я зашла с другого бока:

— Мы как-то ограничены в средствах?

Вернер, не открывая глаз, допустил не простительную стратегическую ошибку, лениво обронив:

— Нет. Орден не разориться на нескольких шмотках.

Я хмыкнула про себя: ну это он зря. Даже если мне ненавистна мысль о примерках, но понимание, что я залезаю не в свой кошелек, а к Ордену, который шутя попытался переломить мне жизнь, ничего не предложив взамен, может плохо сказаться на всей их финансовой системе. Особенно если учесть, что с собой я ничего не брала, а современной молодой девушке чтобы чувствовать себя уверенно, надо ой как много всего. А я собиралась чувствовать себя очень уверенной особой.

В предвкушении предобморочного состояния рыцаря, когда он увидит сумму за мое хорошее расположение духа, я повернулась к наострившим уши продавщицам:

— Девочки, вы хорошо поняли? Мы не ограничены!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я выдохлась через два часа. Даже изначальный запал, который мне задал сэр Озрельн, не сильно помог. Хотя плоды нашей общей деятельности все же впечатляли: мой скарб, половину из которого я просто наобум покидала в горы одежды, что надо было завернуть, уместились в семь больших сумок хозяйственных сумок. У меня на родине многозначительно называют их мечтой оккупанта и наконец, я поняла почему: за их потрясающую вместительность.

Девушки: Лиззи, Ронделла и Кэт, были просто счастливы, когда все, наконец разложили по местам и оформили доставку в академию. Потом немного побледнев, всунули мне желтоватую бумажку с печатями. Мельком глянув на сумму и ничего не поняв, но запомнив, что мое добро стоит сто двадцать девять золотых, протянула документ спящему Вернеру.

Стоило едва приблизиться к нему, как он тут же открыл глаза. Выхватив листок у меня из рук, он не глядя сунул его куда-то за пазуху, видимо там было укромное местечко.

— Передам Магистру, в Орден. Это все?

— А что еще надо? — спросила я на улицу и вдыхая свежий запах осенней улицы. К нему ненавязчиво примешался тонкий аромат какой-то выпечки, на что сразу отреагировал и желудок, напомнив, что я его сегодня обошла с завтраком.

— Лягушачьи лапки, крысиные хвосты? Может быть, метла? — принялась перечислять я все, что знала о магических атрибутах.

— Что за пакость? — уязвленно буркнул Вернер, целенаправленно куда-то держа путь, — впрочем, это совсем не важно. Все, что тебе может понадобиться, предоставит академия.

О, мы снова на «ты»! Видимо, я успела ему надоест за прошедшие пару часов, раз он снова забыл о дистанции.

— Хорошо, — легко согласилась я, скача за ним чуть ли не в припрыжку, — скажите только, зачем ваш Магистр сообщил ректору, будто удочерил меня? К чему весь этот цирк?

— Об этом я и хочу поговорить, заходите.

Мы остановились у какого-то неприятного заведения с сильно облупившейся зеленой краской. Но зайдя внутрь, я оказалась совершенно в другой атмосфере.

Как-то давно, будучи студенткой первого медицинского колледжа, мне с подругой захотелось острых ощущений. Тщательно взвесив все «за» и «против», мы после принятия расслабляющего шипучего лекарства, отправились в библиотеку. Так назывался бар-клуб байкеров недалеко у метро Юго-Западная. Он скрывался в сталинской пятиэтажке с толстыми стенами, за маленькой старой дверкой с самой подходящей табличкой «Библиотека», абонемент только для лиц старше восемнадцати лет. Так вот, здесь было так же, с виду неприметная дверка, а внутри разношерстный народ в разной степени алкогольного опьянения.

Видимо Вернер хотел, чтобы я смутилась или лучше того, выбежала на улицу, где устроила ему слезный скандал, как он, благородный человек, мог притащить девицу в такой гадюшник. Только я знала, что чаще всего именно в таких местах и встречаются самые адекватные люди, которые первыми придут тебе на помощь и не попросят за этого ничего,

кроме обычного человеческого «спасибо».

С любопытством оглядевшись, я нашла у бара свободное местечко и с ходу плюхнулась на высокий стул с мягким круглым сидением. Тут же подскочила резвая молоденькая девчонка с круглыми карими глазами и пухлым, весело улыбающимся ртом. Я уже не удивилась, что к такой ангельской внешности была добавлена своеобразная перчинка: в копне белокурых волос кокетливо проглядывались чуть закругленные рожки. Вместо приветствия, у меня вырвалось:

— Ты кто?

Девушка заливисто засмеялась, ничуть не обидевшись:

— Дриада, дух деревьев. А ты кто?

Я важно надулась, вспомнив, что вообще-то обладаю целым княжеским именем, вернее, его вариацией:

— Ярослав.

Девушка быстро ориентировалась и с удовольствием пожала протянутую ей руку.

— Что будешь пить, Ярослава?

Я уже собралась было попробовать что-то из местных коктейлей, чтобы поближе ознакомиться с местной культурой, но как всегда все испортил не вовремя подошедший рыцарь. Он кивнул дриаде, как старой знакомой и голосом, не предвещавшим мне ничего хорошего, произнес:

— Где ваше воспитание, курсантка?

— И правда, — я сделала вид, что что-то ищу в карманах, и вывернув их, ахнула, — наверное, дома оставила. В другом мире. Может, сбегает туда, заберем, чтобы вам проще было со мной общаться?

Вернер дернулся, но поддаваться на провокацию не стал:

— На эти глупости у нас нет времени. Вам молока или сока?

Вот чего я не пробовала в жизни, так это пить молоко в баре и наверное, уже не попробую.

— Водки и томатного сока.

— Водка? — не понял Вернер, что я имею в виду, — это что такое?

— Тонизирующий напиток, улучшающий мозговую деятельность и упрощающий восприятие окружающего мира, — хмуро ответила я, понимая, что самое лучшее, что было в мире, в этой пародии просто не существует.

— Тогда вам обязательно надо его выпить, — на полном серьезе проговорил рыцарь и попросил барменшу поставить мне пустой стакан. Я понимаю, что этим он хотел мне задеть и вывести на какую-то реакцию, но если он собирается сделать то, о чем я сейчас думаю, то этот ненужный момент можно опустить.

— Думайте об этом напитке, я попробую его создать, — вежливо проговорил Вернер, закрывая глаза. Я в свою очередь думала о клюквенной Финляндии, которую как-то раз привезла подруга на день рождения из заснеженного Хельсинки.

Когда на лбу Вернера проступила легкая испарина, глиняный стакан наполовину наполнился знакомой жидкостью. Я в радостном изумлении благодарно хлопнула рыцаря по спине:

— Здорово! Научите меня, пожалуйста, это же самое полезное умение!

— Это магия Храма, — непреклонно заявил Вернер, но я видела, что моя благодарность ему приятна. Он взял стакан и подозрительно принюхался к содержимому.

— Пахнет ягодами.

— Это что-то типа компота, — не моргнув глазом соврала я и попросила изнывающую от любопытства дриаду принести второй стакан. Она послушалась и быстро поставила рядом с водкой пустую тару. Я быстро разлила содержимое по двум стаканом, определив на глаз, что обоим достается около семидесяти грамм. Но рыцарю на первый раз будет многовато, я так понимаю, каких-то крепких спиртных напитков у них еще не делают, тем более таких.

— Зачем? — Вернер не понимал где подвох, но чувствовал, что он есть, молодец, сразу видно битого жизнью человека.

— У меня на родине есть обычай, — пояснила я, тщательно пряча за улыбкой лелеемое злорадство, — мы пьем водку за встречу и знакомство, чтобы между людьми не было недопонимания и конфликтов. Пусть это не залог дружбы, но, по крайней мере, мы перестанем друг друга раздражать. Я же вижу, что не нравлюсь вам, хотелось бы сгладить этот момент.

Рыцарь еще осторожничал, но после моего откровенного посыла, решился. Я объяснила ему, что водку обязательно надо пить залпом, иначе загаданное не сбудется. Этот хитрый жук подождал, пока я первая выпью и тщательно отслеживал реакцию. Сдержалась я от того, чтобы не скривиться с трудом: интересно, где Вернер раздобыл эксклюзивную версию этого напитка, в котором не стандартные пятьдесят пять градусов?

Увидев, что я не свалилась под стол замертво и вполне себе сижу здоровая и улыбчивая, решился и он. Долго держал стакан, а потом махнул все содержимое одним мощным глотком. Дриада, видевшая прожжённым взглядом, что я стащила с тарелки огурчик и смачно им захрустела, понимающе спросила:

— А ему плохо не будет?

Я пожала плечами:

— А сейчас мы с тобой это увидим.

Рыцарь тяжело задышал, как после марш-броска с полным обмундированием, но ничего не сказал. И правильно, что ругаться, если сам дурак?

— Интересные у вас обычаи, — только и смог выдавить он и попросил у барменши воды. Смерив мужчину жалостливым взглядом, она принесла нам обоим по томатному соку и ретировалась, поняв, что сейчас начнется серьезный разговор.

— Так зачем Великий Магистр сообщил ректорату, что якобы удочерил меня?

— Не якобы, он действительно провел эту процедуру, чтобы здесь ты могла пользоваться правами, наряду с другими гражданами.

— Кроме прав, — заметила я осторожно, — обычно прилагаются еще и обязанности. Про них-то не забудьте меня уведомить.

— В данном случае никаких, просто он твой опекун, пока ты самостоятельно не найдешь себе занятие, которое сможет обеспечивать твое существование.

Я задумчиво побарабанила пальцем по отполированной до блеска столешнице:

— Я смотрю, вы уже не верите в мое возвращение домой.

Рыцарь виновато моргнул, но это была секундная слабость, и в следующий миг передо мной опять сидел не сгибаемый, железный мужчина:

— Ты не ребенок Ярослава, а вполне разумная взрослая женщина. Ты же сама подписала контракт.

— Как будто вы оставили мне выбор! — горько проронила я, понимая, что это на самом деле серьезно меня задело, сколько бы я не хорохорилась. Никому не стоит верить, ведь

знала же, что все не просто так.

— Так нужно, — упрямо гнул свою линию храмовник, на что я в сердцах всплеснула руками:

— Кому?!

— В первую очередь тебе, — нехотя проговорил мужчина и признался, — Магистр запретил тебе говорить об этом, но кто-то, про кого мы не знаем вообще ничего, будет за тобой охотиться, если уже не начал.

Немного подумав, я решила признаться:

— Я слышала обрывок разговора про это, но не поняла, кто и зачем.

Рыцарь этому факту совершенно не удивился, видимо привык, что моя персона везде как иголка в мягком месте.

— Мы сами не знаем кто, иначе мы не стали бы помогать тебе перебираться сюда, где мы сможем вовремя тебе помочь. А зачем... Это тоже только догадки, поскольку еще не уверенны, что Великую Кровь унаследовала именно ты. По мере прохождения обучения, нам будет все ясно. А пока постарайся все время держаться у кого-то на глазах из преподавателей и не соваться в город.

— Опять эта Великая Кровь, — поморщилась я. Это словосочетание уже успело мне набить оскомину.

— То есть, я так понимаю, что есть вероятность, что я не при делах и через какое-то время во мне не будет надобности?

— Уже нет, — ухмыльнулся Вернер, смакуя томатный сок, — ты продемонстрировала свои способности при экзаменах и подписала договор, так что в любом случае, ты теперь курсантка аз-Зайтун.

Помолчав, я попыталась расспросить рыцаря про настоящую историю Сангреалья, и какую на самом деле роль играли носители Великой Крови, но он молчал, отнекиваясь, что все, что было мне нужно, я уже прочитала в книге, которую мне давал Магистр.

— Есть еще кое-что, что ты должна знать и не удивляться, — вдруг как-то смущенно проговорил рыцарь, чем вызвал у меня полное замешательство и тревогу. Чтобы этот большой непробиваемый мужчину чего-то начал стесняться?

— Ну? — поторопила я его. На Вернера словно ушат холодной воды вылили, но он собрался с силами и хотел уже вывалить все, от чего трясся, когда в бар с громким гиканьем ввалилось несколько человек, одним из которых был его собственный сын. Как-то так случилось, в лучшем жанре триллера, он сразу увидел меня, а потом уже и своего отца. Тут уж я не могла сдержать нервной улыбки: Ральф не забыл мои слова по поводу мачехи, но наверняка не воспринимал эту угрозу всерьез, а сейчас, когда увидел, как я мило сижу с его отцом и веду светскую беседу, наверняка нафантазировал в голове много интересных подробностей.

Наклонившись к помрачневшему Вернеру, который вряд ли желал показывать наше общение своему отпрыску, я шепнула:

— Если ты сейчас что-нибудь не придумаешь, твой сын убьет меня еще до того, как я успею попасть в академию.

— Что я могу сделать?

— Чей сын, мой или твой? — шепотом, но стараясь улыбаться и не сводя глаз с приближающегося Ральфа, возмутилась я.

Ральф оставил свою компанию искать свободный столик, а сам сейчас стоял напротив

нашей парочки и буравил взглядом почему-то именно меня. Отцу он с самого начала уважительно поклонился и не сказал ни слова.

— Отец, — елеиным голосом пропел этот мерзавец, по взгляду которого я легко читала, что мне уготована не завидная участь: он с меня с живой не слезет.

— Представь меня своей... даме.

Вернер обреченно вздохнул и махнул рукой в мою сторону:

— Сэр Ральф фон Орзельн, рыцарь Ордена Солнца, один из ведущих храмовников, наша надежда и будущая опора. Думаю по окончании Оперативного факультета, он легко сможет встать на должность капитана.

— Я ничего в этом не понимаю, но звучит здорово, поздравляю, — фальшиво улыбаясь, проговорила я. Как же хочется сейчас испариться и очутиться в блаженном «ни где».

— Ральф, эта девушка, приемная дочь Отто фон Керпена, леди Ярослава фон Керпен.

— Вот как, дочь Великого Магистра, — с приклеенной улыбкой поклонился мне юный рыцарь. Почему мне кажется, что этой безобидной фразой он подписал мне приговор?

Подмигнув обоим мужчина, я закатила глаза:

— Представляете? Сама в шоке!

— Ярослава, — зарычал Вернер мне на ухо, чтобы больше никто не слышал, — прекрати паясничать. Пока я разговариваю с сыном, собирайся и уходи обратно в академию. За тобой придут на зимних каникулах, так что не думай, что мы больше не увидимся.

— Звучит многообещающе — произнесла я с придыханием не став понижать голос. По расширившимся зрачкам Ральфа я поняла, что он услышал мою фразу именно так, как она была преподнесена.

Сделав что-то наподобие книксена, я поспешила к выходу и была очень рада, когда никто не стал меня окликать или задерживать. Это хорошо, что Вернер задержит своего сыночка, мне только конфликтов здесь не хватало.

Дорогу обратно я, как ни странно, неплохо помнила, поэтому буквально побежала. Ну, естественно, как могла побежать на каблуках, так и сделала это. Когда надо было завернуть за угол и пробежать Висячие Сады, неожиданно я услышала детский вскрик. Сначала мне показалось, что я ослышалась, но крик повторился, и на этот раз маленькая девочка просила помощи, а не просто кричала.

Быстро сориентировавшись, я скинула обувь, и прихватив ее, неслышно двинулась туда, откуда доносился шум.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

— Милая, ты где?

Забежав на какой-то пустырь, ведомая голосом плачущей девочки, я не могла понять, что происходит. Казалось, что вот-вот и я увижу ребенка и смогу ей помочь, но, сколько бы шагов я не делала, она никак не приближалась. Мистика какая-то или просто у меня начались проблемы со слухом?

Малышка опять вскрикнула, как будто кто-то ее ударил и затихла. Готова биться об заклад, что она была здесь, но... Перед глазами небольшой каменный пятачок в окружении серых домов. Как будто архитектор этого города был влюблен в «колодцы» Петербурга.

Так и не найдя ту, которая умоляла о помощи, я развернулась и хотела было пойти обратно, вдруг что-нибудь, да услышу, но чей-то грубый, насмешливый голос остановил меня резкой фразой:

— Ты случайно не эту пропажу ищешь?

Ощущая, как вдруг поджилки затряслись от страха, я резко обернулась, но увидела только сидящую на корточках девочку лет шести-семи. Темненькая, смуглая красавица в зеленом платье в цветочек, смотрела на меня и молча улыбалась. Вот только от этой улыбки мне становилось жутко.

Непроизвольно сделав пару шагов назад, я уперлась спиной в стену дома. В этот глухой двор не выходило ничьих окон, и я как то сразу поняла, что звать на помощь бесполезно. Услышать может, и услышат, но помогать мне точно никто не будет. Меня сюда завели целенаправленно, зная, что мимо пройти просто не смогу.

Глаза у девочки начали стремительно меняться. Жуткая, желтая радужка и вертикальный зрачок, в точности, как из моего сегодняшнего дня. Только там сколько я не бежала, пытаясь скрыться хоть где-нибудь, так и не смогла...

Всего одно мгновение и вместо маленькой хрупкой девочки, напротив меня стоит уверенный в своих силах мужчина лет сорока, плотный, с короткими русыми волосами и зарубцевавшимся шрамом, протянувшимся от нижней губы до самой ключицы. Оружия при себе я у него не заметила, хотя он был одет в добротный кожаный доспех, как будто был солдатом из контрактников. Я сегодня таких персонажей в Самашто уже видела, они отдыхали и наслаждались жизнью в городе, пока были в увольнении.

— Я не военный, — широко улыбнулся мужчина, демонстрируя ряд безупречно ровных и белых зубов, — не стоит так сильно ограничивать мои способности.

Вот почему-то я ни капли не сомневалась, что они-то как раз у него безграничные или приближаются к таковым. От него веяло чем-то таким страшным и запретным, что я никак не могла разобраться в своих собственных ощущениях. К нему одновременно и тянуло и хотелось сбежать, куда глаза глядят.

— Ну, здравствуй, девочка моя, я так долго искал тебя, не один год потратил, — с каким-то отеческим умилением разглядывая меня, произнес мужчина.

— Искал, искал, пока не понял, что в Хаадрате тебя нет и ты на Большой Земле, где засечь таких уникальных носителей, как ты, труднее всего. Там практически не срабатывает никакая магия.

— Хаадрате? — с трудом справляясь с не прошеной дрожью в ногах, спросила я. Слово «носитель» мне сильно не понравилось, но лезть вот так с ходу в бутылку, я не решилась.

— О, старик Отто как обычно в своем репертуаре, не удивлен, — мужчина так яростно расхохотался, что шрам зажил своей жизнью и задвигался туда-сюда, — как обычно не считает нужным ничего рассказать? Он, наверное, про меня тебе тоже ни словом не обмолвился, чтобы голову не забивать? А про твоих родителей?

Меньше всего мне хотелось знать что-то про родителей и тем более от мужика, от которого у меня дрожь по всему телу. Не то, чтобы я испытывала какую-то злобу на них, но когда-то очень давно я уже закрыла для себя этот вопрос и не хочу к нему возвращаться. И не ему лезть ко мне в душу!

— Я понятия не имею, кто вы такой, — с трудом разлепив ссохшиеся губы, проговорила я, — и о чем тут говорите. Но главное хотите знать?

Мой собеседник явно заинтересовался моей несговорчивостью и весь как-то позвериному подобрался.

— Продолжай. Я безумно любознателен.

— Мне все это не интересно и знать я ничего не хочу, потому что я — не

любезна. То есть совсем.

Я попыталась было сделать шаг, но он в два счета оказался рядом со мной и попытался схватить меня за руки. Вовремя вывернувшись, я побежала в противоположную сторону от странного человека. За спиной раздалось злобное шипение, и ощутив вдруг дуновение ветерка, я практически со всего размаха упала на локти и едва не перевернувшись на скорости через голову, затормозила телом о брусчатку.

— Прости, девочка, — ничуть не раскаиваясь, произнес преследователь, подходя ко мне и присаживаясь рядом, — больно? А вот не надо было убежать, я ничего плохого тебе сделать не хотел, только поговорить.

Решив не выказывать перед этим извергом слабости, я как могла на разбитых коленях и руках попыталась приподняться и сесть. Голова кружилась и гудела, а ушибленные конечности сильно саднили.

— Конечно, я рано пришел к тебе, но не познакомиться не мог. Ты чудо.

Острые крылья носа мужчины затрепетали подобно бабочкам, он жадно вдыхал запах крови от разбитых конечностей, а глаза постепенно пьянели. Все это я отмечала с ужасом, понимая, что человеческого в нем еще меньше, чем даже в дриаде или орке.

— Пришлось немного запутать тебе ноги, а то они слишком резво они бегают. Так как насчет того, чтобы поговорить со мной?

— Если у меня есть выбор, то я предпочту отказаться, — упрямо проговорила я, но не потому, что хотела позлить тигра, потаскав того за усы. Просто было жутко находиться рядом с этим типом, и смириться с этим было невозможно. Все мое нутро кричало, чтобы я сматывалась отсюда как можно быстрее и дальше.

Мужчина наклонил голову на плечо, смотря на меня, как на диковинную певчую птичку и готова поклясться, думал, насколько у меня может быть хрупкая шея. И в этот момент я четко поняла, что пока могу считать себя в относительной безопасности, поскольку ему зачем-то нужна моя жизнь.

— Правильно, — снова прочитав мои мысли, улыбнулся он, — я очень хочу с тобой дружить. Даже более того, стать тебе единственным и верным другом. Совсем скоро ты поймешь, что кроме меня тебя никто не поймет и во всем Хаадрате не найдется более близкой души, чем моя.

Спаси меня господи от друзей, а от врагов я и сам...

— Что такое Хаадрат? Ваш мир?

— Да, милая, ты правильно подумала, — продолжал улыбаться незнакомец. — Обожаю Отто, он даже не счел нужным рассказать тебе, откуда ты родом и что из себя представляешь. А зря, может быть, тогда сейчас ты так сильно меня не боялась. Удивлена? Я чувствую все, что с тобой происходит, даже с какой частотой бьется твое сердце.

— Вообще он пытался, но...

— Но не смог, — понятливо закивал он, — девочка моя, ты одна из прямых потомков самого талантливого создателя Сангреаля, именно твой предок Лукос Шимаре пожертвовал часть своей плоти, души и крови на этот великий артефакт. Именно благодаря его способностям, кубок мог творить свои великие чудеса. Знаешь, почему про его род говорят — Великая кровь, хотя сам он называл своих детей химерами со Злой кровью? Твой предок был великолепным ученым.

— Догадываюсь, — чувствуя омерзение от всего происходящего, сплюнула я, — даже фамилия похожа, Шимаре — химера.

Мужчина радостно закивал мне:

— Это действительное производное название пошло от него самого. Красавица моя, у тебя в роду очень мало человеческой крови, гораздо меньше, чем в детях Лукоса и его внуках, поэтому она так ценна. Он сумел вывести идеальную формулу по скрещиванию биологических видов, но, к сожалению, никому ее не показал. Ты продукт гения, само совершенство, жаль, что твоя сумасшедшая бабка не оценила трудов своего родственника, считая его демоном. Хотя может она и не так далека от правды, у него определенно есть родственники и с той стороны.

По мере того, как этот сумасшедший говорил, мне все больше хотелось испариться из этого места. Я — результат бесконечных скрещиваний? Просто с ума сойти, он говорит обо мне, как о какой-то особо ценной породе собак. Сейчас еще скажет, что меня вообще вывели в лаборатории через пробирку, а родителей, по сути, у меня вообще нет, только доноры!

— Ты ведь уже успела открыть в себе величайший дар врачавателя от своего предка? От драконьего следа способности к стихийной магии, пусть и не в полной мере, от сильфов талант к ментализму. Что-то определённо есть еще, что в тебе он намешал, правда? Пока не ты, ни я еще этого не знаем...

Он максимально приблизил свое лицо ко мне и прошептал прямо в губы:

— Я очень хочу узнать, что в тебе запрячено еще, поэтому пока не предлагаю пойти со мной. Но знай, я твой самый большой друг и все равно скоро мы будем вместе, как только ты будешь готова.

— Друг, который даже имени своего не назвал?

— Можешь называть меня Художником, — рассмеялся он, — так я могу рассчитывать на твое расположение?

— Это вы убили новых послушников в храме Ордена? — неожиданно, для самой себя вдруг спросила я, хотя ответ и так был очевиден. Можно было говорить все что угодно и слышать любые его ответы, только бы он так не смотрел на меня и не говорил с маниакальным пристрастием о дружбе!

Художник немного поменялся в лице, услышав мое обвинение.

— Убил? Нет. Я всего лишь убираю преграду, которая мешает мне, загораживает путь. Какое же это убийство? Мне нужна была только чаша, и я ее взял, хотя те люди почему-то не хотели отдавать ее мне.

Господи, угораздило же нарваться на сумасшедшего, всего немного не дойдя до академии.

— Сангреаль ждет тебя, он твой по праву, он зовет свою хозяйку каждый день, разве ты не слышишь? Ты не представляешь, во сколько раз он может усилить и раскрыть твой талант, ты сможешь возвращать к жизни тех, кто умер даже день назад. Нужно только дождаться, когда проснется дар от смещения рас, твоя прекрасная злая кровь.

Все что он говорил, звучало так грязно, что я передернулась от отвращения.

— Ты хотела спросить совсем другое, — вдруг посерьезнел он. Я подняла голову и долго смотрела в его демонические глаза, видя, как возбужденно подрагивает тонкий зрачок.

— Вы же некромант?

Мужчина скривился:

— Наслушалась этих идиотов? Милая моя девочка, смотри на мир шире, нам с тобой предстоит многое сделать вместе на его благо, поэтому не ограничивай свое сознание общением с людьми, которые этого не достойны!

— Может быть вы и правы, но вас это определенно задело... — с усмешкой проговорила я, и эта вполне невинная фраза буквально взбесила его.

Он схватит меня за горло, но душить не пытался, просто каким-то образом полностью парализовал мое тело. Как я мешком обмякла в его руках, а он, пробуя мои губы на вкус, попытался мягко поцеловать меня. Это было настолько омерзительно и унижительно, что я внутренне собравшись каким-то образом, обрела возможность двигаться и с силой оттолкнула его от себя.

Взревев как раненый зверь, он тут же подскочил и занес руку для удара, но не успел ничего сделать. Взметнувшаяся быстрая тень снесла его к стенке и со всего размаху ударила о фасад дома. Меня бы после такого удара потом надо было бы собирать по частям, но он, заорав нечеловеческим голосом, просто взял и... исчез.

Я тупо смотрела туда, где он только что находился, и не могла поверить, что можно так легко и просто переместить свое тело в какое-то другое место.

— Тебя совсем нельзя оставлять одну, — мягко пожурился, склонился надо мной Самаэль.

— Спасибо, — сердечно поблагодарила я синигами, с облегчением понимая, что меня только что спасли. Вспомнив, что как будто я целовалась с мертвой склизкой улиткой, тут же попыталась отплеваться. Так мерзко мне никогда не было!.. Стоп. А ведь он был мертвенно холодным и не дышал, это точно, я не чувствовала биения сердца, просто не было возможности заострить на этом внимание. И главное, у него не было никакого энергетического поля, как такое возможно?

— Кто это был? — хмуро поинтересовался Самаэль, осматривая мои разбитые конечности. Взяв мои ладони и развернув их к себе, он попытался оттереть от них кровь и грязь на сухую. Но с таким же успехом можно было попытаться ручным способом укладывать асфальт.

— Я не знаю, — честно призналась я, ломая голову над тем же вопросом, — Самаэль, как можно быть таким сильным магом и при этом мертвым?

— Что ты имеешь в виду? — слегка нахмурился парень с серебряными волосами, поглаживая мои руки, будто меня могло это хоть как-то успокоить. Я тут же поделилась с ним своими мыслями, и он нахмурился еще больше:

— Это не просто некромант. В нашем теле именно душа запускает импульсы в сердце, если ее нет по какой-то причине, человек становится просто живым трупом. В таком случае жизнь в теле держится за счет другого звена.

— Поясни?

— Чтобы сохранить все свойства, которые у него были при жизни, он должен был вручить свою душу кому-то более могущественному, чем он. Не знаю, кто это был, но он явно заключил с кем-то договор, находясь при смерти. Этот договор и держит сейчас жизнь в его теле, иначе бы он давно гнил в земле.

— Какой ужас... — пораженно прошептала я, — у вас не мир-сказка, а просто какая-то фантастика, причем не добрая.

Тут по следам Самаэля прибежал перепуганный Лерой, и нам уже было не до разговоров, хотя я хотела бы еще немного с ним поговорить.

Увидев меня, вполне целую и почти что невредимую, он несказанно обрадовался, пообещал меня запереть в моих же покоях, а если не поможет, то привести к себе и там привязать. А также мне предстояло теперь всюду появляться в грозном сопровождении, и даже в уборную предполагается ходить с охраной.

— Лерой, прекрати нести ерунду, — рассердилась я на веселого парня. Для него вся эта ситуация предстала как неплохое приключение, меня же все больше и больше тревожили слова Художника о том, что я из себя представляю и что мы еще встретимся, ведь я ему так нужна.

Не зная, правильно ли я делаю, но по-другому быть просто не могло, все-таки Самаэль рисковал своей жизнью, тот странный мужчина был гораздо сильнее его. Странно, что он так просто взял и испарился, хотя видимо просто не пришло время и ему не хотелось привлекать к себе лишнее внимание. В общем, я собралась с духом и рассказала все ребятам, начиная с утра того самого дня, когда я очутилась в крепости Ордена Солнца.

— Я всегда считал храмовником немного сдвинутыми на своей вере, с которой они носятся с таким трепетом, но чтобы похищать девушку, — пораженно качал головой Лерой, — не проще было заручиться твоим согласием и поддержкой, рассказав тебе все?

— Я тоже думаю, что если все так, как ты говоришь, то на Большой земле было бы безопаснее, — задумчиво вставил синигами, — там по другому действуют наши законы, Художнику было бы сложнее добраться до тебя.

— Вернер же добрался, хотя всего лишь Комтур, — напомнила я товарищам.

— В любом случае, надо срочно возвращаться в академию, собрать ребят и там решить, что делать, — решительно заявил Лерой, — так же нужно будет сообщить ректору и твоему приемному отцу, они должны быть в курсе.

— Лерой, Самаэль, послушайте... — помявшись, заговорила я, не желая никого задеть, или не дай бог, обидеть, — я ценю вашу поддержку, что вы не испугались и готовы меня защищать, но не надо.

— Что? — молодые мужчины непонимающе переглянулись, а я, собравшись с духом выпалила:

— Вы не должны больше никому рассказывать о том, что случилось. Мне никто не сможет помочь, просто закроют где-нибудь, а я как была в неведении относительно себя, так и останусь беспомощной. Если Великий Магистр не посчитал нужным рассказать мне всю правду моего нахождения здесь, то и сейчас начнет выкручиваться.

— Это логично, — согласно кивнул Самаэль, внимательно следя за всем, что я говорю.

— Именно. Поэтому мне лучше будет, если я не буду ограничена в перемещениях и смогу учиться, так будет шанс что-то изменить. А потом да, разумеется, надо будет все рассказать.

— Просто сейчас не время, — было видно, что Лерою не нравится подобная ситуация, но не согласиться с моими доводами он не мог, — тогда и ребятам ничего говорить не будем, для их же блага. Одного только не могу понять, потомков создателей Сангреала было пятеро, и через столько столетий внуков и детей у него хоть отбавляй, почему выбор пал именно на тебя?

— Даже если предположить, что твой мир немного усилил твои способности, — подхватил Самаэль, внимательно следя за моей реакцией, — зачем так рисковать, чтобы приходиться за тобой потом еще раз? Проще найти другого носителя дара Сангреала, сговорчивее, а то сразу нескольких.

— Если такие и есть, то их единицы, — мрачно прошептала я и рассказала про Злую кровь, про которую я сперва хотела вообще умолчать. Нет, потом бы я обязательно рассказала им все, но не сейчас, когда так мало информации.

— Ну, дела... — пробормотал Лерой и вдруг просветлел, — мой отец, он прекрасный

врачеватель и был исследователем по теме Сангреалья, когда восемь лет назад весь Хаадрад захлестнула одна смертельная лихорадка. Группа талантливых ученых искала любую возможность к лечению заболевших и многие вцепились в этот артефакт, поднималось куча документов из засекреченных архивов, отец имеет к ним доступ и сейчас. Я поговорю с ним при первой же возможности, наверняка он многое знает об этом Лукосе Шимаре.

— А пока, мы можем перерыть библиотеку, — предложил в свою очередь Самаэль, — может что-то и найдем про химер, хотя я ничего не слышал о подобных экспериментах. У нас не приветствуются связи между расами, таких случаев практически нет. Магистрат редко дает разрешение на подобные браки.

— Библиотека аз-Зайтуна самая лучшая в мире, — покивал Лерой, возвращая себе привычное бодрое расположение духа. Видимо, когда он видел перед собой цель, у него появлялся смысл, иначе он превращался в тухлую амебу, которой и на диване то лежать лень.

— А что, у вас в администрации решают, можно ли тебе жениться? — полюбопытствовала я, чем вызвала у друзей нервный смех, наводивший меня на нехорошие мысли по этому поводу.

— Они могут не только разрешить, но и прямо указать, на ком лучше это сделать, — на полном серьезе заявил Лерой, — кровь мага и ведьмы достаточно ценный продукт, им не разбрасываются. Нас мало, Ярослава, привыкай к мысли о своей исключительности.

Ребята помогли мне, наконец, подняться на ноги и мы не торопясь поковыляли в академию. Вернее это я поковыляла, поскольку сильно ушибла оба колена, и они нещадно давали о себе знать, тем более идти мне пришлось босиком, а это тоже не доставляло удобства.

Едва на горизонте показался мост, как молодые люди начали мяться и озираться по сторонам. Я, уже порядком расходившись и чувствуя себя вполне сносно, подозрительно поинтересовалась:

— И что вы пляшете как зайцы?

— Ярослава, понимаешь... — неуверенно начал издали Лерой, но я на ходу перебила все его бляения.

— Ближе к делу, пожалуйста.

— Лерой хочет сказать, что нас ждут в одном очень милом кабаке, а поскольку еще рано возвращаться в аз-Зайтун и ступив на мост, обратно ты не выйдешь, он хочет попросить тебя самостоятельно дойти до академии, здесь рукой подать, — со смешками влез в наш разговор Самаэль.

С минуту я смотрела на друзей суровым взглядом, чтобы заерзавший Лерой в полной мере успел ощутить себя настоящим предателем, а потом рассмеялась:

— Конечно, идите, тут идти то всего ничего.

Лерой засиял, как солнышко после ливневого дождя и крикнув Самаэлю «догоняй», ринулся на встречу приятным приключениям. Хотела бы я сейчас пойти вместе с ними, но во-первых вряд ли они жаждут женской компании, а во-вторых, надо готовиться к завтрашним занятиям. Мне кровь из носу надо много узнать и понять, чтобы не трястись от каждого шороха, понимая, как я беспомощна в этом мире.

Самаэль стоял рядом и не пытался уйти вслед за товарищем.

— Спасибо тебе, не знаю, чтобы было, если бы не ты... — попробовала я поблагодарить синигами, но все слова казались пресными по сравнению с тем, какую огромную благодарность я чувствовала к нему. Я не умела читать по его странным глазам, но кажется,

и понял и больше того, что могла сказать.

Положив мне руки на плечи, он осторожно поцеловал меня в лоб и заглянул в лицо. Чувствуя себя неуверенно, я пробормотала:

— У тебя руки больше не холодные, почему?

— Мой гаш принял тебя, поэтому я больше не обжигаясь, — спокойно ответил он, — он не видит в тебе врага.

— Что такое гаш?

Самаэль чуть отодвинул меня руками, всматриваясь и с какой-то волнительной хрипотцой проговорил:

— Ты правда хочешь это знать?

Я замерла, не зная, что ему на это ответить. Явно вопрос синигами имел двойной смысл, но вот только какой именно?

— Эй, курсанты, — прокричал знакомый злой голос с другого конца моста, — вы либо идете в академию, либо не мозолейте мне глаза!

Крик Шармада словно отрезвил, Самаэль торопливо убрал руки и подтолкнул меня к мосту:

— Тебе нужно отдохнуть, а у меня еще есть небольшое дело в городе.

Чувствуя вину за его резкую перемену настроения, я попыталась удержать его, сказать, что можно поговорить вечером, но он грубо отпихнул меня и пошел обратно. А я стояла посередине дороги между аз-Зайтуном и Самашто и не знала, что и думать, как реагировать на подобную вспышку. Чем я могла так его обидеть?

— В конце концов, если захочет, сам расскажет, он не маленький мальчик... — решительно пробубнила я про себя и подволакивая левую ногу, которая снова дала о себе знать, побрела в сторону своего нового дома.

В конце моста меня встречал разъяренный орк. И ладно бы он просто так злился, что у него что-то случилось, так он схватил меня за плечо и принялся трясти:

— Ты совесть потеряла или разум?

Видимо сегодня для меня предел был исчерпан, потому что я не думая о том, что передо мной стоит преподаватель по боевым практикам, что есть силы толкнула его и точно таким же голосом прокричала:

— А ты что потерял, если позволяешь себе орать не просто на курсантку, а на женщину?

Орк с трудом сдерживался, я это прекрасно видела по прыгающим на лице желвакам, но почему он злился на меня, было не понятно. Потом он увидел, что у меня порваны джинсы, а я сама вся перемазалась в крови и грязи, переменялся в лице.

— Что случилось?

— Хулиган какой-то напал, а Самаэль помог и проводил до академии, — почти что не соврала я, — так что случилось?

— Хулиган? — не хорошим голосом пропел Шамрад, — видимо в городе пора снова ставить патрули.

Потом он сделал то, чего я никак не ожидала: подхватил меня на руки и понес в академию. Если он собирается так нести меня до самой двери, а сил у него точно хватит, то я просто со стыда сгорю. По пути встретила небольшая группа новоиспеченных курсантов и увидев нас, они встали как вкопанные, с диким любопытством в глазах следя за каждым шагом орка.

Тронув его за руку, я взмолилась:

— Шамрад, я и сама могу прийти, отпусти меня, пожалуйста!

— Утром уже отпустил, — сквозь зубы процедил он, — еле живая обратно вернулась.

В каком-то смысле он был, конечно, прав, но все же хотелось убедить его в обратном. Впереди замаячили еще курсанты и тут я уже не выдержала и завопилась у него в руках, требуя меня отпустить, но он даже не считал нужным мне отвечать. Так я и проделала путь до самой двери, у которой он осторожно поставил меня на ноги, а потом прислонил к стене и горой навис над головой.

— Ярослава, поскольку ты не из наших мест, то для начала тебе простительно увлечься беловолосым красавчиком, и некому тебя предупредить, что этого не стоит делать.

Поискав в кармане ключи, я достала их продемонстрировала их орку, прямым текстом говоря, что не стоит посторонним лезть туда, куда не надо. Он вздохнул, закатив глаза:

— Синигами не женятся на человеческих девушках, никогда. Он выпивают их, потом берут другую, дарят временное счастье и все повторяется.

Я хотела послать его со своими фантазиями по поводу замужества, но последняя фраза успела меня зацепить.

— Что значит выпивают?

— Синигами, это ледяные духи, — охотно пояснил орк, видя, что наконец нашел во мне отклик, — им поклоняются множество северных народов, это их божества смерти. И если в тебе течет теплая кровь, они просто используют тебя для пополнения своего энергетического запаса.

— Он вампир что ли?!

— Нет, — поморщился моей неосведомленности Шамрад, — они не пьют ее, просто греются о тепло человеческой женщины, заметила, какая холодная у него кожа?

— Но ты сказал выпивают?

— Женщина, на которую обратил внимание синигами, очень скоро начинает стареть быстрее своих лет, слабеет, появляется множество болезней. Продолжать?

— Жуть какая, — меня даже передернуло. Перед глазами стояли черные отражающие глаза Самаэля, а потом прикосновение теплых рук к обнаженной коже.

— К сожалению, такие как этот парень, часто находят себе девушек, которые рады разделить с ними последние годы своей жизни, и называют их проводницами. Женщина не может отказать, она полностью покоряется их магии, устоять не возможно. Поэтому, чтобы не попасть под его чары и не погибнуть, держись от него подальше.

Я чувствовала, что орк не врет и действительно, так все оно и есть, но от Самаэля не исходила опасность, вообще никакая. Я хорошо вижу такие вещи, а здесь, в Хаадраде это способность обострилась во много раз. И вот что-то меня волновало, что-то не правильное.

— Что такое гаш?

Услышав это, орк вытаращился на меня, как на диковинное создание и крянул от досады:

— Откуда ты взяла это слово?

— Может, сначала ответишь?

— Тебе совсем не нужно это знать, это очень опасная тема, поняла, — прорычал он. Сама не знаю почему, но после этого он сильно разволновался и уже не мог это скрыть.

— Все гораздо серьезнее, чем я думал, — наконец выдал он, и выхватив у меня из рук ключ, быстро открыл дверь и затолкал меня туда со словами, — не приближайся к нему, ты поняла?

Обожаю, когда посторонние люди пытаются ставить мне условия, особенно такие, которые я не собираюсь выполнять. А Самаэль, чувствую, огребет у меня, за то, что не рассказал раньше о своих некоторых особенностях. А если бы с первой минуты на него, как говорят девчонки-однокурсницы, запала, чтобы со мной было?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

— Доброе утро, барышни, — широко улыбаясь нашим сплошь хмурым, не выспавшимся лицам, бодро продекларировал Шамрад.

Боевая подготовка начиналась в шесть утра. Чтобы попасть на нее, пришлось одевать что-то наподобие черного кимоно за неимением иного, поскольку в Самашто продавали спортивную форму только для мужчин. Самым маленьким размером такой одежды я могла бы обернуть себя несколько раз. Поэтому еле успев доковылять до полигона Виллы Мистерий, я, конечно же, привлекла к себе внимание.

Наш оперативный факультет, тридцать здоровых молодых людей, все как один, одновременно присвистнули, и не будь рядом орка, я однозначно бы сгорела со стыда от их комментариев. Придется держаться к Шамраду поближе во время всего занятия, потому что лишние конфликты мне нужны, а за себя я не ручаюсь. Это сначала я могу немного стусеваться, но подобное чувство, когда тебя пытаются загнать в угол, мне быстро надоеет и тут то я за себя не отвечаю.

— Дорогие мои оперативники, — продолжал Шамрад, — вы уже заметили, что вы здесь не одни, поэтому запоминайте, что я вам сейчас скажу. Кроме ваших прекрасных глаз, с вами на парах будет присутствовать еще один факультет ведающих. Поприветствуйте однокурсников.

Напротив нашей растянувшейся шеренги и правда стояло пару десятков молодых парней и девушек. Насколько я знала, совместные занятия в аз-Зайтуне не приветствовались. Но увидеть вживую представителей другой магической касты мне было очень интересно.

Еще вечером я разузнала, где в академии располагается библиотека и сразу же атаковала местный архив. Приятный румяный старичок, заведующий бумажным сокровищем был несказанно рад увидеть в моем лице свою будущую верную поклонницу и с радостью помог отобрать книги о их мироустройстве и самой академии.

Именно там я и узнала, что на самом деле маги, колдуны, ведьмы и ведуньи на самом деле имеют между собой массу различий. Так странно понимать, сколько этот мир на самом деле таит в себе нюансов в отличие от моего дома, где на первый взгляд черное это черное, белое это белое. Здесь же все было совсем по-другому.

— Кто же так приветствует? — удивился Шамрад, когда мы вяло выдавили из себя нечто среднее между «доброе утро» и «привет».

— Я думаю, вы еще не поняли, куда вы так опрометчиво стремились сдать вступительные испытания, — как-то зло прохрипел орк и махнул рукой, давай отмашку, — четыре круга по стадиону и выстраиваемся в том же порядке на этом же месте.

Я не была спортсменкой в самом высоком проявлении этого слова, но помня детское увлечение плаванием и физической подготовкой к соревнованиям, бегать любила. Поэтому немного повзрослев, дома, я частенько в свободное время посещала просторные дорожки Измайловского парка. Он был достаточно не ухожен, поэтому прогуливающих людей, которые могли помешать наслаждаться свежим воздухом и природой, было не так много.

Два круга дались мне достаточно спокойно, я нашла свой темп и не гналась за скоростью, тем более никто в этом нас не ограничивал.

— Я ошибся, — вдруг крикнул Шамрад, прогуливаясь по центру полигона неспешной походкой.

— Вы не барышни, те хоть стараются исполнять приказы из-за внутренней потребности подчиняться. Вы же, просто курицы, ленивые, тупые и такие же неторопливые. Вы так перекатываться по полю до самого вечера собрались?

Бежавший рядом со мной Лерой простонал:

— Я наивный глупец раньше думал, что у нас отец как наставник просто зверь, теперь вижу, что хуже орков быть не может! Кто же сразу с шести километров начинает?

— Все приходит с опытом, брат, — философски заметив пробежавший мимо Идрис и притопив, умчался вперед. Из них двоих младший оказался в более лучшей спортивной форме, о чем я с радостью Лерою и сообщила. Тот даже не стал скрывать, как ему было обидно получить подобный комментарий от женщины.

— Я посмотрю на тебя, когда ты в спарринг встанешь, — мрачно хохотнул приятель, и тут я поняла, что он прав. Пробежать, попрыгать через скакалку и заняться растяжкой совсем не то же самое, что драться. С последним у меня возникнут проблемы, поскольку я просто не создана для физического превосходства над противником. Чем думал ректор, когда отправил меня на факультет Оперативников?

Наконец оба факультета, взмыленные и раскрасневшиеся от подобной нагрузки, выстроились друг напротив друга, растянувшись в цепочки. Шамрад, приподняв темные густые брови, встал напротив двух ведуний, державшихся за бока. Мне было не понятно, как можно бегать в длинных платьях с тугой шнуровкой на корсажах, пусть и с обувью на плоской подошве. Ничего удивительного, что девушкам сейчас хотелось лечь прямо на землю и умереть.

— Курсантки, — почти нежно протянул орк, с радостным изумлением оглядывая новый писк моды в спортивной одежде, — вы чем думали когда одевали платьяца? Здесь не урок хороших манер с танцами.

— Простите? — сильно удивилась самая миловидная из них двоих. Но Шамрад лишь покачал головой и обернулся ко всем нам.

— Курсанты, запомните этот момент. С этого года боевая подготовка в той или иной степени будет преподаваться всем факультетам, всем курсантам не зависимо от пола, это решение вчера принял ректор. Поэтому у кого нет спортивной формы, курсантка Краснословская, к вам это тоже относится, то на следующих выходных вы можете отправиться в город и купить ее. Всем магазины и ателье будут в курсе новых потребностей академии. Всем понятно?

Понятно было всем, кроме меня. Я подняла руку и удостоилась очень недоброго, косога взгляда, но меня подобные фишки никогда не останавливали.

— Что вам не понятно?

— Все, кроме одного, почему вы отчитываете нас за то, что не потрудились объявить вчера, в каком виде являться на занятия?

На полигоне замерли все, даже птицы. Шамрад резко развернулся в мою сторону, но торопить не стал. Так же спокойно я продолжила выражать свое несогласие с подобной постановкой вопроса, что мы виноваты в чужой неадекватности.

— Девушки никогда раньше не посещали подобных занятий, откуда им знать, что их тут

заставят бегать, если раньше в аз-Зайтуне подобные уроки преподавались только мужчинам?

— А словосочетание «боевая подготовка» вам ни о чем не говорит? — ровным голосом произнес Шамрад. Наверное, мне не стоило поднимать эту тему, но отступить было уже поздно, да и не люблю я когда цепляются просто так, потому что это надо сделать.

— Я примерно представляю, поэтому и купила подобие вашей формы, за не имением другого. Так что не забудьте ваши претензии направить еще и поставщикам одежды для академии. Но вот девушки вряд ли понимали, что им предстоит. Дамы, вас дома родители заставляли бегать?

Девушки испуганно покосились в мою сторону, но подать голос не смогли, только отрицательно покачали головами. Но мне и этого было вполне достаточно: я уже высказала то, что хотела.

— Хорошо, будем считать это нашей не доработкой, — наконец процедил орк и отвернулся от меня, пока я не ляпнула что-нибудь еще.

— Как я уже сказал, в выходной день вам будет предоставлена возможность посетить ателье и магазины с готовой формой. Чтобы подготовиться к следующим занятиям на полигоне. Вопросы есть?

Лерой молча поднял руку. Было видно, что орк не хочет давать ему слова, видимо думая, что раз он мой приятель, то захочет продолжить этот балаган, но делать было нечего.

— Я слушаю.

— Почему Оперативный факультет теперь будет тренироваться с Ведающими?

— Потому что два ваших факультета сталкиваются с реальными боями в жизни и вас надо подготовить, чтобы вы не умерли в первую же минуту, — любезно разъяснил орк, — вы готовитесь на службу в департаменты по безопасности в разные королевства. Я в конце вашего обучения отберу только пятерых самых лучших, кто будет служить в отделе специальных расследований, поэтому только эти пятеро счастливчиков летом на практику поедут со мной в великий Адальвор и на деле попробует, что значит подобная служба.

Все зашушукались между собой, но эти разговоры прошли мимо меня, поскольку я понятия не имела что это такое и с чем едят. А Шамрад тем временем продолжил:

— А ведуны и ведуньи в своей работе постоянно сталкиваются со всякого рода нечистью и прочими тварями, досаждающими населению. Их необходимо зачищать с наименьшими для себя затратами. Подобная подготовка им так же жизненно необходима.

Вот это как раз и есть различие между ведьмой и ведуньей. Последние не отделяют себя от природы, преданно служат ей. Свою силу они поддерживают, постоянно воздавая дань личным тотемным животным и идолам. Знания и саму силу им дают духи природы. Этот дар изначальный, ты либо рождаешься со «знанием», либо нет.

С ведьмами все было гораздо сложнее, потому что ими могут быть только женщины и изначально это не совсем люди, так как их сила имеет не человеческое происхождение, она не передается через кровь. Только принимая решение быть ведьмой и пройдя специальную процедуру инициации, девушка получает доступ к информации. И чтобы работать, такая женщина брала энергию от своего окружения. Чем больше он высосет, тем лучше себя чувствует. Пока я не прочитала про это, то думала, что словосочетание «энергетический вампиризм», это просто аллегория. Оказалось все совсем наоборот.

Ведуны служат свои духам и оберегают от порождения тьмы и не удачных экспериментов обычных людей. Ведьмы же не считают себя обязанными кого-то защищать, они сами для себя и сами по себе. Такая не пойдет ночью на кладбище, чтобы спасти

деревню от разбушевавшегося вурдалака.

— Многие меня еще не знают, так что давайте познакомимся, — более вежливо, чем в самом начале, предложил Шамрад.

— Меня зовут Шамрад Кассар и обращаясь ко мне, вы должны говорить «господин преподаватель». Когда-то я был сыном одного известного ярла, что присоединился к Его Величеству Уэстфорду Второму.

Если я не ошибаюсь, то ярлами у нас называли высшую знать, племенного вождя. Если в Хаадаре используются те же самые обозначения, то Шамрад не так прост, как мне показался вначале.

— Как вы знаете, эта академия известна именно своим разнообразием в программах обучения из-за наличия преподавателей из разных стран.

Идрис, стоящий сзади меня, громко хрюкнул, то ли от неожиданности, то ли специально, кто его поймет. Но этот короткий смешок привлек ненужное внимание орка. Со спокойной улыбкой хозяина положения, который из-за внушительных клыков выглядел достаточно хищно, орк замер напротив братьев-врачевателей.

— Варн Ярдлеи, — почти ласково произнес орк, — давно хотел познакомиться с сыновьями самого Януша.

— Вы знакомы с нашим отцом? — изумился Идрис, тут же перестав кривляться.

— Он начинал службу следователя в моем департаменте, только под конец решив, что лучше лечить людей, чем защищать корону от посягательств из вне. Я рад, что благодаря его младшему сыну, у меня появился достойный повод написать ему.

Идрис тихонько застонал, видимо, наконец, поняв, что никто с ним шутить не будет, а воспитанием пусть лучше занимаются его собственные родители.

— Так на чем я остановился? На преподавателя... В Академии всего семь факультетов, которые в свою очередь дробятся на разные специализации. Факультет Целительства, кто знает, чем занимаются его выпускники?

Руку подняла тоненькая рыжеволосая ведунья лет шестнадцати на вид. Было видно, что она жутко всего боится, но ясные синие глаза держала широко распахнутыми, а острый подбородок постоянно стремился ввысь. И кстати, она была единственной из девушек кроме меня, кто был одет не в платье.

— Курсантка...

— Ядвига, господин преподаватель. Я из Роси, Старой Ладogi.

— Словенка? — чуть более благосклонно проговорил Шармад, убрав из голоса нотку превосходства. Я вся подобралась, услышав знакомые названия и запоминая, как выглядит девушка. Это же надо, как я не подумала, что в иной реальности, может быть и иная родина? Какая разница, что здесь все другое, но дух то един не смотря ни на какие границы!

— Так чем славятся целители?

— Они работают в здравницах, в армиях, ведут частную практику или занимаются исследованиями в областях продления жизни и здоровья. Профессор Васелина отбирает лучших выпускников для Здравной Купели, куда они уезжают по протекции и работают при дворе нашего Великого Кнеза, где был открыт удивительный исследовательский корпус по вопросам лечения боевых ранений.

— Кратко и по делу, молодец.

Рыжеволосая девчушка зарделась от удовольствия, получив заслуженную похвалу, и как будто даже стала выше ростом.

— Второй факультет это вотчина прорицателей. Мы не будем подробно останавливаться на этом направлении, скажу только, что сегодня астрологи, тарологи, предсказатели и провидцы, очень популярны при домах ведущей аристократии и заняты по большей части именно в частных практиках. На государственной службе они практически не задействованы. Какие еще факультеты вы знаете?

Рядом дернулся Лерой и чуть ли не выпрыгнул вперед, так ему хотелось привлечь внимание Шамрада. Видимо они с братом очень сильно боялись нагоняя от отца. Видимо эта мысль пришла в голову и самому орку, потому что, спрятав усмешку, он кивнул ему:

— Говори.

— Факультет практической магии. Он выпускает основных мастеров, занятых в сфере магии. Это демонологи, заклинатели, иллюзионисты, стихийники...

— Все, все, я понял, молодец, — поспешил Шамрад остановить разошедшегося парня.

— Есть еще факультет Ведьмовства, но на их занятия курсанты с других потоков не ходят. И теперь самый малочисленный по количеству участвующих, но не по качеству — Оперативный факультет. Элита. Избранные единицы из самых лучших кадров.

Орк обвел притихших ребят многозначительным взглядом опытного пропагандиста. Я прямо-таки физически ощутила, как большинство присутствующих зажглись на цепляющие слова об избранных и лучших кадрах. Эти теперь из кожи вон будут лезть, но доказать, что дескать они самые-самые, при этом уже нет разницы, какую именно награду они за этот трудовой подвиг получают в конце.

— Из вас сделают специалистов не только в сыскарном и охранном деле, но и узконаправленных профи. Большая часть из вас все-таки отправиться служить в отделения своих стран выявлять преступников, охранять закон или чей-то покой частным путем.

Шамрад остановился напротив меня. Мне вдруг вспомнился старый американский фильм «Солдат Джейн» и я, как в том самом фильме, вытянулась в струнку и подобно той героине, гордо задрав подбородок, придав взгляду загадочной героичности, уставилась прямо перед собой. Единственное, бриться на голо я точно не стану.

— Но только пятеро счастливцев будут отобраны для службы в особом отделе по охране монаршей семьи Адальвора. Курсантка Краснословская, вам опять что-то не нравится, вы так старательно отворачиваетесь от меня?

Ну, вот что он опять ко мне прицепился, я ведь стою себе спокойно и просто молчу? Не объяснять же ему, что эта поза называется солдатской выправкой. Еще подумает, что я над ним издеваюсь, вообще озвереет.

— Нет, я просто в восторге.

— Господин преподаватель, — с нажимом повторил Шамрад, а я, не смотря на затекшую шею послушно повторила:

— Я в восторге, господин преподаватель.

— Ярослав, — шикнул стоящий рядом Дионис, — не провоцируй его.

Да вы сговорились что ли? Мне вообще нет до него никакого дела, он сам ко мне цепляется!

— Так может, поделитесь со всем нами причиной столь бурной эмоции? Мы тоже хотим приобщиться к этому.

Не преподаватель, а репейник какой-то, с ядовитыми колючками.

— Всегда мечтала окончить подобное элитное заведение, чтобы стоять за стулом коронованной особы и следить, чтобы она за обедом не порезала пальчик о столовые

приборы. За это ведь еще и неплохо платят наверняка, — ровно проговорила я и после паузы вспомнила, что кое-что забыла добавить:

— Господин преподаватель.

Отовсюду послышались короткие смешки, но было не понятно, это смеются над моей дремучестью, а то вдруг здесь это действительно лучшее, к чему стоит стремиться. Или все-таки всех позабавило, как я выставила королевских няnek, в которых нас тут планируют превратить путем страшных испытаний.

Если мне суждено здесь остаться, то лучше пусть ректор переведет меня к целителям или на худой конец к ведунам. По мне гораздо приятнее выслеживать того же самого кладбищенского вурдалака или лечить очередному богачу сопли, чем всю жизнь пробывать в роли прислуги во дворце.

— За этим следят особо обученные паж и фрейлины, — спокойно отреагировал орк и смешки тут же прекратились, как будто их и не было.

— А охрана королевской семьи успешно занимается разведкой и предотвращением на всех уровнях опасных планов в отношении короны. Но вы не бойтесь, Краснословская, таких, как вы туда не берут. По крайней мере, пока я руковожу невидимками.

При слове «невидимка» половина курсантов чуть было не попадали ему в ноги, чтобы с благоговением смотреть снизу вверх на своего небожителя. Сам Шамрад выглядел вполне довольным, что ему удалось щелкнуть меня по носу.

Но время шло, а преподаватель начал заметно грустнеть. Видимо понял, что подобной колючкой меня из себя вывести не получится. Здесь нужно подходить со знанием дела и с полной ответственностью.

По его логике я сейчас должна была с пеной у рта доказывать, что лучше моей кандидатуры не найти и как он страшно ошибается на мой счет. Не объяснять же ему при всех, что, во-первых мне абсолютно все равно кто и чем тут занимается, кто и кому служит и прочие организационные вопросы. Во-вторых, не смотря на подписанный договор, я все же надеюсь улизнуть из этих не гостеприимных мест обратно домой. По крайней мере, я не брошу попытки найти выход из всей этой ситуации, куда я попала не по своей воле.

Шармад быстро понял, что участвовать в разборе «свежего мяса» я не буду, это пусть преподаватели высматривают себе перспективных бычков. И встав посередине поля, орк снова пошел в психологическую атаку и заорал:

— Все в ваших руках! Старайтесь, проявляйте упорство и после зимних каникул, я скажу, кто отправиться в великий Адальвор на практику в специальный отдел невидимок!

Как и следовало ожидать, полигон взорвался ликующими криками. Сколько же радости в службе чужому правителю, будто я и не перемещалась в другой мир. Или это просто человеческая природа везде одинаковая, куда его не закинуть?

— Еще круг, минута чтобы отдышаться и переходим к силовой части тренировки. Потом передышка и снова скоростная разминка.

Проходя мимо меня, он чрезвычайно довольным, урчащим голосом протянул:

— А потом плавно перейдем к технике. Курсантка Краснословская, тебе будет, что мне показать?

Только если как правильно плавать кролем или брассом.

— Это смотря что именно вы захотите увидеть, — в тон ему ответила я, забыв добавить фразу про господина и не спросив разрешения, бросилась в бег по полигону.

Рядом, дыша на последнем издыхании, бежал Дионис.

— Зачем ты его провоцируешь?

В прерывистом дыхании приятеля сложно было разобрать слова, но я справилась и тут же прикинулась дурочкой. Меньше всего мне с кем-то хотелось дискутировать на тему орка, потому что и сама не понимала, какая муха его укусила. На вступительных испытаниях он мне улыбался и старался поддержать, а сегодня того гляди и загрызет своей выдающейся челюстью.

— Кого?

— Преподавателя нашего, не ломай комедию.

— Дионис, ты бы лучше молча бегал и так дыхание ни к черту.

На этой фразе я резко увеличила темп и скоро пробежала положенное расстояние.

Когда все закончили, то разбрелись по разным помещениям, где стояли разнообразные тренажеры. Заглянув в какую-то светлую комнатку, я там так и осталась, с содроганием уставившись на древнюю конструкцию, чем-то напоминающее обычное конское стойло. К деревянному ограждению крепилась лебедка, множество веревок, кое-где подвешены грузы. Пыточный инструмент, не иначе.

Я торопливо развернулась и попыталась уйти отсюда, но была поймана крепкими руками и поставлена обратно.

— Я рад, что вы проявили внимание именно к этому тренажеру. Одевайте манжеты и вперед.

Орк протянул мне черные манжеты из плотной ткани и помог зафиксировать. Сглотнув, я мрачно поинтересовалась:

— У вас есть какая-нибудь служба по правам человека?

— Нет, — хмыкнул он и доверительно сообщил так тихо, чтобы это слышала только я, — признаться, я этого слова вообще не люблю, особенно касательно людей.

Покосившись в сторону «дыбы», я кивнула:

— Оно и видно.

— Ядвига, — крикнул орк, и в помещение заглянула веснушчатое очаровательное личико ведуньи из Роси. Увидев тренажер, она радостно всплеснула руками.

— Ой, у вас и Правило есть, как здорово!

Услышав, что эта страшная на вид штука ей знакома и при этом она радуется ей, как старой знакомой, я немного расслабилась.

— Ядвига, расскажи нам всем, что это такое, — довольно произнес Шамрад, скрестив мощные руки на груди. Рукава простой рубахи кремового цвета тут же натянулись и чуть не лопнули.

Девушка подошла ближе и прощепетала:

— Этот каркас придумали мои предки еще очень давно, мы на нем укрепляем тело и делаем его более выносливым, оздоравливаем.

— Странное название, — тут же поделилась я, вставая рядом с ним. С точки зрения врача мне теперь не казались пытками все эти петельки и веревки. Наверное здесь очень удобно заниматься растяжкой и вправлять позвоночник.

— Ничего не странное. Мы живем ПРАВильно, — попыталась пояснить она, — ПРАВим суставы, позвоночник, связки, осанку. Если здесь усердно заниматься, у тебя даже голос изменится, так сильно он влияет на силу твоего организма. Одеда манжеты? Пойдем, я покажу, как это работает!

Развив бурную деятельность, Ядвига быстро собрала волосы в косицу и перевязав их,

увлекла меня за собой. Через полчаса активных занятий, я перестала чувствовать даже пальцы. Повиснув дохлой медузой на деревянной перекладине, я простонала:

— Признайся честно, тебя кто-то нанял, чтобы меня уморить?

— Зачем такой сложный способ? — рассмеялась девушка, спокойно присаживаясь рядом.

— А чтобы никто не догадался, — припечатала я железной логикой.

— Меня Ярославой кстати зовут.

Девушка беспечно отмахнулась:

— Я слышала, как к тебе обращаются. Нелегко, наверное, быть единственной девушкой на факультете?

— Нелегко из другого мира было сюда приходить и пытаться все это принять, не сойдя с ума, а то, что я одна девушка, вообще ерунда. Я же не развлекаться сюда пришла, в конце концов.

Ядвига пораженно распахнула глаза и ухватила меня за плечи. От этого невинного захвата я взвыла как раненый волк и упала. По обыкновению такая реакция должна была быть только утром или на крайний случай к вечеру, но болело у меня уже все сейчас. Что будет после расслабляющего сна, я просто боюсь представить!

— Из другого мира? Как здорово! А откуда, чем ты занималась там? Между нами вообще много различий?

Вмешавшись в обычный женский треп, в комнату заглянул орк и увидел, что мы вполне целы и невредимы, очень недовольно позвал на сбор на полигоне. Я быстро шепнула девушке:

— Мы еще обязательно поговорим. Мы с тобой в некотором роде соотечественницы.

Девушка не поверив, чуть свела аккуратно подведенные брови:

— В каком смысле?

— Ты сказала Шамраду, что ты словенка, а в моем мире нас называют славянами. Старая Ладога у нас тоже была.

Девушка просветлела, но комментировать ничего не стала, только подхватила меня за руки и помогла дойти до полигона. Этот тренажер для нее был родным и простым, а мне просто хотелось лечь и умереть.

— Долго ходите, — что есть силы рявкнул орк, но обращался он не конкретно к нам, а вообще ко всем, кто в различном состоянии приполз и приковылял на поле.

— Не думал я, что у меня такие слабые девочки в команде. Завтра попрошу ректора увеличить для оперативников количество моих занятий, а некоторых впишу на факультативные занятия и видеть мы будем каждый день.

Не надо посещать занятия для прорицателей, чтобы предсказать, что в числе таких «способных» курсантов Шамрад впишет меня.

— Среди вас есть несколько представителей синигами, — успокоившись, обратился к нам орк, — выйдете в центр поля.

Из шеренги оперативников выделился Самаэль, выглядевший совершенно спокойно под прицелами испуганных взглядом своих же однокурсников. От ведунов выпорхнула светловолосая девушка и такой же парень, видимо брат с сестрой. Они оба несильно отличались от Самаэля, те же слегка заостренные уши, пергаментно белая кожа и серебристые волосы, собранные в сложные прически, ощущение холода, как будто все готово вот-вот замерзнуть, хотя до зимы еще было далеко. Единственное, глаза нашего синигами

были черные, а у этих двоих темно-синие.

Осмотрев их, орк остался доволен.

— Представитель клана Ледяного Острова и выходцы со Снежного Пика. Имена?

Тонкая девушка, с каким-то необычным выражением на прекрасном лице рассматривающая застывшего Самаэля, поклонилась преподавателю.

— Браоз и Лисаветта Монфор-л'Амори.

— Самаэль Корнуолл Мар.

— Детишки богатых родителей, — довольно проговорил орк, — другие сюда и не приходят. Но зато каждый из вас владеет особой клановой техникой и я хочу на это посмотреть. Лисаветта, встаньте обратно в строй, а вы двое, покажите мне, что умеете.

Самаэль никак не выразил своего отношения к происходящему и просто молча встал напротив своего нового оппонента. Браоз холодно улыбнулся, но так же не стал как-то приветствовать его, словно они прекрасно друг друга знали, и их отношения нельзя было назвать дружескими.

— Никогда не видел боя синигами, — возбужденно проронил Лерой, — только слышал, это должно быть очень захватывающе.

Я не стала ничего говорить, напряженно всматриваясь в Самаэля. Что-то мне подсказывало, что все так гладко не пройдет. Этот Браоз выглядел не только крупнее и старше его на несколько лет, но и опытнее.

Как началась их схватка, я даже не увидела, как и не поняла, что твориться на самом поле. Их вдруг окутал плотный туман, через который ничего нельзя было рассмотреть. Иногда до нас долетали короткие вскрики и туман по не многу рассеивался, мы видели только мелькание рук и ног.

— У них просто сумасшедший темп, — благоговейно прошептал Идрис, — жаль я еще не обладаю магическим зрением или хотя бы во мне нет орчьей крови, чтобы суметь понять, что там происходит.

Что такое магическое зрение я могла только догадываться, но вот если верить недавно встреченному мной Художнику, то у меня как раз есть толика этой крови. Но как я не прищуривалась и не напрягала зрение, разглядеть подробностей не могла.

Разозлившись на собственную беспомощность, я стала очень волноваться за Самаэля и видимо благодаря нервам, вдруг начала различать отдельные удары и целые связки, которые проводили противники. И Самаэль действительно сильно сдавал Браозу. Который с ним просто игрался, но делал этот очень жестоко, целясь в самые болезненные места. Увидев, как приятель упал, держась за бок, но из чистого упрямства пытается встать, чтобы дальше быть просто покалеченным, я бросилась к Шамраду.

— Шамрад, останови их, это уже не бой, а банальная драка, в которой осталось только добить.

— Как будто ты что-то в этом понимаешь, — отрезал он, не сводя глаз с поля. Глянув туда, я на мгновение застыла, а потом, плюнув на осторожность и орка, который зачем-то все это и спровоцировал, бросилась в наведенный туман.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Самаэль лежал на боку, одной рукой зажимая живот, а второй пытаюсь прикрыть голову. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять, что этот беловолосый мерзавец с какого-то там пика, специально нажал на какую-то точку, чтобы его парализовало и он не смог

сопротивляться. Вмешалась я вовремя: увидев меня, он не успел нанести свой последний удар и я даже не хочу знать, куда именно он целился.

— А ну прекрати! Здесь академия, а не место для расправ!

— Ты как прошла через туман? — словно не слыша меня, прошипел Браоз и с недвусмысленными намерениями направился в мою сторону.

Мне бы включить голову и убежать куда-нибудь в сторонку, так как у нас с ним явно разные весовые категории и я ему не соперник, но сделать я этого не успела. В круг одновременно вбежал наш преподаватель и сестра победившего синигами. Только вот бросилась она не к своему брату, а ко мне, как будто это не он собирался напасть на меня, а я.

Растопырив руки в разные стороны, она явно хотела вцепиться мне в волосы, а не обнять. По моему виду хоть и не скажешь, что я успешно занималась плаванием долгие годы, руки у меня были очень сильные и пользоваться этим я умела. Ловко отпрыгнув в сторону, я отвесила ей такую оплеуху по затылку, придав ее телу нужную скорость, что она отлетела на несколько шагов вперед, и запутавшись в полах длинного светлого платья, упала прямо на землю.

— А ну всем прекратить этот балаган, — рывкнул не вовремя очнувшийся преподаватель и налетел на меня, — Красновская! Тебе кто разрешал вмешиваться в поединок?

— Она меня ударила, вы все видели? — заорала Лисаветта, с трудом поднимаясь на корточки. Когда девица повернулась к нам, я торжествующе улыбнулась: нос и губы звезды были разбиты в кровь и в обычном мире заживали бы не меньше недели, а здесь хотя бы пару дней, но походит с подобной красотой. Может, дойдет, что на людей просто так бросаться нельзя. Тем более, если это не знакомые люди.

— Если бы я не вмешалась, он бы травмировал его, вы хотите за это отвечать перед ректором?

— Кто тебе сказал эту ерунду? Для них это обычный учебный бой.

— Поэтому он его обездвигил и хотел ударить лежащего?

Орк закатил глаза, но все же пояснил:

— Он не собирался его бить. Награда за выигранный бой, это энергия. Монфор-л'Амори просто забрал бы причитающийся приз, твой приятель провалялся в больничном крыле пару дней и стал бы умнее.

Туман медленно, но верно рассеивался. К Лисаветте тут же кинулась пара ведунов и помогла ей подняться, остальные же наоборот шагнули подальше, чтобы в разгорающемся скандале никого не задело. Но когда к нам с угрюмыми лицами подошли братья Ярдлеи и даже трясущийся Дионис, я испытала странное облегчение. Почему-то теперь я была точно уверена, что все у меня здесь будет хорошо. Одно дело броситься прикрывать от прохожего девушку, это можно списать на инстинкт защитника, адреналин. А вот так, прекрасно понимая, что по одному слову преподавателя ректор вышвырнет из академии с волчьим билетом, для этого действительно нужно иметь мужество.

— Так это не опасно? — недоверчиво уточнила я, никак не в силах успокоиться, меня трясло от злости на ухмыляющегося Браоза и преподавателя, который зная возможности этого синигами, допустил публичную порку. Он явно мстил Самаэлю за то, что тот не послушался орка и продолжил общаться в той же компании, которая сложилась при поступлении. Но тогда получается, что все это происходит из-за меня. Ревность?

Я посмотрела на Шамрада и тут же отмела эту безумную идею: он кроме своей монаршей семьи больше ни к кому не способен испытывать привязанности и тем более ревновать. Тут явно что-то другое.

— Жить будет, — с сожалением заверил меня орк и кивнул Браозу. Тот попытался склониться над лежащим с распахнутыми глазами Самаэлем, который наверняка прекрасно слышал нашу перепалку, но не помня себя от гнева, я оказалась рядом.

— Только попробуй!

— Я имею право забрать свою награду, — прошипел Браоз нечеловеческим голосом, — и какая-то смертная девка, мне в этом препятствовать не может.

— Какая-то может и не смеет, а вот я не дам.

— Вступаешься за приятеля?

Рядом, готовые прийти на помощь в любую секунду, встали Лерой и Дионис, Идрис же что-то выговаривал орку, но тот слушал в пол уха, напряженно наблюдая за нашей разошедшейся компанией.

— Просто это подло, отбирать энергию у того, кто лежит и не может пошевелиться, — вывернулась я.

Не думаю, что Самаэлю будет приятно, если все будет выставлено так, будто его защищала женщина. Я могу только догадываться, какая реакция на подобные действия будет в этом мире, где женщины вынуждены даже есть в отдельном помещении.

— Тогда предлагаю сделку, — натурально облизнувшись и продемонстрировав два чуть более длинных, чем у нормального человека клыка.

— Хочешь забрать мою? — догадливо протянула я.

Страшные глаза Браоза застыли напротив моих всего в паре сантиметров. Очень странно, но сейчас я не чувствовала никакого холода, ни от него, ни от Самаэля. Хотя в нашу первую встречу я чуть было не превратилась в ледышку, не думаю, что что-то должно было поменяться сейчас. И если приятель говорил что-то вроде, что его гаш меня принял и теперь так морозить не должно, но почему от Монфор-л'Амори я ничего подобного не чувствую?

— Догадливая. Я в своем праве. Но готов пойти на уступку прекрасной даме, либо твоя энергия, либо его.

Что-то мне подсказывает, что ничего у тебя, дружок, не получится. Вот не хочу я с тобой ничем делиться, и ты силой забрать не сможешь. Не знаю почему, но я твердо в этом уверена.

— Курсант, даже не думай, — грозно прорычал Шармад, наконец освободившийся от Диониса и подойдя ближе, услышав всю суть нашего разговора.

Разведя руками, как бы говоря, что он сам тут абсолютно не при чем, просто так сложились обстоятельства, Браоз с неохотой пробормотал:

— Вы сами просили показать вам поединок, и мы его провели. Я имею на это право.

— Знаю я, что имеешь, вот с противника своего и бери!

— Эту цену может заплатить любой, кто пожелает, — с улыбкой поделился синеглазый, — девушка выразила готовность. Нужно повторять еще раз про мое право?

— Девушка не знает, на что идет, — проворчал орк, — Ярослав, я говорил тебе об их природе. Ты сейчас добровольно пойдешь к нему в рабство, и никто ничего не сможет сделать, ты понимаешь?

О, я понимала, но иногда суметь довериться своему чутью, это тоже важная составляющая для врача. И ни разу моя интуиция еще меня не подводила, ну а если я все-

таки ошибусь на этот раз, то мне ведь будет уже все равно?

— Просто помните, что эту кашу заварили вы, господин преподаватель, — жестко ответила я и попыталась обойти Самаэля, чтобы приблизиться к его сородичу. Но тут ребята схватили меня и не давали дернуться в ранее выбранном направлении.

— С ума сошла? Ничего с ним не будет!

— Шармад же сказал, пару дней полежит на койке и встанет на ноги!

— Да перестаньте вы галдеть, все со мной будет нормально! Я точно знаю.

Почему-то фраза «Я точно знаю», подействовала на них как заклинание, надо будет чаще здесь использовать эту фишку. Она заранее оградит меня от ненужных споров.

— Ну, если ты точно знаешь... — с сомнением отозвался Лерой и решительно отпустил меня, — я уже понял, что у тебя есть определённые способности и если ты говоришь, что все будет нормально, то я тебе верю.

Услышав слова Лероя, остальные члены команды одновременно поджали губы, но все-таки отпустили меня. Браоз наблюдал за этим с каким-то умилением и предвкушением, как будто я была кроликом, идущим в клетку к хищнику.

— Тебя зовут Ярослава? — радостно поинтересовался он, беря меня за руки и приподнимая ладони на уровне груди, — мне нравится, я даже не стану менять тебе имя, оставляю это.

— И на этом спасибо, — со смехом отозвалась я, ничего не чувствуя. Только внутренним зрением я видела, как от Браоза исходят несколько призрачных толстых канатов с какими-то присосками на концах, похожие на щупальца гигантского осьминога и пытаются зацепиться за мое тело. Только вот у них ничего не выходит, и они постоянно соскальзывают. Но синигами попался упертый, он пытался закрепиться за меня еще минут пять.

С удовлетворением отметив, как Браоз начинает нервничать, я чтобы доставить ему особенно удовольствие, напряглась и кое-как выпустила похожую щупальцу прямо из ладони. Он видимо что-то такое почувствовал и слегка напрягся, не оставляя попыток прицепиться ко мне. Потом я решила его немного «пощекотать», но стоило моему отростку энергии чуть коснуться его щеки, как синигами заорал.

Выглядело это довольно глупо и одновременно страшно, и он это быстро понял, потому что через пару секунд замолчал, с ненавистью прожигая на мне дыру. Как хорошо, что здесь еще не обладают возможностью воспламенять взглядом предметы, иначе я бы уже пылала как факел.

К брату тут же бросилась обеспокоенная Лисаветта, у которой из носа перестала капать кровь. Странно, но она не была алой, как положено, а почти черной и очень густой.

— Что случилось, милый?

Похоже, я немного поспешила с выводами, записывая девушку в близкие родственницы. Вот уж не думала, что сюда можно приходить супругам, но с другой стороны, почему бы и нет.

— Ничего, видимо я немного устал, — открестился Браоз, и не сводя с меня жуткого взгляда, положил руку на плечо своей избранницы и начал жрать ее. Не есть, не кушать, не высасывать, а именно жрать. Не было никаких щупалец с его стороны или других красочных атрибутов, просто от девушки моментально отошел огромный пласт здоровой энергии и перешел этому извергу.

Девушка явно не ожидала, что станет кормом для любимого, по крайней мере, в этот

момент и охнув, тут же обмякла. Упав к ногам мужчины, она всхлипнула пару раз, но сил подняться у нее не было, так она и затихла, стараясь не привлечь внимание супруга. А вот Браоз даже не попытался поднять ее, а просто переступил и подошел ко мне.

— Ты видишь, как я это делаю.

— Лучше бы не видела, — не стала отнекиваться я, — жене-то помоги, у тебя сил сейчас больше.

— Сама поднимется, — равнодушно бросил он, — а вот кто ты такая, я еще разберусь. Синигами всегда берут то, что хотят, даже избранные гашем не могут долго противостоять, ведь ты еще не избранница.

Спрашивать, что это за загадочный гаш такой у этого урода мне не хотелось.

— Урок окончен, — влез Шармад, вставая между нами, — у ведающих сейчас занятия по травоведению. А у вас целительство, не перепутайте, это на одном этаже, но в противоположных сторонах.

Ведающие кое-как забрав свои вещи, медленно побрели в сторону выхода. Курсанты нашего факультета, громко делаясь между собой, потянулись следом за ними.

Шамрад склонился над Самаэлем, я не видела, что именно он сделал, но скоро приятель был на ногах и разминал затекшие от долгого лежания конечности. Увидев, что он цел, и в общем-то невредим, я бросилась к нему, хотела на радостях обнять. Но правильно разгадав мой недвусмысленный маневр, он обошел меня, стараясь не задеть и не оглядываясь, пошел прочь. Второй раз за сутки я попала в такую глупую ситуацию, почему он меня избегает?

— Ну, хоть иногда у этих ледяных духов просыпаются мозги, — одобрительно выразился Шамрад. Уж кому-кому, а ему точно принесло большое удовольствие лицезрение этой картины.

— Знаете, господин преподаватель, вам бы не мешало последовать его примеру, — не выдержав, рявкнула и развернувшись, рванула следом за уходящим факультетом.

Через пару минут меня догнал не очень довольный Лерой.

— Догадываешься, что я хочу тебе сказать?

Переживая из-за поведения Самаэля, которое я ничем не могла объяснить, я равнодушно спросила:

— Первое, это то, что я нарываюсь и постоянно лезу туда, куда мне лезть не стоит.

— Ты правильно поняла, там есть еще один пункт, — хохотнул его брат.

— А второй: Шамрад записал меня на свой факультатив.

— Скажи еще, что это тебя не удивляет, — проницательно заметил Лерой.

Нашей дружной группой мы поднялись на второй этаж и остановились почти у самой лестницы: нужная нам аудитория находилась прямо около входа.

— Удивляет. А что, ты мне можешь поведать о причинах?

— Я сам бы хотел знать, откуда к тебе столько внимания и здесь дело не в твоём вызывающем поведении, — признался приятель.

— Да прямо уж оно такое и вызывающее. Я сама, между прочим, на общение ни с кем не напрашивалась.

Лерой аккуратно приобнял меня за плечи и осторожно потряс, словно проверяя, в сознании ли я еще или нет.

— Ну что ты все к словам цепляешься? Не напрягайся ты так, этим ты все равно ничего не сможешь изменить.

И правда, что-то я совсем разошлась, нервы портиться начали.

— Прости, — тут же покаялась я, — а ты Самаэля случаем не видел?

Лерой цокнул языком и отпустил меня.

— Даже если бы видел, все равно бы не сказал. Он сейчас явно немного не в себе, дай ему успокоиться.

Если бы я знала, от чего он должен успокаиваться и почему он не в себе, все стало бы на свои места, и возможно я отнеслась бы к этому проще. Но что делать, когда просто не знаешь, что происходит, да еще все так быстро меняется, и я с трудом успеваю уследить за происходящим.

Двери в аудиторию с громким стуком распахнулись сами по себе. Этот звук испугал многих курсантов, так резок и не ожидаем, он был. Переглянувшись с ребятами, мы потянулись за остальными курсантами, подтянувшись последними на встречу к знаниями.

Просторное светлое помещение ни чем не отличалось от обычного земного лектория. Та же кафедра, обычный возвышающийся помост со солом, над серым гранитным полом. Те же лавки для курсантов напротив, стоящие друг от друга на возвышении, чтобы было возможно не только слышать преподавателя, но и видеть, как он говорит и что делает.

Единственное, чего здесь не было, так это грифельной доски или полотна для работы с лазерной указкой. Зато все стены были расписаны изображениями тел или участков тел разнообразных человекоподобных существ в натуральную величину. Правда, это совсем не походило на пособие по анатомии, скорее эти рисунки приводились для внешнего знакомства с телами. Хотя, видимо здесь это более чем достаточно, потому что если вспомнить слова Великого Магистра, хирургические операции проводить здесь не принято. А значит, анатомия в самом распространенном смысле этого слова здесь преподаваться не могла.

За каменным столом, с нанесенными на него цветными изображениями переплетенных змей, сидела полная русоволосая женщина лет сорока на вид. У нее были удивительно классические черты лица не тронутые макияжем, но это совершенно ее не портило. Для своей полноты она выглядела прекрасно, свежо и что самое интересное, очень женственно. Про таких особ обычно говорят — женщина в самом соку. С ней хотелось сразу познакомиться, она дарила не только ощущение уюта и покоя, но и абсолютной защищенности.

К этому выводу пришли многие, потом что тут же решили расслабиться и не торопились усаживаться на свои места. Тогда когда гогот стал совсем не приличным, кто-то из курсантов крикнул, что пора закругляться и садиться.

Дама терпеливо дождалась, пока мы все разместимся и утихнем.

— Долго же вы искали места, куда сесть, — наконец негромко произнесла она и хотя голос у нее был вполне себе мелодичным, я бы даже сказала каким-то домашним, таким на уроках работать не возможно. Но я сразу поняла, что женщина не так проста, как кажется и стержня в ней больше, чем даже в том же Шамраде.

Под нашими пристальными взглядами она с грохотом отодвинула что-то среднее между стулом и тронем и выплыла к нам. Выплыла — потому что двигалась она так плавно, что никто не заметил, как она оказалась посреди аудитории.

Когда я сказала, что она полная, то ошиблась. В этой образцовой по шару и грации представительницы прекрасного пола не было полноты, это была бездна обаяния, силы и мощи. И всю эту безграничную красоту она с таким достоинством несла в этом мир, что если бы я была мужчиной, то наверняка не стесняясь бы упала к ее ногам.

Покосившись на Лероя, я со всей силы пнула его локтем, а то гляди, захлебнулся бы собственной слюной.

— Ты ведешь себя очень глупо.

— Не глупее чем ты с Смаэлем, — огрызнулся приятель, но слюни подобрал и постарался не поедать взглядом преподавательницу, женщину с выдающими способностями во всех смыслах.

При чем тут Самаэль и в чем моя глупость я не поняла, но решила отложить этот вопрос до перемены.

— Ко мне можете обращаться просто, без выканья, Василену. У нас, врачей, все просто и без ненужных проволочек, но не забывайте, что я преподаватель, а вы мои ученики. Всем понятно?

Мужская половина (можно сказать почти вся аудитория), восторженно заверила Василину, что сделают все, как она скажет, и тут же уточнили, бывают ли у нее дополнительные занятия. Она впервые понимающе улыбнулась, но с сожалением отказала в этом оперативникам, сказав, что ее основное время тратится только на врачей.

— Хотя среди вас есть трое курсантов, которым я могла бы предложить заглядывать сюда и в больничное крыло, чаще, чем остальным. Здесь есть братья Варн Ярдлей и Ярослава Краснословская?

Растекающиеся лужицей братья поднялись на трясущихся ногах, я спокойно встала следом за ними. Недобрые взгляды, бросаемые остальными курсантами на ребят, не сулили им ничего хорошего. Вряд ли им позволят дойти хоть до одного факультатива.

Дама внимательно осмотрела нас всех троих по очереди и обратилась к Лерою:

— У вас замечательные данные благодаря вашим родителям, почему вы не пошли по стези врача, как ваш отец, дедушка и остальные ваши прекрасные родственники?

Стараясь не смеяться в голос, я смотрела, как братья мнутя и не знают, что сказать. Интересно, как они сообщат предмету своего обожания, что дар-то им впрямь достался, но словно в насмешку, потому что пользоваться они им не могут, потому что ничего не чувствуют? Мало только полистать учебники, надо еще голову иметь, чтобы понимать, когда и что следует применять.

Василену перевела взгляд на меня.

— А вы, наша чудесная иномирянка? Я читала ваше личное дело, там написано, что у себя дома вы учились на хирурга. Я, правда, не совсем поняла, что это значит, но ректор сказал, что это имеет какое-то отношение к целительству.

После слова иномирянки, все курсанты теперь смотрели только на меня, и я немного успокоилась, потому что думала, что женщина использует какую-то магию, типа приворота. Но раз чувство любопытства у моих будущих коллег все-таки сработало, значит у этой дамы просто невероятная сила притяжения.

— Я читала про то, что вы называете целительством, — размеренно начала я, не зная, как объяснить всем, что такое хирургия и никого не напугать. А то я помню первую реакцию Великого Комтура, когда Магистр сказал, что я кого-то резала. Сейчас все подумают, что я некромантка и не дай бог сдадут куда-нибудь типа инквизиции. Если у них тут храмы есть, то не сомневаюсь, что подобное ведомство тоже существует.

— Вы каким-то образом диагностируете, что именно болит у человека или какие есть повреждения. Но если это проблема во внутренних органах, вся ваша магия оказывается бессильной. А травы, которые вы готовите, к сожалению, не всегда способны вернуть жизнь

умирающему пациенту.

— Верно, — поощрительно кивнула преподавательница, — разве у вас лечат не так? Что такое хирургия?

— У нас лечат по-разному, — осторожно пробормотала я, отчаянно пытаюсь подобрать правильные слова, — и сумели как распознать много болезней, так и подобрать к ним лечение. Травы мы используем редко, научившись добывать из них экстракты, готовить лекарства в концентрированном виде.

— Как интересно. Так чем именно вы занимаетесь, какое направление, что за хирургия такая?

— Хирург лечит болезни при помощи оперативного вмешательства, напрямую воздействуя на больной орган, — очень тихо, но твердо произнесла я, — для этого нам нередко приходится рассекать плоть человека. Потом все аккуратно зашивается и человек выздоравливает, если проблему удалось обнаружить и устранить.

Василена не впала в истерику, хотя именно этого я и ждала, напротив, она выглядела несколько заинтригованной.

— У нас есть те, кто говорит, что пора попробовать воздействовать на некоторые болезни именно так, как вы говорите, но пока местная администрация не дает разрешения на масштабные исследования в этом направлении. Ярослава, вы не будете против, если завтра после занятий вы найдете меня? Хочу вас кое с кем познакомить.

— Но...

Видя, что я собираюсь отказаться, женщина обаятельно улыбнулась:

— Ярослава, открою вам маленький секрет, у меня есть курсанты, которые при особой помощи моей кафедре, могут получить зачет заочно.

Вот это я понимаю разговор двух умных людей. Сразу обозначить территорию и выгоду на ней.

— Я подойду.

Василена улыбнулась еще раз и попросила записать тему сегодняшней лекции: Вводный курс в энергетическое здоровье человека и им подобных. Дальше все два часа мы старательно записывали терминологию и прочую ерунду, не касаясь какой-то конкретики.

Как только лекция закончилась, я пулей вылетела из аудитории и спешно двинулась в сторону общежития. Но тут меня поймали две пары рук и требовательно развернули к себе.

— Лерой, Идрис, только не начинайте.

Братья как будто не слышали и хором выдали:

— Оставь Самаэля в покое.

Услышав такое требование, я тут же возмутилась:

— Вы в своем уме? Я хочу зайти за ним, чтобы он просто пошел на последнюю пару! Это вводные занятия, по ним нас и будут оценивать в дальнейшем. Из-за какой-то ерунды у вашего же друга потом может быть неприятности.

— Точно только за этим? — неверяще переспросил Лерой, а я, взглядевшись в его лицо, пораженно прошептала:

— Ты что там себе навывдумывал, а?

— Ничего, я просто спрашиваю, а ты ведешь себя очень агрессивно.

— Агрессивно говоришь... — я двумя руками вцепилась ему в рубашку и приблизилась к себе, — ну-ка выкладывай, что вы там с братцем себе накрутили?

— Эти два балбеса решили, что ты неровно дышишь к Самаэлю, — хихикнул

подошедший Дионис, — и что в этом виноват он, притянув тебя к себе своими способностями, когда дотронулся перед третьим вступительным испытанием. Так кстати думает и он, поэтому и бегаёт от тебя, чтобы разрушить это временное притяжение.

Ничего не понимая, но догадываясь, что имеют в виду эти три олуха, я даже затрясла головой.

— Какое еще притяжение?

— Хочешь сказать, что ледяной дух тебе не нравится? — с подоплекой, ехидно поинтересовался Идрис. Я pokrутила у его виска пальцем:

— Вы втроем что, с ума сошли? С чего вообще такие мысли?

— Ну ты так самоотверженно бросилась ему на защиту... — не уверенно начал Лерой, но я его тут же жестко перебила.

— Что за чепуха? А когда ты мне помог в городе, помнишь? Мне теперь тоже думать, что я вам обоим нравлюсь и теперь должна бегать? Значит так, вы сейчас мне говорите, где он и я притащу на следующее занятие этого самовлюбленного идиота, который вообразил о себе невесть что.

Ребята переглянулись и принялись неубедительно врать, что ничего не знают. И чем старательней они пытались убедить меня в этом, тем яснее понимала, что где-где, а в общезитии его точно нет.

— Если уже вы знаете причину, по которой он от меня бегаёт, то знаете, где он. Говорите, живо.

— Лерой, да брось тебе, пусть они все выяснят и успокоятся, — предложил Дионис, глядя, как мы пытаются убить друг друга взглядами. Тот сначала куксился, а потом, наконец, сдался.

— В библиотеке.

Круто развернувшись, я помчалась в указанном направлении. Сейчас Самаэль узнает всю глубину моего «обожания».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В библиотеке царил самый настоящий хаос.

Вбежав внутрь, я пораженно замерла на пороге, не решаясь пройти дальше. Высокие стеллажи взмывали к самому потолку, а лестницы, которые раньше аккуратно стояли, опираясь на балки под полками, сейчас валялись на полу, покрытым темно-бордовым ковром с коротким грубым ворсом.

Книги в беспорядке стояли не по алфавиту или тематике, как было заведено, а были раскиданы так грубо, что у некоторых я заметила оторванные обложки.

Библиотекаря, с которым я уже успела найти общий язык, видно не было. Хотя, скорее всего его вообще здесь не было, иначе бы он не допустил такого кошмара на доверенной ему вотчине. Собравшись с духом, я решила это проверить и негромко позвала хозяина местной прерии, но, как и ожидалось, никто отзываться не спешил.

Плюнув на осторожность, я все-таки шагнула внутрь. Свет от летающих шаров под ажурным потолком тут же усилился. Пройдя несколько секций, я на цыпочках пробралась в центральный читальный зал, но и там никого не увидела. Не став задерживаться на одном месте, я прошла еще немного вперед и наконец, увидела ковыряющегося в каких-то записях между двух стеллажей Самаэля. Вид у приятеля был настолько бледным, что краше в гроб кладут.

— Вот это ты беспорядок здесь устроил, за неделю не разберешься. А я-то думаю, кто сюда пробрался и устроил это кошмар. Не хочешь поделиться, по какому поводу ты тут нахулиганил?

От звука моего звонкого голоса Самаэль дернулся, и немного не рассчитав расстояния, ударился головой о стеллаж. Потом еще и небольшую книгу выронил из рук, которую с остервенением листал до моего появления.

— Ты-то что здесь делаешь?

— Вот это встреча двух друзей, очень доброжелательный настрой. Ты кого-то еще ждешь?

— Нет, — недовольно проронил он, поднимая с пола свою книгу, — не жду, как и тебя не ожидал увидеть,

— Вижу, что ты мне не рад, — с некоторой обидой проговорила я, подходя ближе.

Нет, конечно, понятно, что он вбил себе в голову всякую ерунду по поводу меня, но зачем же так отыгрываться?

Самаэль видимо понял, что немного переборщил, но извиняться все равно не стал, видимо от этого корона на голове могла зашататься или вообще упасть. Как тогда жить-то?

— Ты все не так поняла, но честно говоря, на объяснения у меня нет времени. Я кое-что должен прямо сейчас сделать, так что дай мне пройти, пожалуйста. Обещаю, что как-нибудь потом, мы обязательно обсудим все, что ты захочешь.

Вот уж нет, я не для того тебя мой друг искала, чтобы так просто дать уйти, даже не попытавшись понять что происходит на самом деле. Тем более этот разговор нужен в первую очередь именно тебе, а я же просто не хочу, чтобы от меня шарахались.

— Ну нет, даже не подумаю, а сделаем мы не так, как ты говоришь, а немного наоборот. Сначала мы сейчас все спокойно обсуждаем, и только потом ты идешь куда хочешь. Так гораздо лучше, правда?

— Ярослава, — он умоляюще сложил руки на груди и вообще выглядел донельзя потерянным, в глазах застыло какое-то странное мученическое выражение.

— Ярослава, прошу тебя, отойди. Не вынуждай меня идти на крайние меры.

Не вынуждать? Ну, знаешь ли...

Задетая до глубины души и оскорбленная в лучших чувствах этим бесчувственным монстром с Ледяного Острова, я постаралась максимально приблизиться к нему. Не ожидавший подвоха, он застыл, а мне только это и нужно было: я попыталась приобнять его в шутку. Но этот сумасшедший вместо того, чтобы все списать на нервы и просто посмеяться вместе со мной, дернулся в сторону, как от чумной. Ну что ж, по-хорошему нам видимо не договорится!

Едва сдерживаясь от дикого хохота, я все-таки умудрилась вцепиться в его руку, и ломая сопротивление, притянуть к себе. Жаль, у меня здесь не было фотоаппарата, чтобы запечатлеть его испуганное лицо, когда он понял, что я не дам ему вырваться. Наверное, такое же выражение могло бы быть и у тех девушек, которых они превращали в своих возлюбленных рабынь, если конечно эти женщины способны были понять, что именно происходило.

— Самаэль, — тихо проговорила я, когда он перестал изображать из себя недотрогу и затих, больше не делая попыток вырваться. Отцепиться и пройти мимо меня он мог, только если бы полез драку. И когда он это осознал, то перестал тратить время на лишние эмоции.

— Самаэль, прекрати косить в сторону, просто посмотри на меня.

Он слегка обмяк и процедил с неохотой:

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему?

Он тяжело вздохнул, но все-таки послушался и повернувшись, посмотрел на меня, мучительно хмельным взглядом. Почувствовав, что сердце вдруг отчего-то предательски застучало быстрее, я упрямо попыталась задавить это странное ощущение и поторопила приятеля:

— Самаэль, я ведь не отстану, ты же знаешь, нам все равно когда-нибудь придется поговорить.

— Вот когда-нибудь и поговорим, а сейчас я и правда, очень занят.

— Это все детские отговорки, почему ты вдруг стал бегать от меня?

— Тебе кажется, — со смешком отозвался приятель, но вышло у него это как-то нервно.

Вот упрямый черт!

— Брось. Ребята мне все рассказали, но, на мой взгляд, это все фантазии и просто ерунда! Ты серьезно решил, что я начала привязанность, вызываемой твоей природой? Что я, по-твоему, на ваши жертвы похожа? Вспомни, даже этот Браоз ничего не смог сделать! И вообще, чтоб ты знал, я терпеть не могу блондинов, они мне кажутся без эмоциональными. Тем более твоя стихия лед, так что вообще без вариантов.

Ледяной дух выслушал мою горячую тираду очень внимательно, но по его равнодушно-спокойному лицу нельзя было ничего прочесть. Но мне все равно показалось, что он не поверил мне, хотя наверняка очень хотел, поэтому и поинтересовался:

— Ты уверена, что у тебя нет никакой тяги?

Я даже расхохоталась, хотя что-то в душе шевельнулось, что все это неправильно и не должно происходить вот так.

— А что, похоже?

Самаэль призадумался, но уверенным не выглядел.

— С одной стороны не похоже, обычно девушки одержимы синигами, но лично в тебе что-то я не наблюдаю такого безумия. С другой стороны ты из иного мира, мое воздействие на тебя может работать немного по-другому.

— Наконец-то я слышу здравые рассуждения!

— Но есть и другая сторона: ты мне хорошо помогла, когда встала между мной и Браозом, хотя не могла не осознавать, что это опасно, а значит, сознательно жертвовала собой. Как раз именно это и навело меня на мысль, что ты начинаешь испытывать ко мне далеко не дружеские чувства. Меня это слегка напугало, ведь я совсем не хочу лишать тебя воли.

А с другими несчастными, значит, можно было так поступать, какая разница.

— Я бы это сделала для любого из вас, — надменно заявила я, чтобы он спустился с небес на землю и не думал о себе слишком много. А потом и вовсе перестала держать приятеля, всем своим видом говоря, что бросаться на него не собираюсь. Не животные же мы в конце концов.

Он смерил меня подозрительным взглядом и тихо переспросил:

— Для любого?

Я сразу поняла, что он спрашивает не просто так, а из какого-то своего личного интереса, но ответить сразу не могла, язык отказывался поворачиваться. Но даже если бы я понимала, что ему сейчас ответить, как правильно поступить, то не стала бы. И вовсе не

потому, что не хочу, не потому что вспоминаю Анатолия, к которому по сути ничего не ощущала, а потому что не уверена, что Самаэлю это на самом деле надо.

Меня не пугала огромная разница между нами, а напрягало то, что он сам пытается отгородиться, вбив себе что-то в голову и чтобы узнать что-то, мне пришлось чуть ли не пытаться его. Откуда мне знать, когда он поступит так еще раз, когда придумает что-то? А мне меньше всего хотелось примерять на себя роль няньки и терпеть чужие заскоки. Мне пока что и своих странностей за глаза хватает.

Приняв для себя нелегкое решение, я улыбнулась:

— Мы же друзья, как я могу поступить иначе?

Не то он хотел слышать, ой не то.

Глаза блеснули жарким огнем, но что-то говорить в ответ он не стал, для него мое признание сейчас было самым правильным, он и сам в какой-то мере этого хотел. Он избегал меня, думая, что его природа втягивает меня и делает безвольной куклой, и не хотел продолжения. Что ж, ну тогда получай подтверждение, что ничего подобного и нет.

— Для чего ты устроил такой беспорядок? И где заведующий библиотекой?

— Не переживай, я потом все уберу, — попытался оправдаться приятель, но конечно же я ему не поверила.

Он сбежит отсюда, как только я уйду восвояси, а его поминай, как звали. Что ж за мужчина будет убирать тщательно созданный хаос, он не для этого его организовывал.

Самаэль протянул мне небольшую книжицу в шелковом переплете, ту самую, что поднял с пола. С трепетом приняв ее и почти не различая витиеватые буквы на обложке, я все-таки смогла прочитать вслух:

— Мудрые Старцы Севера. Если судить только по внешнему виду, перед нами настоящий раритет. Только зачем тебе это нужно?

— Я хотел понять, почему прикосновения Браоза на тебя никак не повлияли. Своей проводницей я еще не успевал тебя сделать, так что ты легко могла достаться ему. Этого допускать было нельзя, поэтому я поспешил искать ответы.

— А уже ставшей проводницей девушку, уступить другому уже не возможно?

— Возможно, — он отрицательно качнул головой, — но не с первого раза, нужен постоянный контакт, это достаточно долгий процесс. Да и зачем это надо, девушек-то вокруг много?

Девушек вокруг и правда много, но иногда случается так, что нужна одна-единственная.

Повертев книгу в руках, я ловко спрятала ее за пазуху, почитаю на досуге в своих апартаментах. Увидев этот хитрый маневр, Самаэль тут же поспешил возмутиться, забыв о нашем небольшом лирическом отступлении:

— Я искал ее больше часа, так что отдавай обратно, это не честно! Обещаю, что потом дам тебе полистать, но только тогда, когда просмотрю сам!

— Тебе не кажется, что мне знать, что здесь к чему, гораздо важнее? А то мало ли что, от вас всего можно ожидать и потом так и быть, уже я дам тебе ее полистать. И вообще, расскажи мне мой друг, что это за гаш такой загадочный? Вчера, стоя у моста, ты почти что рассказал мне про это, но не успел, так что я жажду подробностей!

Самаэль открыл было рот, чтобы то ли отказать мне, то ли культурно послать подальше, но в последний момент все-таки удержался и попытался решить дело миром.

— Ярослава, я не уверен...

— Зато я уверена, это ведь меня касается? Хватит увиливать Самаэль, я все равно с тебя

не слезу, пока не скажешь.

— Я...

— Да что ж за мужчины то такие нерешительные пошли! — всплеснула я руками от негодования. Стою тут битый час, пытаюсь узнать ответы всего на несколько вопросов, а он ломается, то ли изображая из себя что-то, то ли просто набивая цену. Ничего удивительного, что меня немного «понесло».

— Ходи за вами, убеждай, уговаривай! Может еще и на колени встать, чтобы ты проникся важностью этого момента? Ты сам поднял этот разговор, сам дал пищу для размышлений, а мне теперь прикажешь изводить себя любопытством? Ну как хочешь, пойду тогда к Шамраду, вот уж кто не откажет мне в просьбе!

— Нет!

Этот рык был так не похож на обычно спокойного и размеренного Самаэля, что я замерла от неожиданности, хотя действительно собиралась пойти и расспросить орка. Он бы для виду, конечно, тоже немного поломался, но не стал бы ничего скрывать и выложил бы все, в конце концов, как на духу.

А потом произошло вообще удивительно событие: синигами рывком притянул меня к себе, и не встречая сопротивления поцеловал. А я, не понимая, что творит мое предательское подсознание, с жаром ответила. Обстановка накалялась и было件нятно, что никто из нас просто так останавливаться не то, что не намерен, а просто не сможет, нас уже несло совершенно не в ту степь. И это я была уверена на сто процентов, что на меня его природа не действует!

— Вы в своем уме?!

Я услышала чужой недовольный голос на самом крае сознания, но он прошел мимо меня, не заставив отреагировать. Через несколько секунд какой-то невидимой силой нас отшвырнуло друг от друга. Самаэля с тихим хлопком впечатало в один из стеллажей, сверху ему на голову тут же упал добрый десяток толстых фолиантов, и он грязно выругался. Мне же повезло немного больше, я просто пролетела пару метров в проход между секций и мягко опустилась на колени, причем не по своей воле. Кто-то невидимый поддержал меня и помог совершить мягкую посадку.

Потряхивая головой, потому что при полете из меня вылетело приличное облако пыли, я с удивлением уставилась на нечто, плавающее по воздуху, словно по воде, прямо напротив кряхтящего приятеля.

Это было голубовато-серое бесформенное облако, лишь иногда принимавшее очертание грузного мужчины, счастливого обладателя выдающейся мозоли вместо пуза. Видимо он приобрел ее, усердно упражняясь в чтении.

Самаэль встал на ноги, отряхнулся, и увидев новое действующее лицо, которое покачивалось у него перед глазами, от неожиданности подскочил. Слава богу, на сей раз уже обошлось без травм.

Неизвестное привидение тут же завизжало на всю библиотеку:

— Совсем совесть потеряли! Я даже терпел когда вы, молодой человек, варварски раскидывали бесценные образцы мудрости, которую с таким трудом и прилежностью записывали великие колдуны и исследователи! Думал, вам жизненно необходима эта вещьца о мудрейших старцах, даже помог вам ее отыскать! А в ответ что? Черная не благодарность!

Челюсть у приятеля отвисла совсем до неприличных размеров и он изумленно проблеял:

— Вы?

От переизбытка чувств, дух оторвался еще на пару метров от пола и заверещал, находясь почти под потолком.

— А вы смеете заявлять, что вы бы сами смогли ее найти? Да никогда! Совсем стыд потеряли, вам учиться надо, ума набираться, а вы ерундой страдаете!

Осознав, что он, в общем-то, прав, я покраснела, но не от стыда, этого еще мне не хватало. А от того, что поддалась какому-то странному порыву и теперь не представляю, как смотреть приятелю глаза. Он кстати выглядел более оживленно, чем я, хитро посматривал в мою сторону и явно что-то хотел сказать.

— Так, а вы вообще кто? — стараясь скрыть смущение, поинтересовалась я.

Дух или приведение, не знаю в чем разница, тут же подлетел ко мне и завис у самого носа. Чувство было не из самых приятных: мало того, что от него шел какой-то неестественный холод, так еще и пахло чем-то не свежим.

— Я? Кто я?!

— Ну как меня зовут, я и так в курсе.

— Я Хранитель Слова, — уже гораздо спокойнее ответил дух, — и советую вам убираться отсюда поскорее и больше не навещать сюда. Иначе я все доложу ректору!

Повторять дважды нам не надо было. Амаэль аккуратно подцепил меня под руки и извиняясь перед Хранителем, быстро вывел из библиотеки.

— Стойте, а кто за собой убирать будет? — полетел в спину запоздалый крик духа.

Прислонившись спиной к рельефной стене, я с улыбкой проговорила:

— Ну и как теперь учиться? Я ведь не ты, мне взять нужную информацию неоткуда.

— Ты всегда можешь обратиться ко мне, — с готовностью отозвался Самаэль, но подходить ко мне ближе, чем на расстояние вытянутой руки, он не стал. Я тоже, сама не знаю почему, старалась держаться от него подальше. Слишком жив в голове был сумбурный поцелуй и судя по всему, для парня с необычными серебристыми волосами все это стало такой же неожиданностью.

— Самаэль, давай не будем ходить вокруг да около. Что такое гаш?

Молодой мужчина слабо улыбнулся моей настойчивости.

— Ты всегда добиваешься того, чего хочешь?

— Давай не будем отвлекаться.

— Не женщина, а бульдог какой-то, вцепилась в горло и держит... В какой-то из ваших религий, сила веры подарила вам одного, самого главного помощника на всю жизнь. Это особая сущность, она служит проводником в каждом из ваших воплощений по миру, наставляет, поддерживает, старается уберечь от ненужных глупостей, правда не всегда удается.

Я на миг задумалась и неуверенно предположила:

— Ты сейчас про ангела-хранителя говоришь?

— Кажется, именно так вы их называете, но это не суть. Ваша беда в том, что вы сами по себе очень закрытая раса, поэтому ничего не чувствуете, что твориться около носа.

— Ты хочешь сказать, что ваш гаш, есть не что иное, как ангел-хранитель, которого вы в силу своих особенностей способны ощущать? — понятно протянула я.

И правда жаль, мы действительно становились с каждым годом все более замкнутыми и ограниченными, отсюда мало обращаешь внимание на все, что происходит вокруг. И меньше интересуясь окружающим, постепенно забываешь и о себе.

— А мы не только чувствуешь, мы еще и видишь, и слышим и часто общаемся, — с усмешкой признался парень, — проблем в том, что у вас все хранители личные, а у нас всего один и сразу на весь род. Поэтому они немного развязно себя ведут, почти как хозяева, все-таки столько веков вместе. Но работу свою лично наш гаш выполняет всегда хорошо.

Подумав вдруг о его хранителе, я отчаянно покраснела. Все-таки мло приятного в том, что за тобой кто-то может наблюдать. Мой защитник в этом смысле меня никак не затронул, ведь если я его не вижу и не чувствую, то смело могу считать, что его просто нет.

Мою реакцию Самаэль понял правильно, хотел утешить, но я машинально отступила по стеночке на шаг от него.

— И что происходит, когда родовой гаш принимает кого-то?

— В некотором роде это означает защиту, — немного замямвшись, признался синигами, но мне показалось, что он что-то не договаривает, — и тебя не должно бросать от нашего рода в дрожь и озноб. Но ведь от Браоза у тебя тоже не было такой реакции? Поэтому я и полез в библиотеку, хотел узнать немного больше, чем мне рассказывали дома о нашем особом влиянии на людей. Мудрецы Севера — это наши шаманы, духовные отцы.

— То есть, моя реакция не типична?

— Я думал это из-за того, что гаш принял тебя под защиту рода, хотя это практически невозможно, ты обычный человек, таких случаев почти не бывало.

Если этого еще не бывало, то совсем не значит, что и не может быть. Так что не показатель, а вот книжечку я сегодня определенно полистаю, мне уже самой интересно, как был устроен край Самаэля, почему он так сильно отличается от остальных.

— Потом когда она навестил меня, я долго с ним разговаривал, — вдруг признался приятель, — он сказал, что я не в своем уме, если думаю, что он станет защищать какую-то там девчонку.

— У тебя гаш такой же милый, как и ты сам, — только и смогла я выдавить из себя в ответ на такое заявление.

— Ярослав, я..

По тону мужчины поняв, что сейчас разговор начнет поворачивать совсем не в ту сторону, куда надо, я тут же брыкнулась.

— Самаэль, извини меня, но что-то я подустала, да и занятия уже наверняка начались, нам надо идти.

Синигами понимающе усмехнулся:

— Да нет, ты не устала... Отбросим небольшие недопонимания между нами, друзья?

По смыслу его слов это означало отбросить вообще все, как будто ничего не случилось. Пришлось изображать бурную радость по этому поводу и улыбаться.

— Самаэль, не хочу тебя расстраивать, но если мы не будем ходить на занятия, то у нас буду проблемы.

— Сейчас у нас кажется тарология? — по лицу синигами скользнула тень неудовольствия. Кажется, он имел хорошее представление об этом предмете и не очень-то хотел слушать по нему лекции.

— Она самая, — чтобы сделать другу особенно приятно, я тут же радостно поинтересовалась, — а за сколько прогулов могут отчислить из академии? Один у тебя уже есть.

Вместо ответа приятель ловко цапнул меня за запястье и как бульдозер потащил за собой. Поскольку я понятия не имела, где именно располагается нужная нам аудитория, то

попыталась расслабиться и получить удовольствие. Самаэль похоже прекрасно знает куда нас тащит, а значит пусть сам и выкручивается.

Мы пробежали системой галере и сквозных порталов, выскочили на крутую витую лестницу, взлетели на четвертый этаж. Парню было хорошо, он обладал прекрасным тренированным телом и первые занятия у Шамрада не стали для него пыткой, чего не скажешь обо мне. После боевой подготовки я едва не разваливалась на части и с трудом передвигала конечностями, а этот скоростной бег по этажам грозил оборвать мою жизнь совсем на бесславной ноте.

Наконец, мы остановились у каких-то светлых дверей, я даже не разобрала у каких именно и вошла внутрь следом за Самаэлем.

Помещение не было похоже на обычную аудиторию для проведения лекций. Скорее это было какой-то гостиной, всюду стояли кресла с отдельными круглыми столами, покрытыми черными тканями. Приятный не раздражающий полумрак, свечи на столах, пряный едва уловимый аромат сандала и иланг-иланга. На полках и кафедре стояли масляные лампы, песочные часы, линзы и что-то напоминающее призмы для изучения преломлении света и цветов, счеты с нефритовыми бусами, сверкающие медные компасы и множество сосудов, реторт. Просто кабинет астронома-алхимика, а не простой гадалки.

Видимо, надо было все-таки постучаться, перед тем как войти, — мелькнула мудрая, а значит запоздалая мысль.

Мы стояли под перекрестьем удивленных взглядом собственных однокурсников и скептически шурившейся, низенькой, солидной дамы лет шестидесяти на вид. У нее было приятное круглое лицо уставшей женщины, порядочной матери большого семейства, где муж и дети обязательно были центром вселенной и поводов для гордости.

— Господа Краснословская и Корнуолл Мар, я полагаю? — с изрядной долей иронии проговорила она и махнула рукой на два свободных стола прямо напротив ее кафедры. Видимо весь факультет побоялся оказаться у провидицы перед самым носом, а вот нам крупно повезло.

— Мы как раз обсуждали, что же из себя представляет система Таро. У вас на столах разложены двадцать два Старших Аркана, остальные же пятьдесят шесть карт, это Младшие. Так может, если вы решили не радовать нас своим присутствием с самого начала, то подарите частичку своей мудрости?

Женщина, имени которой я так и не узнала, любезно указала пальцем на Самаэля, которого от вида карт почему-то начало потряхивать.

— Вот вы, господин Самаэль, посмотрите на Старшие Араканы и скажите нам, что же видит ваш третий глаз?

Самаэль послушно посмотрел на карты, но прикоснуться к ним не стал. Молчание затягивалось на неприлично долгое время и преподавательница наконец не выдержала:

— Ну что там, что вы видите?

Приятель мученически закатил глаза и с глубоко осмысленным видом наконец изрек:

— Карты.

Женщина была тертым калачом, просто так от нее было не отделаться. Она хмыкнула, показывая, что ценит «прозрение» Самаэля и поинтересовалась, чем еще он может нас порадовать.

— Да в общем-то это все, что я хотел вам сказать.

Дам приподнял брови, ничего не говоря, но Самаэлю тут же пришлось изображать

бурную деятельность. Сидевший сзади курсант, с заплетенными темными волосами в две косы на женский манер, со смешком предложил:

— Ты хоть Арканы назови, прояви осведомленность, они же подписаны.

Преподавательница явно все слышала, но предпочла не вмешиваться.

Самаэль тут же огрызнулся:

— Я думаю.

— Что вы делаете? — с таким умилением переспросила дама, что вся аудитория расцвела улыбками.

Скрипнув зубами, синигами чересчур вежливо повторил:

— Думаю.

— А вот это уже действительно интересно. Давайте перейдем сразу к итоговой части нашего диалога, разрешите?

— Прошу вас, — не растерялся и тут же согласился синигами.

— А итог таков: раз вы проявляете вопиющее неуважение к моему предмету и при этом не являетесь специалистом в этой области, то придется вам походить ко мне на дополнительные занятия для выработки этих качеств. Думаю, для начала двух раз в неделю в течении месяца после основных занятий будет достаточно.

Самаэль, обладатель и без того белой кожи, побелел еще сильнее, хотя казалось, что это уже не возможно.

— Но...

— Понимаю, вы рветесь к знаниям, — проговорила она с милой материнской улыбкой, поняв по своему его попытку взять слово, — три раза в неделю.

Теперь Самаэль замер и вообще боялся шевелиться, чтобы что-нибудь не ляпнуть. Мне хотелось его поддержать и посоветовать прикупить где-нибудь колоду, потому что скоро весь курс будет стекаться к нему, чтобы он погадал, но тут дама обратила свое внимание уже на меня.

— А вы что видите, Краснословская?

Я опустила взгляд на разложенные передо мной Старшие Арканы. Как там о них рассуждал ректор?

— Насколько я знаю, Таро не только инструмент для системного анализа и понимания мироустройства, а заодно и нашего места в нем здесь и сейчас или в будущем, если делается расклад на будущее.

Дальше я говорила то, что видела, а не слышала от Артура Уэйта.

Двадцать две карты были разложены по цифровому порядку, начиная с нуля и самое интересное, от каждой карты к последующей шла тонкая золотая нить. Что-то мне подсказывало, что эту нить вижу только я.

— Наверно, я бы даже сказала, что это своеобразная модель мира.

— Что вы имеете в виду? — заинтересованно откликнулась женщина, подходя ближе к моему столу. При ее приближении, золотые нити, словно стали прочнее и засветились с удвоенной силой. Разложенная колода приветствовала свою хозяйку. Посмотрев на даму под другим углом, я увидела, как энергия со всех карт в аудитории стекается к ней и обратно, ну просто круговорот силы в природе, не иначе!

— Любое наше действие или мысль, это система. И этих систем бесчисленное множество, но при этом они хоть и взаимодействуют друг с другом, но абсолютно разные. Систему же таро можно применять универсально ко всему, он не ломает, а только дополняет

то, что есть. Вот...

Я показала пальцем на Старшие Арканы:

— Вот эта система карт описывает циклическое действие, а младшие я смотрю, поделены по четырем основным стихиям, на которых и стоит система мира. Здесь бесчисленное множество символов, архетипов, макетов, образующих целый мир.

— Неплохая попытка объяснить целую систему, — неохотно похвалила преподавательница, — а наша задача в чем, если система таро совершенна, раз она, как вы сказали, олицетворяет сам мир.

— Не мир, а модель мира, — мягко поправила я ее, — и чтобы понимать, что мир посылает с помощью этого инструмента, надо понимать, как работает модель, функции там, сферы влияния и прочее. Этому вы и будете нас учить.

— Да, я буду вас учить, как разговаривать с миром, который делает это с помощью знаков и символов, — медленно кивнула дама, — и чтобы вы понимали, какой результат можно получить от подобного общения, сейчас мы сделаем один из самых популярных раскладов, а потом начнем изучать сами арканы.

Откуда-то с задних столов раздался не довольный голос Лероя:

— Зачем эти символы оперативникам? Мы должны действовать, расследовать и ловить преступников, защищать обычных людей. У нас не будет возможности сидеть на месте и медитировать над раскладами.

— То есть оперативник, это просто кусок мяса, способный воспринимать только одну команду, фас? — с тщательно дозируемым изумлением откликнулась женщина, — а я то грешным делом подумала, что вы судя приши, прежде всего, чтобы учиться думать. Но раз я ошиблась, то лично вы молодой человек можете не приходить на мои занятия, вы освобождены.

Лерой на это ничего возражать не стал, наверняка пожалев, что вообще полез к ней со своими умозаключениями.

Выдержав недолгую паузу и не дождавшись продолжения, дама заговорила снова:

— В каждом занятии мы будем разбирать по одному аркану и каждый вечер вы будете медитировать на изучаемую карту, класть ее под подушку и пытаться вызвать в сон. Они иногда бывают очень познавательными. А сейчас Ярослава нам продемонстрирует ловкость рук.

Стоп, опять я?

— Я не умею делать расклады, — растерянно попыталась я откеститься от подобной чести, — сегодня вообще только второй раз, когда я увидела Таро так близко.

И столько бы еще не видела. Не знаю почему, но колода меня пугала и вводила в ступор, мне совершенно не хотелось изучать подобную систему и хоть как-то узнавать свое будущее. Я верила в предопределение, но только если узнавать, что тебя ждет. Узнал — в голове сразу сработала программа, и ты сам пойдешь как по накатанной. А пока ты уверен, то совсем справишься, ты и будешь пытаться что-то изменить в своей жизни.

Женщина, словно уже почувствовала кровь жертвы, улыбнулась:

— Все мы когда-то так начинали. Не стесняйтесь, тасуйте Старшие Арканы и наугад вытаскивайте три карты. Это самый универсальный и простой расклад на ближайшее будущее. На вас и проверим, как это работает. Так что вся аудитория сейчас запишет, какие именно карты выпадут.

Прекрасно, мне предстоит поработать цирковой обезьянкой.

Не пытаясь больше выразить свое недовольство, я перетасовала карты, при чем было очень не удобно это делать, каждый аркан был размером с ладонь. Потом сосредоточилась для виду, я в кино видела, что гадалки делают расклады с каменными лицами и вытащила три карты из разных мест, рубашкой вверх.

Женщина поощрительно кивнула:

— Теперь переворачивай.

Я так же послушно перевернула все три аркана и вслух прочитала их названия:

— Повешенный, Влюбленные и Луна.

Почему то от всех трех карт шла неприятная волна какой-то грязи, от которой я начала потихоньку задыхаться и чтобы не закашляться, я отодвинулась на приличное расстояние от стола.

— Ну и что ты думаешь по этому поводу, Ярослава?

— Не знаю, — меня передернуло, — по ощущениям, ничего хорошего.

— Но ведь Влюбленные это же хорошо? — сказал кто-то из аудитории, на что я только ухмыльнулась: где ж тут может быть хорошо, когда на карте изображены стоящие на двух дорогах девушка с парнем, они страстно целуются, но при этом ноги девушки обвивает змея. Вот это пресмыкающееся и портило весь благополучный вид.

— Влюбленные это карта сложного выбора, — задумчиво проговорила преподавательница, зайдя ко мне за стол и рассматривая разложенные веером карты.

— Хотелось бы ошибаться, но тут у тебя прямо указана жертва, сложный любовный выбор и остерегайся, вокруг тебя очень много иллюзий, они просто оплетают тебя с ног до головы.

Это точно, при чем с того самого момента, как я сюда попала. Мне иногда кажется, что я просто сплю и никак не могу проснуться.

— Скоро тебе предстоит подписывать какой-то договор и скорее всего брачный, но вспомни обман, десять раз подумай, прежде чем идти на такой шаг.

— Вряд ли кто-то соберется сочетаться со мной браком, — мрачно проговорила я, окончательно разочаровавшись в том предмете, который нам придется изучать. Более бредового предположения я не слышала уже давно.

— Я тебе сказала, как вижу, только и всего. Твое дело, воспринимать мои слова или нет, но через месяц я попрошу рассказать, подтвердились ли мои слова или нет, а там все станет ясно. А сейчас все свободны, можете посетить трапезную. Жду вас через три дня.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Раздосадованная глупым раскладом до глубины души, я отказалась идти с ребятами в трапезную, сославшись на то, что меня ждут в больничном крыло. В конце концов, поесть можно и вечером, а если я сейчас займусь полезным делом, у меня хоть вся дурь из головы выйдет.

По дороге меня торопливо догнали братья Варн Ярдлеи.

— Я совсем забыл, что Василена попросила после занятий тоже зайти.

— Как ты мог забыть про нашу выдающуюся преподавательницу по целительству, когда глаз всю пару с нее не спускал? — ехидно поддела я приятеля, на что он тут же принялся отнекиваться:

— Это все не то, о чем ты подумала!

— И о чем же я подумала?

Поняв, что он сам себя загнал в ловушку, Лерой и тут же насутился, и всю дорогу до больничного крыла он старательно молчал и делал вид, что его нет. Решив с Идрисом, что если ему так хочется страдать, мы немного отстали от него и шли рядом, беспечно болтая о том, как прошел наш первый учебный день.

Профессор уже дежурила в ожидании нас у входа в больничное крыло, которое сильно отличалось от основного здания академии и было более просторным и солнечным, видимо чтобы пациенты не чувствовали на себе давление этих мощных каменных стен.

Увидев нас, она обличительно ткнула в нашу сторону длинным наманикюренным пальчиком.

— Опаздываете, господа курсанты.

— Мы еще плохо ориентируемся в аз-Зайтуне, — извиняющимся тоном ответила я за всех, — в следующий раз найдем быстрее.

— Хорошо, идете за мной и не шумите.

Она круто развернулась на толстых квадратных каблуках, тяжелая русая коса взметнулась было вверх, а потом смачно ударила по пятой точке и дальше призывно покачивалась при каждом уверенным шаге женщины. Лерой тоскливо вздохнув, едва не пуская слезу при этом зрелище. Я сочувственно протянула:

— Хочешь, я тебе отвар из мяты и зверобоя приготовлю?

Зная, что я ничего не предлагаю просто так по доброте душевной, он тут же насторожился:

— Зачем?

— А видимо, чтобы твоя харизма тебе думать не мешала, — хохотнул догадливый Идрис и тут же спрятался за меня.

Преподавательница обернулась на шум, грозно свела брови и молча указала на одну из палат. Что интересно, здесь не было дверей, только перекрытия из стекла покрытого небольшим напылением, чтобы не было видно, что находится в помещении.

Втихую посмеиваясь, мы вошли следом за Василеной и увидели вполне себе комфортабельные двухместные покои. Только вот лежал здесь только один молодой человек совершенно изможденного вида, которого словно не лечили, а наоборот, пытались уморить. Или использовали в качестве пособия по анатомии для изучения скелета, вон как у него ключицы торчат.

Покосившись на два скелета, которые едва нашли в себе силы посмотреть на вошедших, я шепотом поинтересовалась у преподавательницы:

— Что с ним случилось?

— Мы проводили диагностику, но так и не смогли понять. Он поступил к нам совсем недавно, ничего не может есть, бульон и тот пьет через силу, пару раз рвало. Органы вроде в норме, температура тела постоянно прыгает, но преимущественно высокая. Иногда вообще до лихорадочного состояния доходит. Я и мой ученик, ставший успешным врачом, нашли что-то постороннее у них в желудках, чтобы это убрать, мы даем ему специальные отвары.

Здесь бульоном и отварами точно не поможешь. Подойдя ближе, я попросила Василену показать, что они здесь называют диагностикой. Рядом как конь заржал Идрис:

— Какой же ты врачеватель, если таких простых вещей не знаешь?

— Наверно не хуже тебя, — тут же парировала я, — по крайней мере, и без наших приборов смогу что-то сделать, а ты при своих знаниях вообще ничего применить не

можешь.

— Будете препираться, выставлю за дверь, — пригрозила женщина, и мы тут же притихли.

Увидев, что в палате опять тихо и спокойно, она начала водить ладонью по телу больного, при этом парень никак не реагировал на прикосновения, хотя и чувствовал их.

— Если у тебя есть хотя бы какой-то задаток врачевателя, то попробуй перейти на внутреннее зрение и увидеть воочию, как циркулирует энергия этого несчастного. Мы как можем, стараемся поддерживать его, но пока ничего не помогает.

Я сделала то, о чем она просила и с интересом уставилась на лежащего.

— Каждый из нас состоит из замкнутой энергетической системы, отдельные потоки мы называем меридианами.

— Прямо как пояса на карте, — едва слышно пробормотала я, но ребята меня услышали и заржали в голос, не испытывая к больным никакого уважения. Василена тут же растеряла всю свою доброжелательность и рявкнула на нас троих:

— Не вижу ничего смешно! Да, это грубоватое сравнение, но по сути, мысль ты уловила правильно.

Мысль мыслью, а я только сейчас поняла, что ни разу карт местного мир так и не успела посмотреть и не знаю, куда именно меня занесло. Похоже, что мне все-таки придется наведаться в библиотеку к злобному Хранителю Слова и попытаться найти с ним общий язык.

— Когда мы хотим найти проблему, из-за чего человек заболел, то ищем, есть ли где заломы, зажимы в энергетике, все ли узлы и точки открыты и как пропускают через себя потоки. Именно умением видеть мы и отличаемся от обычных магов, этих слепых котят, которые полагаются только на свои ощущения.

— Да, отец рассказывал, что если найдешь место, где у человека есть проблема в течении потока по телу, то процентов на восемьдесят ты победила его болезнь, — подсказал Лерой, — поэтому мы не заикливаемся на названиях болезней, нам не так важна материальная сторона.

— Раньше изучалась кровь, органы и прочее, но потом, когда некромантские культы начали поднимать голову, нам запретили вмешиваться в строение человека, — покивала Василена, — так что практически все мы лечим через воздействие на определенные точки в тонком теле пациента.

— То есть, если у него вдруг произошел разрыв внутренних тканей, то вы бессильны, потому что срастить плоть невозможно, а оперирование приравнивается к преступлению? — поражено воскликнула я, — но это ведь варварство! А что вы делаете при гангрене? Как лечите колотые раны?

— Если они не глубокие, то останавливаем кровь, — негромко ответил Идрис, задумавшись. Казалось, он раньше не касался этой проблемы так остро и не думал о ней.

— Не глубокие и без швов сами зарастают, а что делать если удар был нанесен мечем, прошел по касательной, отсек к примеру кисть, пронзил насквозь?

Василена и ребята молчали, но я и так поняла и помрачнела. Одно дело не знать, что можно спасти кому-то жизнь, потому что не додумываешься до таких способов, а другое сознательно идти на это! В итоге не оперируя, они уже давно утратили пласт важнейшей науки, которая могла бы спасти не одного человека, простого пахаря или воина, для которых хирургия особенно актуальна. Это было просто ужасно. Обжечься об каких-то фанатиков и

из-за этого обречь многих на смерть!

— Знаете что, — решительно заявила я, не в силах мириться с очевидными глупостями, которые не просто вредят, а направлены на прямое уничтожение жизни.

— Мне абсолютно плевать на ваши законы в данном случае, жизнь гораздо ценнее чьих-то страхов и если мне понадобится кого-то вскрыть, чтобы его спасти, я это сделаю, а потом судите меня хоть всем миром. Кто принял и когда умудрился принять решение о запрете прямого вмешательства?

— Это было давно, много веков назад, — проговорил Идрис, отводя взгляд, — со временем многие государства приняли эту точку зрения.

— Не злись, Ярослава, мы-то тут не при чем, — поддержал брата Лерой, — существует Ассоциация врачей, они живут и работают под покровительством ведущих монарших семей, занимаются исследованиями. Не знаю, но можно обратиться к ним, попытаться обосновать. Ты из другого мира, у вас другой уровень этой вашей хирургии, может, ты сумеешь добиться хотя бы того, чтобы тебя выслушали.

Василена слушала нашу перепалку с немым восторгом. У меня даже закралась мысль, что она специально завела весь этот разговор и привела именно к этим двум парнишкам, зная, что у них с диагнозом не все так просто.

— Показывайте, — повернулась я к ней, — не будем терять время впустую.

— Смотри, — она опять попросила перейти на внутреннее зрение, перед глазами тут же засветились те самые меридианы, про которые она говорила. Они повторяли артериальную и венозную кровеносные системы, но не во всем, именно энергетических ответвлений было больше.

— Энергией в организме мы управляем с помощью воли и мысли, для этого врачу нужно владеть собственным телом и сознанием, поэтому мы постоянно медитируем, чтобы повысить способность к моментальной концентрации. Чем сильнее твое сознание, тем сильнее ты можешь влиять на энергию другого человека. Смотри, у всех есть два главных канала...

Она показала пальцем, каких именно: один шел прямо вдоль позвоночника, и уже от него отходило множество мелких, словно капилляров, меридиан. В другой проходил в центре передней части тела, по обеим сторонам от которого отделялось еще двенадцать крупных каналов.

Братья Ярдлеи ничего подобного увидеть не могли и откровенно скучали, хотя пытались то сконцентрироваться, то зачем-то напрягали зрение. Выглядело это все довольно смешно, но улыбаться не хотелось. Слишком сильно меня задело все, что вывалила на меня Василена.

— Здесь все взаимосвязано, узел, через который проходит меридиан большого пальца, отвечает за правильную работу легких, узел среднего пальца, это сердце. И так далее. У этого парнишки на первый взгляд ни заломов, ни проблем в самом течении энергии нет, но тем не менее, он медленно угасает.

Я внимательно рассматривала каждый миллиметр этих самых меридиан, но ничего так и не поняла. Для этого надо потратить много сил и времени, чтобы начать разбирать во всех этих узлах и прочих атрибутах. Подойдя к парню поближе, я задала интересующий меня вопрос:

— Сколько он уже здесь находится и когда это началось?

— Вчера днем поступили, с высокой температурой, болями. Отказывается от еды, питья. Насилу заставляем пить укрепляющий отвар, наша диагностика ничего не дала.

— Где болит, мой хороший?

Молодой человек открыл глаза и посмотрел на меня. Сухие потрескавшиеся губы, синюшный оттенок кожи, полная апатия и жар.

— Живот... Приступами, иногда терпимо, а бывает как накроет, даже кричать не могу.

Я откинула простынь, под молчаливое одобрение присутствующих откинула и ночную рубашку. Сам парень имел худощавое телосложение, живот же у него был вздувшийся. Аккуратно помяв его, я принялась успокаивать застонавшего бедолагу. Отварами они его лечат!

— Не тошнит?

Парень моргнул:

— Постоянно, пару раз вырвало, но уже нечем.

Если он в таком состоянии около суток, то просто удивительно как у него еще организм держится от обезвоживания.

Осмотрев молодого человека досконально, я обернулась к преподавательнице, которая внимательно следила за всем, что я делю.

— Он хотя бы раз отпрашивался в уборную?

— Ни разу, — покачала она головой.

— Дыхание у него прерывистое, пульс учащенный. Вы не замеряете его?

Василена виновато улыбнулась, как бы говоря зачем, если можно нажать на определенную точку и все быстренько пройдет. А если не проходит, ну так что же, да здравствует естественный отбор.

— У него развивается тахикардия, как только мы пришли, он так еще не дышал.

— Что развивается? — не понял Лерой, но по моему взгляду до него быстро дошло, что ликбезом заниматься сейчас не с руки.

— Эх, сейчас бы рентген с контрастным веществом, посмотреть, что именно у него в кишках...

Стоп, зачем рентген, если я могу пользоваться внутренним зрением. И если уж врачевателю подвластно видеть тонкое тело человека, почему я так же не могу определить, есть ли закупорка в кишечнике этого бедолаги, пока у него не начали отказывать основные органы или причина вообще в другом?

Я долго примеривалась, но никак не могла сосредоточиться и понять, как надо правильно смотреть именно внутрь организма. Василена не даром была профессором, она поняла, что именно я хочу сделать, и пусть не знала как именно это должно работать, она взяла меня за руку и помогла сосредоточиться. Через несколько минут, когда я перестала ощущать собственные конечности, в мозгу вспыхивали картинки, как будто их в темноте выхватывали вспышки прожектора. Наверно понимание, что такое рентген, узи и прочие современные исследования, на которые мое сознание было настроено давным-давно, я сумела настроиться на такое получение информации.

— У него множественные спайки в кишечнике, вот здесь, на этом развороте, — я осторожно нажала на место проблемы, но парень даже не дернулся, не почувствовал.

— Из-за нарушения проходимости кишечника, у него начинается заражение крови. Простыми отварами здесь не обойдется, надо устранять спайки.

— Каким образом?

Я посмотрела на братьев, как на идиотов.

— Именно таким, о котором мы недавно говорили. Если не сделать лапароскопию,

больше суток он не продержится. А если протянуть еще несколько часов, что-то делать будет вообще бесполезно, кровь будет заражена и в этих условиях я ничего не смогу сделать при всем желании.

Глаза Василены тут же загорелись, она была прирожденным исследователем, а значит априори авантюристкой. Что-то мне подсказывает, что запрет на операции ее не особо остановит и в дальнейшем, если сейчас все пройдет удачно. Она устроит просто террор против меня, чтобы я поделилась с ней всем, чем знаю.

— Что за лапароскопия?

— Это условное название, — скривилась я, понимаю что необходимых инструментов у меня просто нет, — у нас хирург делает небольшой прокол в нужном месте и либо проводит исследование, либо устраняет проблему. Нам придется делать разрез. У меня есть походная аптечка, там были шприцы и необходимые трубочки, но инструменты придется искать у вас. Василены, вы возьмете на себя такую ответственность?

Женщина хмыкнула:

— Меня всякой ерундой, типа запретительных актов не напугаешь, тем более это наш студент, мы за него отвечаем. Ты сама-то готова пойти на это? Если все сложится удачно, будет разбирательство, ну а если он умрет? Готова рискнуть ради постороннего человека?

Умеют же некоторые люди так поддержать, что руки опускаются еще ниже, чем были до этого. Только вот думать я в таких ситуациях не люблю, это очень вредит делу. Первая мысль обычно всегда самая правильная.

— Ради чужого нет, ради пациента готова, но опыта самостоятельных операций у меня нет, поэтому давайте договоримся, что больше под руку вы не лезете. Лерой!

— Даже не пытайся нас выгнать, — сурово припечатал приятель, — мы хотя бы сможем помочь.

Отговаривать их с братом было бесполезно, я это прекрасно понимала, поэтому кинув ключ от своей комнаты, попросила принести темно-синюю просторную сумку, стоящую на подоконнике. Так у меня была и аптечка и прочие приятные мелочи для жизни.

— Василены, нам нужно приготовить перевязочные материалы, посмотреть ножи, щипцы, это ведь у вас есть?

— Не уверена, что это именно то, что вам нужно, но есть инструменты для работы с лекарствами, там и ножи, зажимы, иглы для сбора эссенций.

Я потеряла руки, чувствуя в них знакомую дрожь.

— Тогда показывайте, а сами готовьте воду, какую-то емкость с двумя отверстиями, будем делать капельницу и найдите препараты против воспаления. Не будем откладывать, тем более больной без сознания, видимо от боли вырубил.

В больничном крыле поднялся самый настоящий балаган. Прибежало еще несколько врачей, один из которых устроил скандал, заявляя, что мы вредители и он не позволит убить бедного парня. Когда Василены молча взяла его за шкуру, легко подняла от пола под треск ткани его одежды и выставила, он закричал, что будет жаловаться и нам все так просто с рук не сойдет.

Прибежавший Идрис с братом торжественно вручили мне спасительный баул, а сами по моей просьбе принялись колдовать с освещением.

С удивлением обнаружив огромное разнообразие инструментов у Василены, я быстро обработала их, приказала приготовить помещение, и схватив преподавательницу, потащила ее принимать душ и переодеваться. К сожалению специальный халатов у них не было,

поэтому под это дело мы быстро приготовили простые простыни, на который распылили дезинфицирующее средство.

Перевязав ткань с помощью друг друга, чтобы она не свалилась в самый не подходящий момент, я под пристальными взглядами подпольной команды достала одноразовый катетер, зафиксировала на вене паренька и попросила Лероя держать бутылку с раствором от обезвоживания на вытянутых руках, раз здесь нет фиксатора.

Сама по себе операция не была сложной, но из-з отсутствия опыта и нормальных условий, я боялась что-то сделать не так. Поэтому вместо небольшого количества времени, потратила на все про все больше часа. Мы все уже взмокли, со лба на косынку уже начал катиться пот, когда я поставила последний шов.

Паренек давно пришел в себя и был под действием сильного обезболивающего и выглядел так, словно был на седьмом небе от счастья. Улыбнувшись ему, бледная Василена поинтересовалась:

— Как чувствуешь себя?

— Ничего не болит, — блаженно заурчал он, отчего все присутствующие с восхищением обернулись ко мне. Я тут же поспешила опустить их на землю:

— Это действие лекарства, как только оно закончиться, боль придет снова, но уже не будет такой, как раньше. Это ненадолго, пока не образуется шрам. Повязки пропитывайте в антисептическом растворе и меняйте два раза в день первые несколько дней. Василена, у вас есть что-то, что стимулировало бы двигательную функцию кишечника?

Преподавательницы радостно закивала:

— У преподавателя по травоведению одолжим необходимые материалы.

— Ну, это вы уж сами, я травами особо никогда не интересовалась, что будет лучше использовать, не знаю.

— Какая разница, я разберусь, главное ты ему помогла!

— Не спешите, — осадил я ее и ушла в другую комнату, где оставила все свои вещи. Надо переодеться, прийти в свою комнату, принять ванну и упасть в кровать, а то чувствую, что скоро свалюсь прямо здесь, так я устала. Это была не только физическое перенапряжение, но и моральное. Слишком много свалилось за один день.

— Через несколько дней, когда будет точно ясно, что состояние Адрия улучшилось, мы пойдем к ректору. Все равно рано или поздно ему донесут, так что лучше мы первые с хорошими новостями заявимся, — радостно вопила Василена, переодеваясь рядом со мной.

Вот значит как зовут того молодого человека, надо запомнить, а то как-то нехорошо получилось, что я даже именем его не поинтересовалась. Он ведь в конце концов не учебное пособие для аз-Зайтуна, хоть и сам того не желая попал в подобную переделку.

— Мои ученики не стали к тебе подходить, побоялись, ты всю операцию простояла с перекошенным лицом, как будто собиралась убивать. Но мы выражаем тебе огромную благодарность, я под впечатлением, перед нами открываются такие возможности, что просто страшно становиться!

Мне тоже, только уже за нас с братьями Ярдлеями. Что-то мне подсказывает, что ректор уже в курсе всего происходящего и спокойной жизни нам ожидать не придется. А пока он еще не успел сюда прибежать и от злости брызгать слюной, надо поспать хотя бы пару часов.

Подмигнув братьям, я не заметно вылетела из палаты, а затем и из больничного отделения. Они оба поспешили за мной и выглядели не менее замученно.

— Думаю, нас скоро вызовут на расправу, — Идрис задумчиво поделился с нами

своими изображениями.

— Я вас предупреждала, надо было не слушать вас, а выгнать и дело с концом!

— Не переживай, Ярослава, — улыбнулся Лерой, — это наше решение, все-таки мы сыновья известного рода врачей и честно говоря если так и не научимся лечить других, то это будет большим позором для семьи.

— А кроме внутреннего зрения существует и другая врачебная практика, которую ты сегодня с успехом продемонстрировала, — согласился Идрис, а я глядя на двух подхалимов, вмиг насторожилась:

— Я надеюсь, вы не думаете, что стану вас учить? Ребята, очнитесь, прямое вмешательство у вас запрещено! Если бы этот Адрий сейчас не умирал, я бы ни за что не стала бы в это влезать!

— Ладно, ладно, что ты, — забормотал Лерой, успокаивающе глядя меня по спине, — все будет хорошо.

Ох, вряд ли они теперь от меня отстанут. Но кто бы мог подумать, что эти два обормота, гордо задирающих нос вверх, на самом деле так переживают за то, как о них будут думать дома?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТЬ.

На следующее утро я проснулась бодрой, но больной. Хорошо было только в эмоциональном плане, все тело же ломало и стонало, прося остаться в кровати и никуда не ходить.

Не обладая чувством жалости к самой себе, я усилием воли приподнялась, заставила себя разогреть мышцы и сделать растяжку. Больно было невероятно, но приходилось утешать себя тем, что все скоро пройдет и будет лучше. А небольшая разминка только ускорит приход хорошего самочувствия.

Удивившись, что меня никто с вечера не искал, чтобы вклеить выговор или хотя бы отчитать, я собралась и вышла из покоев, в надежде найти на двери листок с расписанием. Конечно же, он уже там был, вложенный в небольшой самодельный конверт для корреспонденции.

Первой парой стоял какой-то странный предмет с чудным названием Естественная Философия, которую должны были проводить в семнадцатой аудитории. Это было достаточно странно, потому что на первом этаже находились в основном хозяйственные помещения и крыло, где жили преподаватели и другой персонал академии, за исключением самого ректора. Видимо, раз туда сослали преподавателя-философа, то предмет особой значимости не несет, и я смогу спокойно полистать отобранную у Самаэля книгу.

Весь факультет в полном сборе стоял возле неприметной дверки совсем недалеко от трапезной и откровенно скучал. Чуть поодаль стояла еще одна малочисленная группа молодых ребят и нескольких девчонок. В общей сложности их всего было не больше двенадцати человек. И среди них я увидела печально знакомое лицо Ральфа, сына моего Великого Комтура.

Поздоровавшись с будущими коллегами, я шепотом поинтересовалась у неспешно подошедшего ко мне Лероя:

— Это что за факультет столпился рядом с нами?

— Это целители, — разулыбался парень, поняв, чем или вернее кем вызван мой интерес.

Неожиданный поворот, рыцарь, сын крупного военного начальника и вдруг отправлен на целительский факультет. Неужели дар внутреннего зрения и умение распознавать энергетические потоки, настолько редок, что никто не смотрит на другие таланты? С другой стороны, меня то распределили совсем в другое направление. Может ректор ошибся и просто перепутал нас?

В любом случае, если в первый день мне действительно хотелось заниматься тем, чему училась дома. То сейчас, вдруг найдя общий язык со своим нынешним факультетом, совершенно не хотелось переходить под начало Васелины. Слишком уж она властная женщина, замучает же со своим желанием узнать обо всем и сразу.

Видимо почувствовав интерес к своей персоне, Ральф заозирался по сторонам, увидел меня, и уже было хотел подойти, чтобы сказать очередную гадость, как в нашу толпу ворвался запыхавшийся Леонард Иохай. Тот самый Семнадцатый хранитель академии, что встречал меня перед самыми испытаниями у моста.

— Краснословаская, братья Варн Ярдлеи?

Ну вот и началось. А я уж грешным делом подумала, что неужели про нас забудут и не станут поднимать шум. Не тут-то было, рано я расслабилась.

Ребята вышли вперед, прикрывая меня от любопытствующих глаз. Леонард понимающе покивал головой:

— Так, так, все в сборе, это просто прекрасно. Пройдемте со мной, вас ждут в кабинете у ректора.

Слово «ждут» меня тут же напрягло. Если бы он сказал «вас ждет ректор», это одно, значит, нагоняй мы бы получали в частном порядке, а что значит, вас ждут? Ох, не нравится мне такой поворот, что-то я к нему не готова.

За нами было дернулся Самаэль, но Дионис умница, вовремя его придержал. Правильно, мы и сами не знаем, что нас там ждет, не зачем еще и других туда втягивать.

Проходя мимо целителей, я заметила, как Ральф смотрит в нашу сторону и торжествующе улыбается во все тридцать два зуба. Видимо чужие проблемы его сильно забавляли. Заметил это и Леонард, но почему-то не стал проходить мимо, а веско проговорил:

— О, и вы здесь, господин Озрельн. За вами я зайду позже, ваш отец только что приехал, так что советую подготовиться к беседе.

Услышав, что приехал Вернер, я немного расслабилась, вряд ли он даст меня в незаслуженную обиду. Но понимание этого мне было мало и выровнявшись с Леонардо, я с интересом проговорила:

— А зачем нас вызывают?

Сын Робби Шимона Бар Иохайа скосил на меня понимающий взгляд и обрубил:

— Ни за чем хорошим. Все уже заметили что вы, курсантка, любите нарушать установленные не вами правила. Нужно принимать меры.

— Тогда зачем вы Ярдлеев вызываете, если вопрос во мне?

— Чтобы они в следующий раз думали, с кем связываются, — с пафосом изрек Семнадцатый характер и оставшуюся дорогу, мы как не старались, так и не смогли вытянуть из него хоть одно слово. Он молчал как партизан и никак не высказывал своего отношения к расспросам, как будто нас вообще не было.

Перед кабинетом ректора он тормозить и стучаться не стал. Просто открыл дверь и посторонился, чтобы мы с ребятами зашли первыми. Переглянувшись и сцепив пальцы, как

бы говоря друг другу, что ничего страшного, прорвемся, мы зашли внутрь.

Там нас уже ждали: на своеобразном троне восседал как персидский шах хмурый и величественный Артур Эдварт. Стоя у окна и загадочно вглядываясь вдаль, расположился Великий Комтур. Для достижения большего эффекта он сцепил руки замком за спиной и время от времени вставал на мыски, а потом перекачивался на пятку.

В креслах для гостей, друг напротив друга сидели Шармад, наш преподаватель по боевому искусству и еще один орк, очень похожий на него. Только глаза были не карими, а неожиданно серыми, да еще кожа немного темнее. Общее впечатление, исходившее от него, заставляло признать — и среди орков есть вполне себе симпатичные мужчины. Только вот одет он был как-то странно, во что-то, сильно напомнившее мне средневековую монашескую рясу, такую любили носить братья-доминиканцы.

Словно прочитав мои мысли, этот неизвестный орк, с таким же любопытством принялся рассматривать меня, а потом хмыкнул:

— Это и есть ваша возмутительниц спокойствия?

Ректор с тяжелым вздохом откинулся на мягкую спинку трона.

— Ярослава Краснословская.

— Спасибо ректор, — вставила я свои пять копеек, но не для того, чтобы прослыть хамкой, а чтобы все сразу понимали, что замолчать меня не удастся, — но пока я и сама в состоянии себя представить.

Шармад неожиданно разозлился:

— Да что ты говоришь? Какая молодец, представить она себя может! А пройти мимо синигами не был в состоянии, как и мимо больничного отделения? А ведь я еще ректору не успел рассказать про то, как ты отметилась в библиотеке. Хранителя Слова, успокоительными после вас с Самаэлем отпаивали!

Как можно было бесплотного духа чем-то отпаивать, я не совсем поняла, но прониклась своим ужасным поступком.

— Это что вы там с белобрысым успели натворить? — свистящим шепотом поинтересовался у меня Идрис, наклонившись к самому уху. Но его маневр был замечен, так что, слава богу, придумывать вразумительный ответ мне не пришлось.

— Шушукаться будете в коридоре, — ректор вне себя от злости стукнул кулаком по столу, — а вам обоим вообще должно быть стыдно, додуматься резать живого человека! При таком то прекрасном отце, два обалдуя скатились не понятно куда!

— Мы не резали, а спасали Адрису жизнь, — с некоторым пафосом поправил его Лерой, вызвав еще один вскрик со стороны Уэйта.

— Тебя не спрашивают!

Лерой равнодушно пожал плечами, мол, не очень то и хотелось.

— К нам прибыл Великий Комтур Ордена Солнца, который призван охранять порядок и помощник Великого инквизитора, борющийся с проявлениями некромантии. Сейчас они зададут вам несколько вопросов.

При слова Великий Инквизитор, у меня перед глазами сразу промелькнули картинки многочисленных костров, испанского сапога и ведьминога саркофага, завершив бурную фантазию обыкновенной дыбой.

Незнакомый орк легко и непринужденно встал из кресла, демонстрируя всем присутствующим двух метровый рост.

— Меня зовут Гаспар де Кирога, главный помощник Великого Инквизитор Эспиноса, я

кардинал его Преосвященство и член государственного совета Торедо.

— И мой двоюродный брат, — с некоторой враждебностью признался Шамрад, видимо недолюбливавший своих родственников. Хотя здесь я его прекрасно понимала.

— Сейчас это совершенно не важно, — безразлично бросил кардинал.

Я как-то не могла поверить в серьезность происходящей ситуации. Уже давно понятно, что здесь по одному не работают, все больше семейные подряды, которые можно было встретить на любом шагу. Но как орк может работать на инквизицию, а один из первых лиц духовного военного ордена стоять и спокойно его слушать? Нет, я понимаю, каждому свое и вообще здесь совершенно иные устои, правила, но вот в голове у меня это никак не могло уложиться. У нас инквизиция сжигала любого, у кого вдруг родинка лишняя появиться, тут целый орк и даже живой.

— Профессор Васелина Антиповна во всем призналась и рассказала в мельчайших подробностях, как узнала о необычных навыках курсантки, что она была возвращена домой из чуждого мира. О том, как различаются ее подходы к лечению и взгляды на это самой Ярославы. Вы, прелесть моя, очаровали своего учителя уверенностью, что пуская кровь можно не убивать, а наоборот, дарить жизнь. Вот мне интересно, вы специально втирались ей в доверие?

Я не сразу поняла, что фразой про прелесть, кардинал обращается именно ко мне. Видя, что я не реагирую, з меня неожиданно вступился Вернер:

— У них действительно может быть другой подход к лечению, магия-то у них практически не работает.

— От вас ли я слышу эти слова? — изумленно воскликнул Гаспар, явно намекая Комтуру, от чьих рук погибла его невеста. Вернер чуть порозовел, но отказываться от своих слов, тем не менее, не стал.

— А что на это все скажет нам сам Ярослава?

Ярослава говорить вообще принципиально не хотела. У меня кардинал святой инквизиции в образе огромного орка с серыми глазами, напрочь выбил почву из-под ног, было очень трудно сосредоточиться.

— Я сделала то, что должна была, это мой долг, помогать и спасать людей.

Просто какой-то театр абсурда. Вот за помощь меня пока еще никто не пытался осуждать, до сегодняшнего дня. Все происходящее было похоже на дикий и сумасшедший край, где мне нормальной отвели роль овцы на заклание. Даже не подумаю извиняться или не дай бог раскаиваться, чего видимо от меня все так ждут.

Об этом я тут же и заявила всем присутствующим в просторном кабинете. Это ни в коем случае не было актом героизма или чего-то еще в этом роде, я на самом деле так думала, в этом был смысл мое жизни. Иначе, зачем тогда вообще все это нужно будет, если запретят быть человеком?

— Гаспар, ты же видишь, что девочка просто хотела помочь, — неожиданно поддержал меня Шармад, — а ребята решили ее не бросать, на мой взгляд очень взвешенный поступок достойный не молодых ребят, а уже зрелых состоявшихся мужчин. Я могу их только похвалить.

— Ярослава спасла жизнь человеку, — вдохновленный такой пламенной поддержкой, тут же непоколебимо вставил Идрис, — я знаю, о чем говорю. И госпожа преподаватель наверняка сказала то же самое.

— Сказала, сказала, но правила есть правила. Любое подобное вмешательство

относится к ритуалам некромантии. Вы все хотите попасть на релаксацию?

— На что? — удивленно переспросила я и Лерой тут же любезно откликнулся:

— На костер. Так они называют процедуру, когда сжигают обвиняемого.

— Да еще и дрова сырые подложат, — с неприязнью протянул Идрий, — чтобы обреченный на смерть бедолага дольше мучился.

— Минуточку! Инквизиция никого не сжигает! — кардинал попытался самоотверженно защитить свое место работы, впрочем, безуспешно: никто этого порыва не оценил, даже влюбленный в орка ректор.

— Да, да, вы просто отправляете приговоры местным властям, а там они действуют сами. Только вы думаете, что вы не палач, если лично не подкидывали дров, так что ли?

Ректор поняв, что еще немного и запахнет жареным, постарался тут же всех отвлечь.

— Так может, на первый раз простим? Возьмем н жесткий контроль, будем вести, как положено. Тем более что этому мальчишке и правда лучше и Ярослава скорее сделала прокол, что-то тип надреза, это не так уж и серьезно.

Почему-то у меня упорно складывалось ощущение нереальности происходящего. Как будто происшествие в больничном крыле не особо и интересует помощника Великого Инквизитора. Нет четкого обвинения, адекватных угроз, разъяснений нашей страшной участи, которая может всех нас здесь сейчас настичь.

Этот вертлявый кардинал даже не спрашивал как именно и что я делала, никаких подробностей, хотя они должны были интересовать его в первую очередь. Так что, либо уже все давно решено, что с нами будет и сейчас он тут просто красуется, либо ему нужно что-то еще.

— Сейчас простим, потом опять повториться?

— Обязательно повторится, — я согласилась с этим умозаключением, с интересом наблюдая за поведением кардинала.

— Только сначала я обращусь в вашу Ассоциацию врачей.

— Зачем?

— Чтобы они своими глупыми законами больше никого не убили.

Слово «глупыми» я использовала в последний момент, до этого на языке крутилось другое забористое выраженьице. Но вряд ли тут кто-то поймет мою простую широкую душу, так что иногда стоит и промолчать.

— Ну, просто радетьница за добро и справедливость, — расхохотался помощник Великого Инквизитора, — я с удовольствием посмотрю на это. Артур...

При звучании своего имени, задремавший было ректор, тут же очнулся, ошалело потряхивая головой.

— Что случилось?

— Знаю я такой тип людей, — посетовал орк, но вышло у него это настолько эмоционально, что я ему не поверила.

— Если сейчас ее не взять в оборот, потом будет слишком поздно, слишком уж девушка свободолюбива.

— Определенно, — жалостливо вздохнул ректор.

Такое впечатление, что они вдвоем собираются заживо похоронить меня и теперь занимаются тем, что жалеют себя, несчастных.

Шармад помрачнел, что только подтвердило мои опасения, и цыкнул на Лероя с Идрисом:

— Вы сейчас идете на занятия. К вечеру вашим родителям сообщат о столь значимых успехах, а в личных делах появиться отметка о выговоре. Брысь отсюда.

Но ребята даже не двинулись с места, только стояли, переминаясь с ноги на ногу, и угрюмо посверкивали глазами на преподавателей.

Шармад тяжело вздохнул:

— Да никто ее и пальцем не тронет, не бойтесь.

— И не отчислит? — с затаенной надеждой спросил Лерой.

— Нет, — вместо орка ответил ректор и ребята, постоянно оглядываясь на меня, наконец-то ушли.

Помощник инквизитора, едва касаясь моих плеч, осторожно усадил меня в свое кресло, а сам сел на корточки рядом и проникновенно, как психиатр на сеансе с шизофреником, принялся вещать:

— А вы пользуетесь несомненным успехом у мужчин. Эти двое даже не побоялись быть отчисленными и собирались защищать вас до конца, как будто мы тут сплошь кухарки и пажи. Тем более я считаю свое решение своевременным и его нельзя откладывать в долгий ящик.

— Это совсем не то, о чем вы подумали, — процедила я, похолодев от возмущения, что кто-то вот так запросто может решить, что оскорбить меня ничего не стоит.

Гаспар восхищенно присвистнул и попытался взять меня за руку, видимо думая, что этот простой жест сможет меня успокоить.

— Вы так думаете?

Тщательно взвешивая каждое слово, я иронично предположила:

— То есть вы не верите в дружбу между мужчиной и женщиной, в нормальные рабочие отношения?

— Нет, а вы, конечно же, маленькая глупенькая девочка, будете убеждать меня в обратном?

Оп-па, только недавно меня тут пытались уверить, что мне лет пятьдесят, не меньше, а узнав, что не разменяла еще третий десяток, не поверили. А теперь ву а ля, я маленькая и глупенькая. Теперь бы понять, падаю ли я в регресс или наоборот, развиваюсь.

— Хотите сказать, что в каждой мимо проходящей женщине вы видите объект желаний? Тогда как вы сейчас можете так спокойно находиться рядом со мной и что-то пытаться предлагать? Господин ректор, прошу отметить, что этот... орк — пристрастное лицо и не может вносить никаких предложений.

— Ярослава, выбирай выражения! — вздрогнув, тут же наорал на меня некогда спокойный и всегда вежливый Артур Уэйт.

Я тут же сделала большие невинные глаза.

— Но ведь он и правда орк, что ж на честное слово то так обижаться?

Шармад не сдержался и спрятал лицо руками, явно пытаясь скрыть рвущийся наружу хохот. Но по трясущимся плечам я все равно видела, как ему не сладко приходится. Его же двоюродному брату было абсолютно все равно, что я говорю и как себя веду. Наверное, если бы я сейчас запрыгнула на ректорский стол и начала танцевать канкан, он не стал бы делать мне замечаний. Именно благодаря этому наблюдению, я поняла, что крупно влипла. На мелкие шалости никто не обращает внимания только тогда, когда твою судьбу давно решили и изменить ничего не получится.

— Не реагируй Артур, она просто нервничает, — кардинал перевел взгляд на меня и

натурально облизнулся, — я даже думаю, что не стоит давать ей выбора кандидатов.

— Она маг, — напряженным голосом напомнил ему Вернер, — даже ведьмам по окончании академию предоставляют на выбор двух-трех претендентов. Она же не простолюдинка какая, чтобы вообще не иметь голоса!

— И что это все значит? — недоуменно переспросила я.

Помощник Великого Инквизитора безудержно расхохотался:

— Это очаровательно, она что, не знает?

Так-так, где-то я уже это слышала.

— Сэр Озрельн, не хотите объяснить мне, что здесь происходит?

— Ярослава... — Вернеру трудно давался язык, наверное, если бы сейчас была возможность оказаться отсюда как можно дальше, он бы выбрал вообще другое измерение.

— Нет уж, дайте я, — влез Гаспар, которого даже потряхивало от удовольствия, — академия аз-Зайтун славится не только отменными подготовленными кадрами по окончании обучения, но и прекрасным подходом к чистоте крови всех, кто имеет хоть какое-то отношение к магии. У простого населения все без проблем: рождается девочка и к пятнадцати годам она уже знает, за кого ее родители отдадут замуж.

Ну что сказать, бедные девочки, только я тут при чем? Я к вам монастырь лезть не собираюсь, живите, как хотите.

— У дочерей знаменитых фамилий даже есть выбор. Отец в день ее совершеннолетия представляет двух-трех кандидатов, и она сама выбирает, с кем хотела бы вступить в брачные отношения.

— Прогресс на лицо, — саркастически заметила я, — у магов вообще полная свобода действий?

— О нет, моя дорогая, — гаденько засмеялся он, отчего ее в принципе симпатичное лицо приобрело сходство с обезьяньей маской.

— Ты у нас первая женщина маг, в этом смысле. Есть ведуньи, ведьмы и прочие особенные девушки. Так вот у них тоже все предопределено, но больше свободы выбора.

— В чем же?

Чего греха таить, я, в самом деле, заинтересовалась этим вопросом, в какой-то мере мне ведь тоже предстоит быть причастной к этому. С интересом посмотрю, как местные девушки выбирают себе партнеров.

— Перед праздником Зимнего Солнцестояния устраивается бал, на котором происходит так называемый аукцион невест. В центр зала выходит одаренная девушка, и любой желающий кандидат в будущие мужа предлагает за нее свою цену. Из всех, кто предложит больше всего, выбирается трое мужчин и к концу выпускных экзаменов девушка выбирает себе одного из них. Спешу заметить, что участники мужского пола могут снять свои кандидатуры и под конец может остаться всего один претендент. Так что, может вам, выбрать никого не придется, Ярослава.

— В смысле?

От подобных новостей я почувствовала, как на спине у меня зашевелились микроскопические частицы волос.

— Это что, шутка такая? — спросила я охрипшим голосом и повернулась к рыцарю храма, — скажите, что вы пошутили!

— Прости, Ярослава, мы действительно забыли об этом сказать, — начал оправдываться Вернер, — а потом решили смолчать, потому что не собирались вешать на

тебя такие обязательства, понимая, что у вас все было по-другому, тебя никто не хотел ломать.

Очень сильно не люблю в диалогах частицу «не».

— Что же изменилось?

— А ты дорогая моя, — ухмыльнулся кардинал, — лезешь туда, куда не надо. Но можешь выбирать, либо отправишься в дорогу со мной сейчас, мы устроим показательное следствие, чтобы никто не думал, что ему все дозволено только потому, что он так талантлив. Либо задумываешься о замужестве и как все нормальные курсантки, спокойно готовишься войти в семью.

— Он хочет сказать, что тебя либо муж усмиряет, либо инквизиция, — с жалостью отозвался Шармад, но мне было тошно смотреть на всех них.

Это что же получается, шаг вправо, шаг влево, никакого расстрела, а голимый шантаж?

— Вернер, это для этого ты выгнал меня из дома, чтобы я потом гнила в каких-то застенках? — с некоторой горечью проговорила я, в упор глядя на рыцаря. Может, ему и было что сказать в свое оправдание, но он только молча отвел взгляд.

Мерзавец.

А ведь был момент, когда он мне даже понравился.

— Ну, хорошо, господа, — решила я и мысленно пропев любимую песню среди обитателей моего детского дома «Врагу не сдастся наш гордый Варяг..», заявила, что готова отправиться в места лишения свободы.

Повисла напряженная пауза, и было приятно наблюдать, как у всех присутствующих изумленно вытянулись лица. Не ожидали они от меня такого решения, думали, попереживаю, да побегу искать тех, кто у кого денег больше, чтобы упасть им в ноги и попросить выпить в обмен на ласку и верность.

Не думаю, что в тюрьме святой инквизиции будет намного тяжелее, чем карцере, где я росла. Туда на три-четыре дня отправляли всех провинившихся детей, даже если проступок был сущий мелочью, такие уж были порядки.

Ни еды, ни воды, ни света мы не видели, спали сидя, потому что ноги вытянуть было не возможно. Один раз я в таком месте как-то просидела больше двух месяцев, когда отказалась избивать новенького, не ставшего делиться своими вещами из дома. Мне было жалко ребенка, по воле несчастного случая оказавшегося в нашей стали и как могла, встала на защиту. Разозлилась я тогда страшно, даже не помню, как смогла справиться с шестеркой напавших подростков, которые были на два-три года старше меня.

А потом по полной влетело от директрисы и мне хоть и давали на весь день пол буханки черного черствого хлеба, но когда, я наконец вышла истощавшая и жутко злая на весь мир, то увидела, что с тем домашним малышом обращались как с любимым братом. И что подкармливали меня именно те, из-за драки с которыми меня и упекли в темную каморку. Директриса забыла дать распоряжение, чтобы меня кормили... А ведь мне было всего десять лет, а сейчас я взрослая и меня всякой подобной ерундой не взять, только если я сама не захочу.

Наконец кардинал ожил и проникновенно произнес:

— Ярослава, я забыл сказать, что от вашего решения зависит и судьба ваших друзей. Закон для всех один, я не посмотрю, что эти молодчики из очень хорошей семьи.

Не сдержавшись, я выпалила:

— Ну ты и сволочь.

Он только развел руками:

— Каждый добивается своей цели, как может, что тут плохого? Кстати, я приеду на ваш бал, планирую поучаствовать в вашем аукционе. И можешь не переживать, денег мне хватит.

Да кто бы сомневался! Видимо, я здорово прищемила тебе хвост, раз успокоиться не можешь!

— Господин ректор, — вспомнив кое-что, я повернулась в Уэйту, — а кому идут деньги за невест?

— Свадьбы проходят в один день, перед самым выпускным, — неохотно признался мужчина, — все вырученные средства идут в казну академии.

— А если академии вдруг не станет, то и платить будет некому, — злорадным шепотом высказала я простую, но такую невинную мысль, что разом напряглись все.

— Я бы на вашем месте отмел эти ненужные мысли, — твердо сказал Вернер.

— Так может, поменяемся? — с ходу предложила я ему, — или может, вы сами хотите поучаствовать в тендере за мою руку и сердце?

— Я — нет, но Великий Магистр приказал, — по лицу Вернера было невозможно понять, огорчен ли он по этому поводу или нет.

Видимо чем выше у тебя здесь положение, тем ты большая сволочь.

Комментировать признание рыцаря я не стала, зачем тратить свои силы и нервы, а просто приподнялась из кресла и вежливо поинтересовалась, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Я принимаю ваши условия, но видит бог, насильно мил не будешь. Я могу быть свободна? Все-таки занятия идут.

Все были заняты тем, что обдумывают мою последнюю фразу и только Шармад нашел в себе силы махнуть мне рукой. Вот и сбылась первая часть расклада, сделанного вчера у прорицательницы: свадьба, выбор и обман. Знать бы еще, чей труп она мне приписала. Очень надеюсь, что Великого Инквизитора и его помощника.